

ДЖОАН
ВУЛФ

Амадей,
сорокдая

Граф Уэстон умер, оставив молодую вдову Аннабель и маленького сына. Согласно завещанию, опекуном ребенка оказался младший брат графа Стивен — последний, кого хотела бы видеть в этой роли Аннабель. Слишком много усилий приложила красавица, чтобы выбросить из своей памяти этого человека. Однако очень скоро Аннабель предстоит возблагодарить судьбу за возвращение Стивена, ибо он, бесстрашный и хладнокровный, окажется ее единственным защитником перед лицом таинственной опасности...

«Господи, о Господи! Да он же читает завещание Джералда!»

Казалось, будто мне внезапно нанесли удар по голове. Я посмотрела на адвоката. Он стоял перед собравшимися родственниками. Мои пальцы вдруг судорожно сплелись на коленях.

«Он же читает завещание Джералда», — глубоко потрясенная, вновь подумала я.

И тут только, пожалуй, впервые по-настоящему осознала, что мой муж умер.

Человек, сидевший рядом со мной, спросил низким приглушенным голосом:

— С вами все в порядке, дорогая?

Крепко сжав губы, я кивнула. Дядя Адам ласково коснулся моих сплетенных пальцев и тут же переключил внимание на Мак-Эллистера. Адвокат продолжал монотонно читать сухим бесстрастным голосом:

— «Все мое имущество я завещаю моему сыну, Джайлзу Маркусу Эдуарду Фрэнсису Грэндивилу, а до достижения им двадцати одного года поручаю управлять означенным имуществом названному ниже опекуну на следующих условиях и со следующими целями...»

Поскольку Джайлзу всего четыре года, этот пункт завещания не вызвал у меня особого удивления. Ну что ж, по доверенности, так по доверенности.

Отныне Джайлз — граф Уэстон. Джералд, его отец, скончался. Прерывисто вздохнув, я задержала взгляд на каминной доске красного дерева с великолепной резьбой. На фоне камина узкое, удлинненное лицо мистера Мак-Эллистера выглядело странно.

Завещание пробудило во мне чувства, неожиданные для меня самой. Последние несколько дней я провела словно в кошмарном сне. Когда Джералд умер, дом погрузился в траур, и двадцать четыре часа, пока усопший лежал в большой зале, к гробу подходили соседи и арендаторы. На следующий день сотни местных жителей в траурных одеждах прошествовали за похоронным кортежем от дома к церкви. Во время заупокойной службы Джайлз стоял рядом со мной. Викарий прочел молитву, а затем гроб поместили в склеп, где уже лежали шесть графов Уэстонов. С начала и до конца церемонии я крепко сжимала ручонку сына.

Джайлз помог мне выдержать все это. Ради него я волей-неволей должна была сохранять спокойствие, хотя бы внешнее.

Но сегодня сына нет рядом. За мною не наблюдают сотни глаз. Все взоры устремлены на мистера Мак-Эллистера, читающего завещание Джералда. Глубоко вздохнув, я посмотрела на адвоката и попыталась сосредоточиться.

Между тем Мак-Эллистер читал о правах и обязанностях опекуна:

— «Лицо, назначенное опекуном, имеет право управлять всем имуществом, продать ту или иную его часть конкретному лицу или выставить на публичные торги, сдать в аренду или распорядиться им каким-либо другим образом без разрешения на то суда, а также делать по своему усмотрению вклады — как новые, так и повторные...»

Просто невероятно, что мой сын стал графом Уэстоном.

Что-то вдруг неуловимо изменилось в атмосфере, царившей в комнате. Я услышала слабый шорох: все словно насторожились. Конечно же, мистер Мак-Эллистер вот-вот назовет имя опекуна!

Ощувив драматизм момента, адвокат сделал паузу, оторвал взгляд от завещания и

задумчиво обвел глазами людей, сидящих перед ним полукругом.

Нас собралось здесь не так уж много. Рядом со мной расположились дядя Адам и его жена Фанни, а с другой стороны — моя мать. За ней сидели Фрэнсис Патнэм, дядя Джералда, и двоюродный брат мужа Джек Грэндвил. Все члены семьи вернулись сюда прямо с похорон.

Мистер Мак-Эллистер опустил глаза и продолжал читать медленно и отчетливо:

— «Настоящим документом я назначаю моего брата Стивена Энтони Фрэнсиса Грэндвила моим душеприказчиком, а также доверенным лицом и опекуном моего сына Джайлза Маркуса Эдуарда Фрэнсиса».

После этого адвоката никто уже не слушал.

— Просто невероятно! — Воскликание Джека Грэндвила совершенно заглушило монотонный, гнусавый голос адвоката.

Мистер Мак-Эллистер опустил завещание и поверх очков уставился на Джека:

— Уверяю вас, мистер Грэндвил, что граф назначил опекуном именно своего брата Стивена. По его распоряжению завещание составлял я, поэтому не подвергайте сомнению точность моих слов.

— Но ведь Стивен уже пять лет на Ямайке, — холодно и рассудительно заметила мама. — Он не может быть опекуном Джайлза, находясь за полмира от него. Вам придется назначить кого-то другого, мистер Мак-Эллистер. И о чем только думал Джералд, назначая опекуном Стивена?

— Чтобы приступить к исполнению опекунских обязанностей, мистеру Стивену Грэндвилу придется вернуться домой. Я взял на себя смелость известить его письмом о последней воле лорда Уэстона, — ответил адвокат, не подозревая, что подносит фитиль к пороховой бочке.

— Чертовски опрометчиво с вашей стороны, Мак-Эллистер! — вспыхнул Джек. Его красивое лицо побагровело от гнева.

— Кому-то из членов семьи следовало уведомить Стивена о смерти брата. — Моя мать всегда строго придерживалась приличий, но крайне редко выражала солидарность с Джеком. — Такие сообщения должны исходить не от адвоката.

— Я тоже написал Стивену о смерти Джералда, — спокойно вставил дядя Фрэнсис. — Оба письма наверняка доставит на Ямайку первый же корабль.

— А что, если он не захочет вернуться? — спросил Джек. — Ведь за ту старую историю его могут арестовать.

— Вопрос об аресте никогда не возникал, — возразил мистер Мак-Эллистер. — Власти удовлетворились обещанием Стивена покинуть страну.

— Да, ему не было предъявлено никаких обвинений, — поддержал адвоката дядя Адам. — Так что Стивен может вернуться в Англию, если пожелает.

Мать повернулась ко мне.

— А ты, Аннабель, знала о последней воле Джералда?

— Нет. — Я взглянула на адвоката:

— Когда было составлено это завещание, мистер Мак-Эллистер?

— Вскоре после рождения Джайлза, леди Уэстон, — учтиво ответил он и тут же поспешил успокоить меня:

— Мистер Стивен Грэндвил назначен опекуном Джайлза, но позвольте заверить вас: лорд Уэстон всегда хотел, чтобы о сыне заботились именно вы.

Я кивнула.

— Не понимаю, почему Джералд не назначил Адама, — проговорила мама. Я поднялась.

— По-моему, дальнейшее обсуждение не имеет смысла. Джералд назначил опекуном Стивена. Убеждена, составляя завещание, муж не сомневался, что проживет много лет после того, как Джайлз достигнет совершеннолетия. — Мой голос предательски дрогнул. — Пойду наверх, — добавила я.

— Мистер Мак-Эллистер еще не до конца огласил завещание, Аннабель,

— заметила мама.

Я молча вышла из залы.

Собаки, поджидавшие меня в коридоре, как обычно, увязались за мной, и я поднялась с ними на третий этаж, в детскую. Прежде чем зайти туда, я заглянула в учебную комнату сына. Затем зашла в комнату для игр, где и нашла Джайлза и его гувернантку, мисс Юджинию Стедхэм. Сидя за столом, они разбирались в какой-то головоломной карте. В этот день я разрешила сыну вновь приступить к регулярным занятиям, надеясь, что это привычное дело отвлечет его от горя.

— Мама! — Джайлз бросился ко мне. Собаки между тем свернулись клубком на голубом ковре возле холодного камина.

Как приятно было чувствовать, что его личико прижимается к моему животу, а небольшое, но сильное и крепкое тело — к моим ногам. Ласково потрепав сына по голове, я посмотрела на гувернантку:

— Пожалуй, мы с Джайлзом погуляем сегодня Днем, мисс Стедхэм.

Сын отстранился от меня и захлопал в ладоши:

— Мы пойдем гулять, мама? Вот этого-то я и хотел!

— Ты уже пообедал?

Он кивнул, и в его серо-зеленых глазах вспыхнуло предвкушение радости:

— Я съел все, что мне дали.

Мисс Стедхэм поднялась:

— Джайлз обычно не капризничает с едой.

Впервые за этот день я улыбнулась:

— Оденься потеплее, Джайлз. День хоть и солнечный, но довольно холодный.

— Когда вы отправитесь на прогулку, леди Уэстон? — спросила гувернантка.

— Сейчас. — Я взъерошила аккуратно причесанные волосы сына. — Как только будешь готов, приходи ко мне в спальню, Джайлз. Я должна переодеться.

— Хорошо, мама. — Он взглянул на мисс Стедхэм. — Пошли, Джени.

Собаки последовали за мной.

***

Мартовское солнце светило ярко, однако было ветрено и прохладно. Джайлз вприпрыжку бежал рядом со мной. Все утро прокорпев над письмом и счетом, он теперь наслаждался прогулкой и свежим воздухом. Мы вышли из южного подъезда. Собаки опередили нас и теперь резвились, то подбегая к нам, то уносясь вперед. Тропа повела нас вдоль аккуратно разбитых клумб, где только что появились голубые и розовые гиацинты.

Рано зацветающие деревья уже покрылись почками.

Неподалеку протекала небольшая речка. Перегнувшись через перила деревянного моста, мы с восхищением смотрели на калужницы и другие цветы, ярко пестревшие в прибрежной траве. Тропа вывела нас к двум огороженным загонам, где выгуливали моих чистокровок. Мы остановились, потрепали лошадей по холкам, а затем поднялись по лесистому склону.

В лес тоже пришла весна. Пели птицы, цвели нарциссы, барвинки и чудесные голубые вероники. Мы отломали несколько веточек ивы-шелюги, чтобы отнести их мисс Стедхэм.

Гуляние доставило мне не меньшую радость, чем сыну. Ведь я провела бесконечно долгую неделю у кровати Джералда, держа мужа за руку и беспомощно прислушиваясь к его дыханию, становившемуся все более тяжелым. Потом были похороны.

Вдохнув полной грудью бодрящий прохладный воздух, я почувствовала, как во мне пробуждается жизнь. «Итак, Стивен возвращается домой», — подумала я, глядя на голубое, почти синее небо, где, словно парусники, плыли высокие белые облака.

— Мама, — спросил Джайлз, — а где сейчас папа?

Я взглянула на раздумывавшегося перепачканного сына и опустила на упавшее дерево, не замечая того, что моя длинная юбка касается влажной земли.

— Папа на небесах, дорогой.

— Но ведь мы вчера погребли его в часовне, — возразил мальчик. — Как же он может быть на небесах?

— На небесах душа папы, — объяснила я. — Когда мы умираем, наши души покидают тела и возвращаются домой, к Богу. Папе больше не нужно его тело, Джайлз, оно осталось в часовне.

— Но я же не хотел, чтобы папа умер. — Мальчик нахмурился.

Я крепко прижала сына к себе. Он всегда был ласковым ребенком, и сейчас его голова покоилась на моей груди.

— Мне не нравится, что он под полом часовни.

Мои глаза наполнились слезами, и, чтобы не разрыдаться, я стиснула зубы.

— Мне тоже это не нравится, Джайлз, но папа тяжело болел, и нам не удалось спасти его.

— Но ты-то не умрешь, мама? — встревожился мальчик.

— Нет, дорогой, не умру. — Я старалась, чтобы ответ прозвучал убедительно.

— Никогда-никогда? — Он откинул голову и посмотрел на меня.

Его щеки горели румянцем, а светлые серо-зеленые глаза выражали затаенный страх.

— Вообще умирают все, Джайлз, но я буду жить еще очень долго. — Заметив сомнение в его взгляде, я добавила:

— Во всяком случае, я постараюсь дожить до того времени, когда ты станешь взрослым и обзаведешься собственными детьми.

Мысль о том, что у него когда-нибудь появятся дети, показалась мальчику совершенно невероятной, но тем не менее успокоила его. Глаза просветлели. Он хотел было отвернуться, но я положила руки ему на плечи и заставила посмотреть прямо мне в лицо.

— Папа оставил завещание, Джайлз. Сегодня утром его прочитал нам мистер Мак-Эллистер.

Мои слова заинтриговали его.

— А что такое завещание?

— Это такой документ... где папа высказал свою волю... на случай, если умрет.

Помимо всего прочего, он пожелал, чтобы твой дядя Стивен вернулся домой и управлял за тебя нашим поместьем.

— Дядя Стивен? Но я не знаю его! Ведь он живет где-то очень далеко.

— Последние пять лет Стивен провел на Ямайке, поэтому ты никогда с ним не встречался, но папа попросил, чтобы он вернулся домой и управлял Уэстоном, пока ты не повзрослеешь. Ты ведь теперь граф, дорогой, и, хотя тебе это трудно понять, занял место папы.

Джайлз серьезно посмотрел на меня:

— Я знаю. Джени сказала, что я теперь лорд Уэстон.

— Да, ты лорд Уэстон, — подтвердила я, — но дядя Стивен будет управлять поместьем и фермами, пока тебе не исполнится двадцать один год. Тебя будут называть милордом, но пройдет еще много лет, прежде чем ответственность за Уэстон ляжет на твои плечи.

Джайлз нахмурился:

— Но ведь поместьем и фермами управляет дядя Адам.

Я кивнула:

— Думаю, он будет и дальше это делать.

— Зачем же нам нужен дядя Стивен?

— Папа назначил его твоим опекуном.

Джайлз улавливал мои настроения, как камертон — колебания воздуха. Он окинул меня пытливым взглядом:

— Тебе не нравится дядя Стивен, мама?

Я рассмеялась и, поднявшись, приласкала сына.

— Конечно, нравится. И тебе тоже понравится. С ним весело.

Мы отправились домой.

— А он любит играть? — полюбопытствовал Джайлз.

Я тяжело вздохнула, ощутив головную боль:

— Да, любит. — И тут же воскликнула:

— Посмотри, Джайлз, кажется, я видела кролика.

— Где? — заинтересовался он и, к счастью, сразу забыл о Стивене.

***

Когда минут через сорок я вошла в свой будуар, там меня уже поджидала мать. Считалось, что будуар, примыкавший к нашей общей с Джералдом спальне, мое личное владение, но мне так и не удалось внушить это матери. Поскольку эта комната принадлежала ей все годы, пока она была замужем за отцом Джералда, мать все еще чувствовала себя здесь хозяйкой.

Когда я вошла, она, сидя в обтянутом ситцем кресле перед камином, пила чай.

— Не понимаю, почему ты поменяла всю обстановку в будуаре, — привычно повторила она. — Он был так элегантно обставлен, когда здесь жила я. А теперь все имеет такой заурядный вид, Аннабель. — При этих словах мать наморщила свой поразительно прямой нос, точно почувствовала какой-то неприятный запах. — Цветастый ситец, — презрительно бросила она.

В прежние времена будуар был обтянут желтым шелком, что и в самом деле придавало

ему особую элегантность, но я всегда боялась испачкать обшивку, да и собаки терлись о дорогой шелк. Пестрый ситец устраивал меня куда больше.

Зеленые глаза мамы внимательно оглядели меня с головы до ног.

— Аннабель, — неприязненно начала она, — почему ты позволяешь себе появляться в таком неприглядном виде?

— Мы с Джайлзом ходили гулять. — Я села на обитый ситцем диван напротив мамы и, вытянув ноги, посмотрела на свои грязные ботинки. — После всего пережитого нам необходимо было подышать свежим воздухом.

Уважая мое горе, мама воздержалась от замечаний по поводу грязи, моей позы и собак, разлегшихся перед окном на залитом солнцем полу.

— Бедный Джералд, — проговорила она, — и почему только такой молодой и здоровый мужчина умер от обычного воспаления легких?

Она словно упрекала за это Джералда.

— Не знаю, мама, — устало отозвалась я, все сильнее ощущая головную боль. — По словам доктора, такое случается.

— Не должно случаться! — Она отхлебнула чай.

Бросив взгляд на маму, я впервые заметила, что ее светло-золотистые и необыкновенно красивые волосы тронула седина.

— Не возьму в толк, с чего это Джералд назначил опекуном Стивена.

— В ее голосе прозвучало недовольство.

Я вновь уставилась на свои ботинки и постаралась подавить раздражение.

— Стивен — единственный брат мужа. Вполне естественно, что выбор Джералда пал именно на него.

— Чепуха! Джералд и Стивен никогда не были близки.

Пожав плечами, я пробормотала что-то неубедительное о кровном родстве.

После этого мама высказала то, что было у нее на уме:

— А ты никак не повлияла на решение Джералда, Аннабель?

Я посмотрела ей прямо в глаза:

— Нет, мама. Не повлияла.

— Видимо, Джералд рехнулся, — заметила она. — Ну что смыслит Стивен в управлении таким поместьем, как Уэстон?

— Вот уже пять лет он владеет сахарной плантацией на Ямайке, — возразила я, — и приобрел кое-какой опыт, мама.

Она с сожалением взглянула на меня:

— Финансовое положение плантации было столь плачевно, что Стивен уже не мог ничего ухудшить. Иначе отец не отправил бы его на Ямайку.

— Но со слов Джералда я знаю, что Стивен неплохо справился со своей задачей. Ведь плантация не разорилась окончательно, как многие другие на Ямайке. — Я нахмурилась совсем как Джайлз, не понимая, зачем защищаю Стивена. — Так или иначе, не сомневаюсь, что Стивен передаст бразды правления поместьем дяде Адаму, который всегда этим занимался.

— Надеюсь. К сожалению, Стивен сызмала отличался неуравновешенностью. Даже в школу не мог ходить, поскольку вечно затевал там драки.

Я открыла рот — и тут же закрыла его. Нет, не стоит вступаться за Стивена, иначе попаду в ловушку матери.

— Если Стивен вернется, он не должен жить под одной крышей с тобой, — заметила мать. Я озадаченно уставилась на нее.

— Не разыгрывай из себя оскорбленную невинность, — бросила она. — Без компаньонки тебе в этом случае не обойтись.

Мое недоумение сменилось гневом.

— Мама, Джералда только что похоронили, а ты уже заводишь такой разговор.

Мать вздернула подбородок. Она на редкость красива, но в ней нет одухотворенности и внутренней привлекательности.

— Я забочусь о твоей репутации, — пояснила мать.

Кажется, я никогда еще так не злилась на нее.

— Пожалуйста, уйди, мама!

Взглянув на меня, она мудро рассудила, что лучше ретироваться, но, подойдя к двери, обернулась, явно желая, чтобы последнее слово осталось за ней.

— Тебе следовало бы ходить в трауре, Аннабель. — Она плотно затворила за собой дверь, а я осталась наедине со своей головной болью.

Как правило, в марте, по окончании охотничьего сезона, я возвращалась в Лондон к привычной светской жизни. Смерть Джералда изменила все. Теперь меня угнетало одиночество и ощущение беспомощности, поэтому я проводила много времени с Джайлзом, уверяя себя, что сейчас сын очень нуждается во мне, хотя сама нуждалась в нем гораздо больше.

В какой-то мере к нормальной жизни меня вернул визит сэра Мэтью Стэнхоупа, местного сквайра^ распорядителя охоты в графстве Сассекс. Он приехал 29 марта, через два дня после официального завершения охотничьего сезона. Встретились мы с ним в небольшой комнатке за лестницей, превращенной мною несколько лет назад в мой рабочий кабинет. Я угостила его вином, а себе велела принести чай.

— Тут на днях потоптали кустарник Фентона, — сообщил он, расположившись в старом бархатном кресле и одним духом осушив полбокала белого рейнского. — У какого-то чертова болвана, кузена Уотсона, видите ли, понесла лошадь.

Обычно именно мне приходилось улаживать недоразумения с местными фермерами.

— Вот незадача! — воскликнула я. Фентон, один из уэстонских фермеров, очень дорожил своим недавно посаженным кустарником. — Кто-нибудь заверил его, что охотничий клуб восстановит кустарник?

— Я сам ходил к нему, но мне не удалось его успокоить. А жену Фентона ужасает мысль, что ребенка затоптала бы лошадь, окажись он в кустарнике.

Понимая, что миссис Фентон права, я раздраженно поставила чашку на стол:

— Какого дьявола этого малого занесло в кустарник Фентона? Ведь охота проходила по крайней мере за три поля оттуда.

— Так оно и было, Аннабель, так и было. Проклятый дурак скакал на лошади, взятой напрокат, — нервной чистокровке — и не смог удержать ее. Она понесла его прямо в кустарник.

Охваченные возмущением, мы переглянулись. Сэр Мэтью, внешне похожий на средневекового ученого-аскета, типичный сельский джентльмен и превосходный наездник, а уж такими гончими, как у него, гордился бы любой охотничий клуб. Я знаю его лет с восьми.

— Если местные фермеры не будут чувствовать себя в безопасности на своей собственной земле, это повредит репутации охотничьего клуба.

— Верно. — Сэр Мэтью допил вино, снова наполнил бокал и перешел к главной цели своего визита:

— Не согласитесь ли вы потолковать с Фентонами, Аннабель? Убедите их, что эта досадная случайность больше не повторится. — Он откашлялся. — Мне крайне неприятно просить вас об этом сейчас, когда вы в трауре. — Худое суровое лицо сэра Мэтью выразило сострадание. — Но речь идет об уэстонских арендаторах, и если миссис Фентон настроит нежелательным образом других фермерских жен...

— Сассекский охотничий клуб окажется в трудном положении, — закончила я за него.

Мы понимали друг друга. Охота — наша общая страсть. Кстати сказать, свора наших очень дорогих гончих живет в поместье сэра Мэтью

— Стэнхоуп-Мэнор. Стоимость охоты непомерно велика, и, разумеется, сэр Мэтью не

мог бы взять расходы на себя. Вот почему наш клуб, как и многие другие, существует на взносы его членов.

Ежегодно каждый член клуба должен внести определенную сумму. Ему позволено приглашать на охоту гостей, которые, конечно, тоже должны платить. На содержание клуба нужны деньги. Однако абсолютно недопустимо, чтобы в охоте участвовали люди, не умеющие управлять лошадьми. Один досадный случай уже произошел в начале охотничьего сезона, в ноябре, когда лошадь одного из гостей лягнула гончую. Я опасалась, что сэра Мэтью хватит апоплексический удар прямо на поле.

Заручившись моим обещанием поговорить с Фентонами, сэр Мэтью сказал:

— Спасибо, дорогая. Могу заверить вас, что я пригрозил Уотсону исключением из клуба, если он еще раз выкинет такую дурацкую штуку.

Я кивнула.

Воцарилось молчание. Неожиданно серые тучи, затянувшие небо в это утро, разошлись, и яркое солнце осветило комнату. Казалось, разом зажгли все лампы.

Кабинет — единственное место в доме, принадлежащее мне одной. Как правило, каждый день я работаю здесь за большим письменным столом, записывая хозяйственные расходы, а также все, что потрачено на охоту.

Я подняла глаза на картину Джорджа Стаббса, висящую напротив письменного стола. Художник изобразил, как на ньюмаркетском ипподроме обучают чистокровок. Эта картина — подарок Джералда на мой двадцать первый день рождения — очень мне нравилась. У меня на глаза навернулись слезы.

— Как вы все это переносите, Аннабель? — спросил сэр Мэтью. — И как поживает юный Джайлз?

Я через силу улыбнулась:

— Стараемся держаться, сэр Мэтью. Удар был слишком неожиданным, и я до сих пор не осознала, что Джералда больше нет с нами.

Он покачал головой:

— Да, совсем молодой человек, полный жизни. Сколько ему было? Двадцать девять?

— Двадцать восемь.

— Ведь Джералд много раз целыми днями охотился под дождем, возвращался домой насквозь промокший — и ничего, даже насморка не было, — заметил сэр Мэтью. — Как же он схватил воспаление легких, и где — в Лондоне?

Я устало потерла глаза.

— Сама не знаю, как это случилось, сэр Мэтью.

— Вы уж простите меня, дорогая, что досаждаю вам нудными разговорами. Но если могу быть чем-нибудь полезен, я всегда к вашим услугам.

— Весьма признательна вам, сэр Мэтью. В тяжелые времена всем нужна поддержка друзей.

Он устремил на меня пронизательный взгляд.

— Герцогиня все еще здесь?

Сэр Мэтью спрашивал о моей матери, герцогине Сайе. Через два года после смерти шестого графа Уэстона, отца Джералда, она вступила в третий брак с герцогом Сайе и просто обожала, когда ее называли «ваша светлость».

— Она уезжает сегодня днем, — ответила я.

— Хорошо.

Мы обменялись улыбками, прекрасно понимая друг друга.

— Я слышал от Адама, что Уэстон назначил Стивена опекуном Джайлза.

— Так и есть.

Он одобритительно кивнул.

Стивен однажды спас одну из призовых сук сэра Мэтью от рогов разъяренного быка, что навсегда сделало его героем в глазах баронета.

— Уэстон поступил очень разумно. Адам, конечно, хорошо знает свое дело, но слишком стар, чтобы заботиться о мальчике. — Сэр Мэтью запустил пальцы в свою короткую седеющую шевелюру и доверительно сказал:

— Знаете, Аннабель, я всегда полагал, что слух о том, будто Стивен занимался контрабандной торговлей, не лишен оснований.

— Возможно, — равнодушно отозвалась я, — однако по истечении пяти лет это едва ли имеет значение. А правда ли, что Дерхэм продает своих собак? — спросила я, чтобы сменить тему.

— Они уже проданы, Аннабель, — ответил сэр Мэтью и, сделав паузу, добавил:

— За две тысячи гиней.

— Неужели?

Сэр Мэтью торжественно кивнул, налил себе вина и рассказал все, что знал об этом.

***

На другое утро я решила посетить Фентонов, ферма которых находится неподалеку, и поехала через широкие лужайки уэстонского парка. Перед самым рассветом прошел дождь, и на аллее с деревьев капала вода. Обновленная природа дышала свежестью. Выгнутая шея моей ухоженной каштановой кобылы Феи лоснилась, пружинистый шаг свидетельствовал о силе и здоровье. Такое утро, как это, всегда вселяет радость жизни. Мне не хотелось думать о Джералде. Я слегка пришпорила лошадь, и она помчалась галопом к уэстонской дороге.

Ферма Фентонов выглядела вполне процветающей: два больших амбара, сарай для телег, зернохранилище и свинарник. Общий вид несколько портил лишь сильно потоптанный самшитовый кустарник по правую руку от дома. Сидя в седле, я мысленно рисовала себе картину происшедшего, воображая, как понесшая лошадь продиралась сквозь кусты.

При мысли, что под копытами мог оказаться играющий ребенок, кровь застыла у меня в жилах.

— Миледи! — Миссис Фентон стояла в дверях, вытирая руки о передник.

Улыбнувшись ей, я спешила, привязала Фею к воротам и вошла во двор.

Сьюзен Фентон, дочь уэстонского фермера-арендатора и жена здешнего фермера, была несколькими годами старше меня. Я последовала за ней на кухню, и она, выразив мне сочувствие по поводу моей утраты, заварила чай. Потом, взяв чайник и чашки, мы перешли в небольшую прохладную гостиную. Сьюзен Фентон, поставив чайник на складной столик, пригласила меня сесть на дубовый стул с мягким бело-голубым сиденьем, украшенным вышивкой.

Оправив длинную юбку моего серого костюма для верховой езды, я сказала:

— Должна извиниться перед вами за то, что произошло с вашим кустарником.

Ее хорошенькое, свежее, как яблоневый цвет, лицо было невозмутимо спокойным.

— Не сомневаюсь, что вы полностью восстановите мой кустарник, миледи. Меня беспокоит другое. Мой Робби часто играет в этом укромном месте. — Она отпила чай. — По крайней мере оно казалось мне укромным.

— Я видела кустарник с дороги. Лошадь проскакала прямо сквозь него?

— Да. Я до смерти напугалась.

Ее страх ничуть не удивлял меня.

— Это был не член нашего клуба, Сьюзен, — заметила я. — Какой-то гость, сущий болван, не справился со своей лошастью.

— Мне безразлично, кто это сделал, миледи, — решительно возразила Сьюзен. — Я знаю, что это уэстонская земля, но Фентон взял ее в аренду, и пусть охотники не приближаются к моему дому.

В этот миг забили старинные часы, и мне пришлось подождать, пока бой стихнет.

— Обычно никто не приближается к домам, Сьюзен, — наконец ответила я. — По словам сэра Мэтью, они охотились за миллю отсюда.

— То, что охотникам не положено приближаться сюда, не утешило бы нас, если бы с нашим сыном приключилась беда, — промолвила Сьюзен. — Что ни говорите, миледи, а лошадь все же подскакала к дому и могла убить моего мальчика.

Тут мне, видимо, пора сказать, что у нас со Сьюзен совсем не те отношения, какие обычно связывают жен землевладельца и арендатора. Она знала меня еще в то время, когда я, одинокая несчастная девочка, впервые приехала в Уэстон-Холл. Сьюзен водила меня собирать чернику и учила разбивать огород. Именно она объяснила мне, что такое месячные.

— Конечно, вы правы, — согласилась я и с удовольствием вдохнула восхитительный аромат выпекаемого на кухне хлеба. — Хлеб еще не готов, Сьюзен?

Она знала, как мне нравится ее выпечка.

— Потерпите несколько минут, миледи.

— Я готова терпеть целую вечность, лишь бы отведать вашего хлеба, Сьюзен.

Мои слова явно польстили ей, однако мне все же пришлось вернуться к нашему разговору.

— По-моему, прежде у вас не было никаких неприятностей с членами нашего клуба?

Сьюзен задумалась, разглядывая декоративную оловянную посуду, выставленную в ее дубовом буфете.

— Нет, — наконец призналась она.

— Может, мне стоит внести предложение, чтобы к участию в охоте впредь допускались лишь члены клуба?

Она растерялась.

— Вы ведь знаете всех членов нашего клуба, Сьюзен. Среди них нет ни одного, кто не заслуживал бы доверия. Уж они-то не будут приближаться к домам.

Сассекский охотничий клуб — заведение на редкость демократичное, и Сьюзен в самом деле знала всех его членов. Вместе с нами охотились несколько зажиточных фермеров, а также владелец гостиницы «Королевский герб» Гарри Блэк-стоун, который, вероятно, особенно раздражал Сьюзен. Если бы она помешала Гарри охотиться, ее муж Боб Фелтон стал бы нежеланным гостем в трактире при гостинице. А это не понравилось бы Бобу.

— Запретив проезжать по вашим полям, вы рассердите мужа и многих членов клуба, — заметила я, бесчестно воспользовавшись своей догадкой.

Поняв по взгляду Сьюзен, что она признала свое поражение, я улыбнулась с деланным простодушием.

— А согласятся ли другие члены клуба запретить гостям принимать участие в охоте, миледи? — спросила она.

— Конечно, это не доставит им особого удовольствия, ибо суммы их взносов возрастут. Но по-моему, вы правы. Нам следует ограничить охоту холмами Даунза или же приглашать гостей с большей разборчивостью. Какое счастье, что ваш Робби не пострадал!

Выпив вторую чашку чая и отведав хлеба, выпеченного Сьюзен, я пообещала, что работники из поместья восстановят вытоптанный кустарник, и уже было поднялась, но тут Сьюзен спросила:

— Вы слышали, миледи, что Джем Уошберн вернулся?

Я снова опустилась на стул.

— Нет, не слышала. — В моем голосе прозвучало искреннее удивление.

Одна из кошек Сьюзен вспрыгнула ко мне на колени, и я стала гладить ее мягкую серую спинку.

— Старик Уошберн умирает, но едва ли Джем вернулся проститься со своим дорогим папашей, — насмешливо заметила Сьюзен.

— Уошберн — свинья, — заявила я. — Все знали, что он бьет Джема, но никто и пальцем не шевельнул, чтобы прекратить это.

— Стивен пробовал вмешаться.

Моя рука застыла, кошка подняла морду, недоуменно уставилась на меня и требовательно замыкала. Я вновь начала гладить ее.

— По словам Боба, Джем хочет арендовать тот же участок, что обрабатывал его отец, — сообщила Сьюзен, — но он боится, что мистер Грэндвил не возобновит аренды. В детстве Джем был диковат, но говорят, с годами сильно изменился.

— Решать, кому сдать в аренду ферму Уошберна, будет не мистер Грэндвил, — заметила я. В глазах Сьюзен вспыхнуло любопытство.

— Значит, правда, миледи, что мистер Стивен возвращается домой?

— Лорд Уэстон назначил его опекуном Джайлза. Поэтому он не может оставаться на Ямайке.

— Мы все будем очень рады видеть мистера Стивена.

***

Пока я была у Сьюзен, солнце пробилось сквозь тучи. Напив Фею и подтянув подпругу, я вскочила в седло, но поехала не по уэстонской дороге, а по хорошо утоптанной тропе, ведущей от деревни к холмам Даунза. Поняв, куда мы направляемся, лошадь наострила уши и пошла резвее. Приблизившись к гряде холмов, которая высилась на западе, я пустила Фею рысью. Вскоре мы уже скакали по склонам Даунза, поросшим зеленой травой. Преодолевая подъем, Фея энергично отталкивалась задними ногами. Я сидела в своем дамском седле боком, как обычно, когда не на охоте, и чуть подавшись при подъеме вперед.

Достигнув плоской вершины Даунза, я направила лошадь к двум рядам можжевельника, образующим нечто вроде естественного проулка шириной ярдов в пятьдесят.

Зная, что ей предстоит, Фея дождалась моего знака и помчалась во весь опор. В ушах у

меня свистел ветер, а я все погоняла и погоняла лошадь. Она уже не мчалась, а почти летела по воздуху. Ни одна лошадь не догонит чистокровку, перешедшую в галоп. Пригнувшись к холке, я видела лишь землю, которая неудержимо неслась назад. Кровь никогда так сильно не пульсировала в моих жилах, и мне хотелось, чтобы эта скачка длилась бесконечно.

Отмахав милю, Фея постепенно замедлила свой стремительный бег. Доскакав до тропы, ведущей к дому, она пошла рысью.

По бескрайним голубым просторам неба плыли кучевые облака. Натянув поводья, я остановила лошадь и оглядела небольшую, залитую солнечным светом долину, восточную часть которой занимали Уэстон-Холл и парк.

Отсюда я отчетливо видела большой каменный дом, конюшни, выпасы, озеро и павильон, построенный для рыболовов на его берегу.

Деревня Уэстон лежит к западу от парка. С моего наблюдательного пункта на Даунзе я различила среди обширных пашен дома, окруженные деревьями, а также церковь с высоким шпилем, устремленным в небо.

К северу от деревни, у самого подножия Даунза, расположилась усадьба сэра Мэтью Стэнхоуп-Мэнор, со всех сторон закрытая высокими деревьями парка.

Всю свободную часть долины занимали пахотные земли, принадлежавшие в основном графу Уэстону. Он сдавал их в аренду. За грядой холмов я не видела южной стороны долины, однако знала, что там тянется на несколько миль крутой лесистый склон, спускающийся к заливу, возле которого расположился небольшой портовый городок Уэст-Хейвен. Эта холмистая гряда защищает нашу долину от ветров, дующих с залива. Поэтому долина — один из самых мягких по климату уголков Англии. Через несколько минут я тронула Фею, и мы спустились на тропу, ведущую к уэстонскому парку.

У дверей меня встретил наш дворецкий Ходжес и доложил, что в библиотеке меня ожидает Джек Грэндвил, двоюродный брат Джералда.

— Он прибыл с саквояжем, миледи, но я еще не отнес его саквояж наверх. — Большой нос Ходжеса, похожий на клюв, завораживал меня с самого детства, ибо всегда точно выражал его настроение. Сейчас дворецкий трепетал от негодования.

Джек часто гостил в Уэстоне. Единственный сын дяди Джералда, он был третьим — после Джайлза и Стивена — из предполагаемых наследников. Джек постоянно нуждался в деньгах и, каждый раз оказываясь на мели, приезжал в Уэстон. В этом не было ничего необычного, поэтому я не поняла, что так возмутило Ходжеса.

— Почему же вы не отнесли его саквояж наверх, Ходжес? — спросила я, снимая перчатки.

— Ему, как холостяку, не подобает останавливаться у нас в доме после того, как вы овдовели, мисс Аннабель. — То, что дворецкий употребил это давно уже забытое обращение, свидетельствовало о его беспокойстве.

— Ерунда, сэр Джек — член семьи Клюв дрогнул от негодования.

— Но это же неприлично, миледи. Его пребывание здесь даст пищу разным толкам.

Глядя на нос Ходжеса, я вдруг поняла: мне вовсе не хочется, чтобы Джек слонялся здесь с утра до вечера.

— Полагаю, ему лучше остановиться у мистера Адама.

Нос перестал подрагивать, и Ходжес даже улыбнулся.

— Я немедленно велю отослать саквояж мистера Джека в Дауэр-Хаус, миледи.

— Но сначала все же договоритесь с миссис Грэндвил.

— Конечно, миледи.

Я бросила перчатки на столик в стиле Людовика Четырнадцатого:

— Велите, пожалуйста, подать лимонад в библиотеку, Ходжес.

Теперь, добившись своего, дворецкий излучал любезность.

— Сейчас распоряжусь, миледи. — Он благожелательно улыбнулся. — Как приятно видеть румянец на ваших щеках!

Не устояв перед искушением, я оглядела огромный мраморный холл с колоннами и классическими статуями в бледно-зеленых нишах и с невинным видом спросила:

— А где же саквояж мистера Джека, Ходжес?

— Под лестницей, миледи.

Мы переглянулись. Я догадалась, и он понял это, что саквояж еще до моего возвращения был отослан в дом дяди Адама.

— Спасибо, что заботитесь обо мне, Ходжес.

Из деликатности дворецкий изобразил смущение.

Усмехнувшись, я пошла по сверкающему черно-белому мраморному полу и, миновав парадную лестницу, углубилась в коридор. Однако, не заглянув в гостиную, свернула налево, в ту часть дома, где размещались жилые комнаты. Дверь напротив лестницы, ведущей в спальню, была открыта, и я зашла в библиотеку, большую комнату, отделанную панелями из каштанового дерева, с высокими стеллажами и потолком, украшенным золотым узором. Над камином из бело-зеленого мрамора висел портрет первого графа Уэстона, одетого в пестрые

одежды эпохи Реставрации и поражающего фамильным сходством с Джералдом. Хотя толстый турецкий ковер заглушал звук моих шагов, мужчина, стоявший у окна, тотчас обернулся. Когда солнце заиграло в его светлых волосах, мое сердце дрогнуло.

— Аннабель! — Джек быстро подошел ко мне и вдруг озабоченно нахмурился. — Что с тобой?

— Когда твои волосы заблестели в лучах солнца... мне показалось, будто ты Джералд.

— О, прости, дорогая. Присядь, пожалуйста, ты так побледнела!

— Ничего, все в порядке, — с вымученной улыбкой ответила я, позволив Джеку взять себя под руку и отвести к чиппендейлским креслам, расставленным вокруг огромного глобуса. Усевшись, я посмотрела на Джека. Светловолосый, голубоглазый и красивый, он очень напоминал Джералда. Однако сердечности моего покойного мужа у него не было и в помине. Линии рта у Джека жесткие, а лицо хищное.

— Позволь налить тебе бокал мадеры, — предложил он.

Я все еще ощущала дрожь в коленях.

— Спасибо.

Он подошел к поставцу в стиле шератон, где всегда стояли бутылки с вином и бокалы, молча налил мне вино и подал бокал. Сделав два глотка, я посмотрела на Джека и заметила, что он встревожен.

— Со мной все в порядке.

Он коснулся пальцем моей переносицы.

— Ты опять каталась без шляпы, у тебя высыпали веснушки. — Джек сел напротив меня. — Полагаешь, я приехал, потому что оказался на мели? — Он залпом осушил полбокала.

— Признаться, такая мысль мелькнула у меня. Он усмехнулся:

— На сей раз это не так, Аннабель. На прошлой неделе мне повезло, я выиграл довольно приличную сумму, и мне хватит денег на какое-то время.

— Поздравляю.

Джек откинулся на спинку кресла, обшитую розовым шелком.

— Меня привела сюда тревога за тебя, Аннабель.

Я повертела ножку бокала.

— Тебе незачем беспокоиться, Джек. У меня все хорошо.

— В Лондоне скучно без тебя, Аннабель. — Он посмотрел поверх бокала. — Даже тупица Байрон сочинил о тебе стихотворение «Прощай, сияющая красота» или что-то в этом роде.

— Ты полюбил поэзию, Джек? — изумилась я.

— Да нет, что ты. — Он широко улыбнулся.

Лакей принес кувшин с лимонадом и два стакана.

— Лимонад? — удивился Джек.

— Спасибо, Уильям, поставьте все на стол.

Лакей поставил лимонад на круглый, с резными краями столик возле моего кресла:

— Мистер Ходжес просил передать, что саквояж сэра Джека отправили в Дауэр-Хаус.

Ходжес, этот хитрый старый дьявол, явно хотел дать понять Джеку, что он нежеланный гость в нашем доме.

Мое «спасибо, Уильям» было заглушено громким восклицанием Джека:

— Какого дьявола вы отослали мой саквояж в дом Адама? Я не желаю, черт побери,

жить у него!

Когда Уильям ретировался, я взглянула на Джека:

— Ходжес считает, что тебе не следует оставаться в этом доме, поскольку у меня нет компаньонки. Джек вспыхнул:

— Что за чушь, Аннабель! Как твой кузен, я могу жить в одном доме с тобой.

— Ты кузен Джералда, а он...

Гнев Джека быстро угас, и, наклонившись ко мне, он сжал мои пальцы в своей сильной руке.

— Прости, милая Аннабель. Ты же знаешь, я не стану ничем досаждать тебе.

Осторожно высвободив пальцы, я подумала: «Ходжес прав, мне не следует оставлять в доме Джека». Он очаровательно улыбнулся:

— Если хочешь, я навсегда поселюсь у Адама.

— Жить у Адама вовсе не наказание, Джек. — Вздохнув, я добавила:

— Он очень добр ко мне.

Джек вскочил и подошел к окну.

— Не могу понять, — признался он, — почему Джералд назначил опекуном Стивена, а не Адама. При одной мысли, что Стивену поручено воспитывать мальчика, меня бросает в дрожь.

— Говорят, он неплохо справлялся с делами эти пять лет на Ямайке.

— Я налила себе лимонада. — По словам Джералда, нашей плантации — одной из немногих — удалось избежать банкротства.

— Эта плантация принесла целое состояние моему деду. Но то время безвозвратно миновало. Запретив ввоз британских товаров в Европу, Наполеон нанес такой удар торговле сахаром, что она не в силах оправиться. Почему бы вам не объявить о банкротстве плантации и не избавиться от нее?

Я пригубила лимонад и промолчала.

— Не думаю, что смогу вынести больше двух дней общество тети Фанни, — мрачно заметил Джек.

— Почему? — удивилась я, зная, что жена Адама болтлива, но очень добра и ее дом всегда открыт для всех Грэндвиллов. Тетя Фанни куда приятнее моей матери.

— Потому что она будет донимать меня рассказом о том, как Нелл вывозили в свет. Я слышал это не меньше трех раз.

— Нелл имела большой успех в Лондоне, Джек. Ей сделали четыре предложения, целых четыре!

— Мне это известно. Я даже знаю, какого цвета были глаза у каждого из претендентов. Я едва сдержала смех.

— Странно, почему Нелл не приняла предложение одного из столь завидных женихов.

— Возможно, никто из них ей не понравился.

— Она тебе ничего не сказала?

Я покачала головой.

— За этими предложениями, несомненно, последуют и другие, — сказал Джек. — В городе поговаривают, что Адам дает за ней богатое приданое.

Все это время собаки жалобно скулили за дверью, теперь они начали лаять, и я впустила их.

— Эти гончие ходят за тобой по пятам, — недовольно заметил Джек, когда собаки

обнюхали его.

— Это не гончие, Джек, а спаниели.

— Кажется, они не успокоятся, пока не облюнют мои башмаки.

Я щелкнула пальцами, и собаки подбежали ко мне.

— Говорят, по просьбе Фанни ее дочери помогала какая-то древняя кузина?

— Да. — Я снова опустилась в кресло, и собаки улеглись у моих ног.

— Это Дороти Грэндивил, которая живет в Бате. — Я нагнулась и почесала за ухом у Порции. — Тетя Фанни почему-то отказалась от моей помощи.

Я затаила обиду. Ведь Нелл мне как младшая сестра, и я всегда полагала, что ее первый выезд в свет не обойдется без моего участия.

Бледно-голубые глаза Джека приняли насмешливое выражение.

— Дорогая, ни одна здравомыслящая мамаша не позволит дочери выйти в свет с тобой, поскольку именно ты станешь центром внимания.

Мерлин ткнулся носом в мою руку, и я занялась его ушами.

— Может, пригласишь Дороти Грэндивил пожить с тобой в Уэстон-Холле?

— спросил Джек.

— Это еще зачем? — удивилась я.

— Как зачем? Она стала бы твоей компаньонкой. Тогда мне не пришлось бы останавливаться у Адама. Тетя Фанни быстро сведет меня с ума.

— Не ожидала, что ты будешь наезжать так часто, Джек, — едко заметила я. — Ведь охотничий сезон уже закончился.

— Но Стивен-то наверняка поселится здесь.

— Я даже не знаю, вернется ли он.

— Конечно, да.

— Полагаю, ему придется вернуться, раз он назначен опекуном Джайлза.

— Рано или поздно это произошло бы, Аннабель, ты же знаешь.

Я насторожилась:

— Уэстон — родной дом Стивена. Где же еще ему жить?

— Твоей матери не понравится, если он поселится под одной крышей с тобой. Джек прав, мама этого не хотела.

— Мне двадцать три года, — с горечью заметила я. — У меня четырехлетний сын, и не прошло еще и месяца после смерти моего мужа. Я ведь не девица, едва начавшая выезжать в свет!

— С твоим умом, Аннабель, ты должна понимать, что многие мужчины были бы счастливы занять место Джералда.

У меня застучало в висках. Я поднялась:

— Прости, Джек, но я обещала зайти в классную комнату к Джайлзу и пообедать с ним.

— Хорошо, — смирился Джек, — я отправлюсь, как мне велено, в Дауэр-Хаус. — Он удрученно посмотрел на меня. — Неужели я должен и ужинать там?

Я через силу улыбнулась:

— Нет. Ужинать приходи сюда. Погоди минутку, я напишу тете Фанни записку и попрошу ее, Адама и Нелл присоединиться к нам.

Джек, скорчив кислую мину, терпеливо ждал, пока я напишу приглашение. Выйдя из библиотеки, мы столкнулись с Джайлзом и мисс Стедхэм, которые, как выяснилось, гуляли перед обедом в саду.

— Мисс Стедхэм, позвольте представить вам моего кузена мистера Грэндвила, — сказала я.

Заметив, как заблестели глаза Джека, я поняла, что он оценил прекрасные золотисто-рыжие волосы и свежую, как цветы магнолии, кожу Юджинии Стедхэм. Восхищение Джека не укрылось и от внимания гувернантки. На ее щеках заиграл легкий румянец.

— Счастливо, Джек, — насмешливо бросила я. Уходя, он шепнул:

— Пригласи на ужин и мисс Стедхэм, Аннабель.

Решив, что это неплохая мысль, я так и поступила.

Моя горничная Марианна подала мне вечернее платье из простого черного бомбазина, одно из тех, что мама заказала для меня после смерти Джералда. Я их почти не надевала, ибо обычно ужинала с Джайлзом в его классной комнате.

— Какая тусклая ткань, — заметила Марианна.

— Через месяц я смогу носить платья из черного шелка.

Горничная кивнула, не сомневаясь, что в Лондоне я буду носить яркие платья. Молодая горничная обожала красивые наряды, а я предпочитала ходить дома в простой одежде.

— Ты, верно, скучаешь по Лондону? — спросила я, ибо светский сезон, длящийся с мая по июль, мы почти всегда проводили в столице.

— Жизнь в Лондоне такая волнующая, миледи! За день вы меняете там столько туалетов! Балы, приемы, собрания... — Она вдруг прикусила язык. — Извините, миледи, мне не следовало говорить о светских удовольствиях, ведь милорд совсем еще недавно... — Помолчав, Марианна серьезно добавила:

— Я знаю, вам сейчас не до приемов, миледи.

Вообще-то я никогда не интересовалась светскими развлечениями. Лондон любил Джералд, а я с большим удовольствием проводила бы лето здесь, окруженная дивной природой.

Закончив одеваться, я пошла в гостиную чуть раньше назначенного срока, ибо дядя Адам отличался особой пунктуальностью.

В Уэстон-Холле, построенном в середине прошлого столетия, жилые комнаты располагались в западной части дома, тогда как все остальные — в восточной. Семья пользовалась библиотекой, спальней, примыкающими к ней будуарами, туалетными комнатами для графа и графини, а также той, где теперь помещался мой кабинет. Гостиную, длинную галерею и столовую мы посещали реже.

Большая, хорошо меблированная гостиная с высоким сводчатым потолком и четырьмя окнами выходила на террасу, откуда открывался прелестный вид на лужайку с мраморными статуями и цветочными клумбами.

В ожидании гостей я опустила в позолоченное мягкое белое кресло. Ровно в шесть тридцать появились тетя Фанни, дядя Адам, Джек и Нелл.

— Аннабель, дорогая! — Тетя Фанни говорила очень мягко и с придыханием. — Как мило, что ты пригласила всех нас на ужин. Конечно, я понимаю, что в этом большом доме тебе сейчас одиноко. Пожалуйста, без церемоний приходи к нам. А если хочешь, зови меня. Ты знаешь, как я люблю тебя...

Тетя Фанни продолжала бы тираду еще минут десять, но, к счастью, ее прервал муж:

— Позволь и нам поздороваться с Аннабель; Фанни. — Когда его жена отошла, дядя Адам поцеловал меня. — Как ты себя чувствуешь, дорогая? Спасибо тебе за приглашение.

Я встретила спокойный мудрый взгляд Адама. Ему уже под шестьдесят, его светлые

волосы тронула седина, но выражение доброго крупного лица свидетельствует о том, что он доволен жизнью и своим умением преодолевать трудности.

Джералд и Стивен всегда называли Адама дядей, хотя он кузен, а не брат их отца. Последние двадцать лет Адам управлял уэстонским поместьем — сначала при отце Джералда, потом при нем самом. Он и его семья жили в Дауэр-Хаус, на восточном краю уэстонского парка.

Помня его неизменную доброту ко мне, я сердечно улыбнулась ему:

— Всегда рада видеть вас, дядя Адам.

Его девятнадцатилетняя дочь Нелл, невысокая девушка с белокурыми волосами, как у всех Грэнвиллов, и с необычными для них чуть раскосыми карими глазами, чем-то напоминает мне эльфа. Мы с ней по-родственному поцеловались.

— Неужели мы будем ужинать без собак? — осмотревшись, пошутил Джек.

Я метнула на него раздраженный взгляд.

— Многих благородных леди сопровождают пажи в ливреях, — заметил Адам. — Аннабель же предпочитает собак.

Все рассмеялись. Заметив в дверях смущенную мисс Стедхэм, я пригласила ее войти. Вся семья дружески приветствовала гувернантку. На ней было серое вечернее платье, отделанное черной каймой. Золотистые волосы она собрала в пучок на затылке, как делала и я, оставаясь ужинать дома.

Вскоре появился Ходжес и объявил, что ужин готов. В столовую меня сопровождал Адам, тетю Фанни — Джек, а замыкали шествие Нелл и мисс Стедхэм. Наконец мы все сели за стол красного дерева.

Сидя здесь впервые после похорон, я то и дело поднимала глаза, словно надеялась увидеть напротив себя Джералда.

Муж всегда блистал в обществе и в семейном кругу, ибо отличался непринужденностью и большим обаянием. Джек не без зависти называл его «дитя солнца». Да, Джералду трудно было не завидовать.

К действительности меня вернул голос Адама:

— Сегодня я говорил с Мэтью Стэнхоупом. Оказывается, отныне ежегодный взнос в охотничий клуб возрастет до тысячи фунтов.

— Немалое повышение, — заметил Джек.

Адам рассказал о потоптанном кустарнике Сьюзен Фентон и о моем предложении.

— Нельзя же запретить гостям принимать участие в охоте, Аннабель,

— резко бросил Джек. — Неужели вы лишите и меня этой возможности?

Джек, заядлый охотник, частенько составлял нам компанию. Это обходилось ему недорого, поскольку он всегда мог взять лошадь в нашей конюшне.

— Боюсь, тебе придется вступить в наш клуб, Джек, если захочешь охотиться здесь в будущем году, — проговорила я.

В его глазах вдруг вспыхнул гнев, и он стукнул кулаком по столу с такой силой, что зазвенела посуда.

— Я не могу выложить тысячу фунтов за охоту, и ты прекрасно это знаешь, Аннабель!

Тетя Фанни что-то встревоженно пробормотала, а лакей поспешил вытереть со стола пролившееся вино.

— Если не научишься сдерживаться, Джек, попадешь в беду, — предостерег его дядя Адам. — Аннабель права. Сын Фентонов чудом не пострадал.

— Невелика потеря, — бросил Джек, — больше или меньше одним фермерским щенком — какая разница?

Глаза Нелл выразили ужас.

— Надеюсь, вы говорите не всерьез, мистер Грэндвил? — спокойно спросила мисс Стедхэм.

Джек бросил на нее быстрый взгляд. Тонко поджатые губы предвещали взрыв, но он взял себя в руки.

— Может, и не всерьез, — ответил он.

— Уверена, это глупая шутка. — Я задумчиво постучала пальцами по лежавшей у меня на коленях салфетке. Конечно, Джека нельзя лишить возможности охотиться. Тем более что он помогает присматривать за лошадьми. Впрочем, выход есть. Я просияла. — Деньги за тебя внесет уэстонское поместье, Джек. — Я знала, что Джералд ни за что не стал бы помогать ему, но неужели такое большое поместье не наскребет какую-то несчастную тысячу фунтов? Я посмотрела на Адама:

— Думаю, мы можем себе это позволить, правда, дядя Адам?

— Об этом тебе следует советоваться не со мной, Аннабель. — Адам нахмурился. — По завещанию Джералда, только Стивен имеет право распоряжаться доходами с поместья.

— Вы управляете Уэстоном больше двадцати лет, дядя Адам. Сомневаюсь, что Стивен пожелает сам заняться всеми делами.

— Надеюсь, он не станет в них вмешиваться, — с необычной для нее решительностью вставила тетя Фанни.

— Не знаю, не знаю, — протянул Джек. — Мне трудно поддержать вас, Фанни. Полагаю, у меня больше шансов вытянуть деньги из Стивена, чем из Адама.

Все рассмеялись.

— Что верно, то верно, — вздохнула тетя Фанни. — Столь добросердечного человека, как Стивен, наверное, и на свете нет. И как это он связался с контрабандистами?

— Возможно, свидетели дали ложные показания, — предположила Нелл.

— Стивен признал свою вину, — жестко возразила я. — Это было при мне.

Я и в самом деле подслушивала, когда следователь в присутствии графа допрашивал Стивена.

«Виноват только я, папа. Никто другой».

Эти слова Стивен упорно повторял даже после того, как ему сказали, что обвинение против него не будет выдвинуто, если он отправится на Ямайку.

Он предпочел уехать, а я вышла замуж за Джералда.

— Ты так полагаешь, Аннабель?

Я подняла глаза:

— Простите, тетя Фанни, я не расслышала вас.

В конце мая корабль доставил в Саутгемптон письма от Стивена дяде Адаму и мне.

Уединившись в своем будуаре, чтобы вскрыть конверт, я была неприятно поражена тем, что у меня сильно дрожат руки. Стивен писал, что разделяет мое горе, выражал соболезнования, сообщал, что вернется домой, как только закончит дела на плантации, и просил передать привет Джайлзу.

Скажите, пожалуйста, привет от него!

Скомкав письмо, я бросила его в камин.

Позднее ко мне пришел Адам. К моему удивлению, Стивен написал ему целых пять страничек убористым почерком.

— Стивен решил избавиться от сахарной плантации. — Дядя Адам уселся в библиотеке на свое обычное место.

— Избавиться? — изумилась я. — То есть объявляет о банкротстве?

— Нет, он отдает плантацию рабам.

Я уставилась на бесстрастное лицо Адама:

— Отдает?!

— Так он пишет. — Адам потряс зажатými в пальцах страничками. — Очевидно, последние несколько лет Стивен не возделывает сахарный тростник. Разделив плантацию на отдельные земельные участки, он передал их рабам. Теперь они сами выращивают тростник для себя и на продажу. Стивен даже завез для них английский скот.

— Но ведь рабам не разрешено иметь собственность?

— Поэтому Стивен освобождает их.

— В этом он весь, — усмехнулась я.

— Не вижу в этом ничего забавного, Аннабель. — Лицо Адама стало суровым. Ноздри раздувались, щеки побагровели. — Плантация дорого стоит.

— Стоила, — возразила я. — Вот уже десятки лет ни одна из ямайских плантаций не приносит хорошего дохода. Сперва пагубно сказалась Гражданская война в Америке, затем запрет Наполеона на ввоз британских товаров в Европу лишил их рынков сбыта. Когда-то плантация была для Уэстона чем-то вроде золотых приисков, но уже много лет она приносит только убытки.

— Все это я знаю, Аннабель, — с досадой отмахнулся Адам. — Но теперь, когда Наполеон, надеюсь, потерпел окончательное поражение, она, возможно, опять начнет приносить доход. — Адам похлопал рукой по подлокотнику из красного дерева. — Аннабель, поступок Стивена противоречит интересам Джайлза. Ему не следует это разрешать.

— Вопрос в том, имеет ли он право на это?

— То есть получил ли Стивен юридическое разрешение отдать плантацию рабам?

Я кивнула.

— Да, — с горечью подтвердил Адам, — получил.

Я пожала плечами:

— Значит, мне не удастся остановить его, дядя Адам.

Проницательные серые глаза вглядывались в меня. Тяжело вздохнув, Адам откинулся на спинку кресла, плечи его поникли.

— Боюсь, уже ничего нельзя изменить, — сказал он. — Когда твое письмо доставят на Ямайку, Стивен будет на пути домой.

— А зачем нам плантация? — спросила я, осененная неприятной догадкой. — Может, все же нужна? Мы в долгах?

Видимо, резкость моего тона насторожила Мерлина. Он поднял морду и пытливо поглядел на меня. Я нагнулась и погладила его шелковистую черную спинку.

— Нет, нет, дорогая, ничего подобного. Я вовсе не хотел тебя встревожить. Будущее Джайлза обеспечено.

— А нет ли долгов и закладных, о которых я не слышала?

— Нет, Аннабель, — твердо повторил Адам. — Ежегодный доход графа составляет около двадцати тысяч фунтов — и это после погашения всех расходов и выплаты пенсий старым слугам.

Что ж, весьма приличный доход.

— Вы хорошо управляете поместьем, дядя Адам.

— Спасибо, дорогая. — Он улыбнулся. Порция встала, потянулась и легла возле окна, на освещенное солнцем место.

— Есть ли новости о Джаспере? — спросила я.

Джаспер, сын дяди Адама, капитан кавалерии, последние два года воевал в армии Веллингтона в Испании.

— Вчера получили от него письмо. Кажется, Стивен не единственный Грэндвил, возвращающийся дрмой.

— Джаспер тоже?

Адам кивнул.

— Чудесная новость. Тетя Фанни, должно быть, на седьмом небе?

— Да. Не только она, мы все.

Мерлин, видимо, решив, что его сестра нашла самое лучшее место, поднялся, направился к окну и лег рядом с Порцией. На красном ковре они напоминали большие чернильные пятна.

— Проклятая война, — сказала я. — Надеюсь, она скоро закончится.

— Думаю, теперь, после взятия союзниками Парижа, это неизбежно.

— Какая радость вновь увидеть Джаспера! — воскликнула я.

Дядя Адам молча бросил на меня загадочный взгляд.

— Полагаю, Джаспер тоже захочет принять участие в охоте, — сказала я. Адам рассмеялся:

— О, Аннабель, как легко угадать, что ты скажешь.

— Я забочусь только о Джаспере. Если он не внесет денег, ему не удастся охотиться вместе с нами.

— Я внесу деньги за сына. Нельзя же лишать его такого удовольствия. В Испании ему пришлось весьма нелегко. — Адам поднялся.

— Кто собирает взносы — ты или Стэнхоуп?

— Я, дядя Адам. — Мне не удалось скрыть радость. — Но с этим вполне можно повременить до августа.

Я поднялась, чтобы проводить его. Собаки открыли глаза и зевнули.

Адам насмешливо взглянул на меня:

— Будь уверена, мне не придется напоминать об этом, Аннабель.

— Всегда-то вы подшучиваете надо мной, дядя Адам.

Он похлопал меня по руке:

— Прости старика. Ведь я помню тебя еще девочкой с очень серьезным выражением лица.

Я ласково улыбнулась ему:

— Как славно, что Джаспер возвращается.

— Да.

Когда Адам ушел, я в сопровождении собак поднялась в детскую, чтобы пообедать с Джайлзом.

***

В день возвращения Стивена солнце освещало сквозь туманную дымку золотые пшеничные поля. Ветер доносил аромат скошенных трав. Лошади стояли на небольших выпасах, лениво помахивая хвостами. На фоне синего неба трава на склонах Даунза казалась зеленым бархатом.

В последнее время Джайлз увлекался рыбной ловлей, и мы провели вдвоем несколько часов на озере. Мое старое платье покрылось пятнами от сидения на траве. Коса падала на спину, на ногах были стоптанные ботинки. Предстань я в таком виде перед Джералдом, он сказал бы, что я похожа на крестьянскую девушку.

Как только мы вернулись домой, я отослала Джайлза в детскую, а сама задержалась с экономкой миссис Нордлем, советуясь с ней, как приготовить пойманную рыбу. Я все еще была в зале, когда к дому подъехал наемный экипаж и остановился перед величественной парадной лестницей Уэстон-Холла.

Услышав стук колес, Ходжес выглянул из высокого окна возле двери, увидел ветхий экипаж и прищелкнул языком. Но вдруг дворецкий выпрямился и отпрянул от окна.

— Боже! — воскликнул он. — Да это же мистер Стивен!

Ноги мои приросли к мраморному полу.

— Мистер Стивен? — Стройная изящная миссис Нордлем затрепетала от восторга. — Миледи, вы слышите? Прибыл мистер Стивен!

— Слышу, — отозвалась я.

Ходжес, широко распахнув парадную дверь, быстро вышел на ступени, залитые жарким послеполуденным солнцем.

— Мистер Стивен! — Он сбежал по каменной лестнице. — Добро пожаловать домой!

И тут, впервые за пять лет, прозвучал голос Стивена:

— Спасибо, Ходжес, рад видеть вас.

Колени у меня подкосились, во рту пересохло, сердце неистово колотилось.

«Держи себя в руках, Аннабель!» Я несколько раз глубоко вздохнула, стараясь не поддаваться слабости. Стивен вошел и, увидев меня, замер. Стоя на черно-белом мраморном полу, разделенные, как мне казалось, бесконечно большим расстоянием, мы пристально смотрели друг на друга.

Стивен выглядел почти так же, как и прежде, но что-то в нем неуловимо изменилось. Каштановые, с рыжеватым отливом волосы, прямые брови, тонкий, с горбинкой — следствие перелома — нос, красиво очерченный рот, глубокие голубые глаза — все это было

до боли знакомым. Однако черты лица словно определились и обозначились резче. Может, юношеская мягкость исчезла под лучами жаркого солнца Ямайки?

Голос его дрогнул, когда он произнес мое имя. Порция, некогда принадлежавшая Стивену, узнала хозяина и бросилась к нему с восторженным лаем.

— Порция! Как поживаешь, моя девочка?

Он нагнулся, чтобы погладить ее, но возбужденная собака подскочила ко мне, трижды гавкнула, сообщая удивительную новость, затем вновь кинулась к нему. Мерлин, решив, что это игра, побежал приветствовать Стивена.

Воспользовавшись передышкой, я успела овладеть собой. Чувствуя на себе внимательные взгляды Ходжеса и миссис Нордлем, я направилась к Стивену и протянула ему руку:

— Порция скучала по тебе. Добро пожаловать домой, Стивен.

Мое приветствие прозвучало не слишком доброжелательно.

Его тонкие, сильные пальцы на миг стиснули мою ладонь, но он тут же отпустил ее, точно обожженный этим прикосновением.

— Как печально, что с нами нет Джералда. — Он посмотрел вверх — туда, где раньше была спальня мужа. — Просто не верится, что я никогда уже не увижу его.

Я кивнула, не найдя для него слов сочувствия.

Лакеи внесли вещи Стивена.

— Где поселится мистер Стивен, миледи? — спросила экономка.

— Не могу ли я жить в своей прежней комнате?

— Там теперь детская.

На его лице появилось выражение замкнутости, хорошо знакомое мне с детства.

— Понимаю.

Раньше, однако, он не бывал отчужденным со мной.

— Отнесите вещи в голубую спальню, — распорядилась я, и лакеи направились в коридор, ведущий в семейную часть дома. Миссис Нордлем и Ходжес последовали за ними.

Мы со Стивеном остались одни в холле.

— Ты ничуть не изменилась, Аннабель! — изумленно воскликнул он, пристально взглядевшись в меня.

— Ошибаешься, Стивен, я очень изменилась. — Мои нервы напряглись до предела.

Лишь по тому, как сузились его глаза, я поняла, что он уловил враждебность в моем тоне.

Из библиотеки вдруг вышел Адам:

— Стивен! Ходжес сообщил мне, что ты здесь. Я так рад видеть тебя, мой дорогой мальчик!

— Дядя Адам! — Стивен впервые улыбнулся, и у меня екнуло сердце. Он протянул Адаму руку, но тот сжал его в объятиях. Затем отстранил Стивена и внимательно оглядел его.

— Да ты вырос! Стал выше меня!

— Там, где я был, много солнца.

— И рома, — добавил Адам, и оба рассмеялись. У меня за спиной раздался срывающийся голос тети Фанни:

— Значит, Ходжес сказал правду? Стивен и в самом деле вернулся домой? — Она вздохнула. — Да ты стал смуглым, как индеец, Стивен!

Он протянул к ней руки:

— Тетя Фанни! Я счастлив видеть вас!

Она бросилась в его объятия.

— Ты знаешь, что Джаспер тоже вернулся? — спросила она.

— В самом деле? Отличная новость!

Тетя Фанни заглядывала в глаза Стивену, радостно бормоча, что «оба ее мальчика дома», а он смотрел на нее с ласковой, чуть насмешливой улыбкой. Адам и Фанни всегда очень любили его.

— Пойдем выпьем чаю, — предложила Фанни, и Стивен бросил на меня удивленный взгляд, явно не понимая, почему она ведет себя как хозяйка в моем доме.

— Адам и Фанни живут у нас, пока у них наводят порядок.

Так я договорилась с ними, желая успокоить мою мать, считавшую, что приличия не позволяют мне жить под одной крышей со Стивеном. Тетя Фанни с восторгом приняла мое предложение заново обставить Дауэр-Хаус, и хотя болтовня бывала порою утомительна, я предпочла видеть у себя эту женщину, а не какую-то незнакомую кузину из Бата.

Адам, Фанни и Нелл переселились к нам на прошлой неделе. Джаспер прибыл накануне.

Теперь было очевидно, что мы со Стивеном не останемся одни.

— Я с удовольствием выпил бы чаю, тетя Фанни, — сказал Стивен.

— Как прошло твоё путешествие сюда? — спросил Адам, когда все направились к библиотеке, откуда чуть позже собирались перейти в столовую.

Я словно приросла к месту, и, обернувшись, тетя Фанни спросила:

— Аннабель! Разве ты не пойдешь с нами, дорогая?

Покачав головой, я показала на свою одежду:

— Мне надо сначала переодеться.

— Вы с Джайлзом что-нибудь поймали? — осведомился Адам.

— Да, Джайлз поймал четырех рыб и страшно доволен.

Адам и Фанни улыбнулись. Стивен промолчал.

— Джаспер и Нелл отправились на верховую прогулку, но скоро вернуться, — сказала Фанни. — Они очень обрадуются тебе, Стивен. Ты ведь еще ничего не знаешь о дебюте Нелл в лондонском свете. Она получила четыре предложения...

Когда они скрылись за дверью и голоса их затихли, я с трудом перевела дыхание.

Итак, первая встреча состоялась.

И я выдержала первое потрясение.

Теперь все пойдет своим путем.

***

К ужину я выбрала одно из своих пяти платьев и с помощью Марианны надела его. Затем села за туалетный столик перед зеркалом, и горничная начала причесывать меня.

— Пожалуй, я коротко постригусь, — сказала я, пока она заплетала мне косы. — Длинные волосы давным-давно вышли из моды.

— Что вы, миледи, было бы очень жаль отрезать такие прекрасные волосы.

До сих пор я не осуществила своего желания из-за Джералда: он любил перебирать в

постели длинные пряди моих волос...

Я закрыла глаза, стараясь не углубляться в воспоминания.

— Они медового цвета, — заметила Марианна.

Я посмотрела в зеркало, желая убедиться, что на моем лице не отразились происшедшие во мне перемены.

Мне было семнадцать, когда Стивену пришлось отправиться на Ямайку. В тот день в своем старом муслиновом платье, с длинной косой, я, вероятно, и не выглядела старше своих лет. Но теперь мне уже двадцать три, и я вдова с четырехлетним сыном. За это время много пришлось выстрадать, и это не могло не сказаться на моей внешности.

— Как по-твоему, Марианна, у меня осунулось лицо? Я выгляжу старше, чем прежде?

Из зеркала на меня смотрели серо-зеленые, как у отца, глаза. Я загорела, и на моем носу появились веснушки. Загар и веснушки, вообще-то не подходящие светской даме, придавали мне юный и свежий вид.

— Ничуть не старше, миледи, — ответила Марианна.

«Вот черт!» — мысленно выругалась я.

Служанка достала из шкатулки с драгоценностями пару серег, вдела их мне в уши и застегнула на шее жемчужную нить.

— Слава Богу, что уже можно не носить бомбазин, — сказала я, поднимаясь. — В такой теплый вечер он был бы невыносим.

В открытые окна будуара долетал легкий ветерок, но вечер и в самом деле был очень теплым. Однако не только из-за этого на лбу у меня выступила испарина. В столовой мне придется сидеть прямо напротив Стивена!

Хорошо еще, что мы встретимся в присутствии Адама и Фанни!

Я вернулась в свою спальню, оттуда вышла в коридор, но задержалась перед широкой дубовой лестницей.

Мне следует это сделать. Тогда я быстрее избавлюсь от терзающего меня беспокойства. Не раздумывая более, я громко постучала в дверь первой спальни на втором этаже.

Дверь вдруг бесшумно отворилась, и я увидела Стивена.

«А ведь он действительно стал выше!» — пронеслось у меня в голове. Когда Стивен уезжал на Ямайку, мои глаза были на одном уровне с его скулами, теперь они на одном уровне с его ртом.

Сердце мое учащенно забилося.

Он молча смотрел на меня.

— Я хотела бы, чтобы до ужина ты встретился с Джайлзом.

Стивен вышел в коридор и закрыл за собой дверь:

— Хорошо.

Мы направились к Джайлзу. Сидя в детской один, он трудился над какой-то новой головоломкой.

— Мама! — Сын бросился в мои объятия.

— Джайлз, дядя Стивен пришел поздороваться с тобой.

— Как поживаете, дядя Стивен? Я очень рад, что вы вернулись.

На лице Стивена вновь появилось отчужденное выражение. Он протянул руку мальчику:

— Я тоже рад видеть тебя, Джайлз. — И когда маленькая ручонка потонула в его широкой ладони, добавил:

— Ты очень похож на свою маму.

Джайлз явно не был польщен этим. Последние шесть месяцев он все больше сознавал свою принадлежность к мужскому полу, и ему весьма не понравилось, что его сравнили с женщиной, пусть даже с обожаемой мамой.

Стивен, отличавшийся особой чуткостью, сразу уловил его недовольство.

— Я хотел сказать, что волосы у тебя такого же цвета, — быстро уточнил он. — По чертам лица ты, несомненно, Грэндвил.

Успокоенный Джайлз улыбнулся:

— Вы будете жить с нами, дядя Стивен? Мама говорит, что вы мой опекун.

— Пока я останусь здесь, Джайлз. Твой папа поручил мне управлять поместьем до твоего совершеннолетия. А потом ты сам займешься этим.

— Вы любите ловить рыбу, дядя Стивен?

— Да. — Стивен впервые улыбнулся моему сыну. — На Ямайке я частенько рыбачил.

— Мы ловим рыбу прямо здесь, в парке, — пояснил Джайлз, — в нашем озере. Можно ловить рыбу и в Уэст-Хейвене, прямо в океане.

— Дядя Стивен вырос в Уэстон-Холле, дорогой, — сказала я. — Он опытный рыболов.

— А может быть, вы пойдете с нами удить рыбу? — спросил Джайлз. Увидев надежду в его глазах, я почувствовала укол в сердце. — Я поймал сегодня четыре больших рыбины. И съел их за ужином, мама, — добавил он, обращаясь ко мне.

Простодушная болтовня Джайлза, видимо, помогла Стивену справиться с напряжением.

— Неужели съел все четыре? — удивился он.

— Да, — подтвердил Джайлз.

— Они были не так велики, как ты полагаешь, — пробормотала я.

Его глаза вспыхнули вдруг голубым светом и обратились ко мне. У меня перехватило дыхание.

— Вы пойдете рыбачить с нами, дядя Стивен? — настаивал Джайлз.

Взгляд Стивена вновь скользнул по мальчику. Мне было бы неприятно, если бы он отказал моему сыну, однако я все же предпочла бы не находиться в его обществе.

— Я буду счастлив пойти с вами на рыбную ловлю, Джайлз. — Стивен покосился на меня. — С уэстонским озером связано столько приятных воспоминаний!

Гнев охватил меня.

— Думаю, вам стоит отправиться вдвоем; рыбная ловля — мужское занятие, — заметила я. — К тому же вы лучше познакомитесь.

Джайлз, истосковавшийся по мужскому обществу, спросил:

— Вы пойдете со мной, дядя Стивен?

Лицо Стивена выразило разочарование, однако он был неспособен проявить жестокость к ребенку, смотревшему на него с такой надеждой.

К ребенку, но не ко мне.

— Конечно, пойду. Я так люблю ловить рыбу.

Ужин прошел не так скверно, как я опасалась. Рядом со мной сидели Джаспер и дядя Адам, а рядом со Стивеном — Нелл и тетя Фанни. Мисс Стедхэм оказалась несколько на отшибе, напротив нее стоял пустой стул, но так как ужин был чисто семейный, в беседе участвовали все, и никакой неловкости не ощущалось.

Моя мать велела заново отделать все приемные комнаты в Уэстон-Холле. Сейчас бледно-зеленая с золотом столовая сияла великолепием. Большой обеденный стол красного дерева, обтянутые золотисто-зеленым шелком стулья, большая хрустальная люстра под сводчатым потолком, огромный резной буфет красного дерева с фамильным серебром. Со стены на нас смотрели портреты моей матери и графа Уэстона.

Сэр Томас Аууренс написал эти портреты через несколько лет после их женитьбы. Глядя на красивого светловолосого графа, я подумала, что Джералд был бы так же хорош собой, доживи он до сорока. Однако в лице графа привлекала внимание не столько красота, сколько аристократическое достоинство человека, уверенного в себе и в своем высоком положении в этом мире.

Портрет моей матери за эти годы стал знаменитым. Сам Аууренс считал его одним из своих шедевров, и, видимо, не ошибался. Он изобразил ее в зеленом утреннем платье со спаниелем на руках (эту собаку она позаимствовала у леди Мортон, ибо сама не любит собак). В портретах было что-то взаимодополняющее. Моя мать, прекрасная и элегантная, казалась воплощением аристократизма.

Сама она очень гордилась этим портретом, восхищавшим всех, кто видел его.

Иногда меня посещала мысль: уж не одна ли я замечаю то, что делает Лоуренса великим художником, гением, а не просто светским портретистом. Присмотревшись к женщине, изображенной на портрете, я видела, что ее красота себялюбива, улыбка — холодна, а прекрасные зеленые глаза лишены глубины.

Лакеи подали на первое говяжий бульон.

— Ты чудесно загорел, Стивен, — сказала Фанни. — Я и не предполагала, что ты такой смуглый.

— На Ямайке очень жарко. — Стивен склонился над чашкой с бульоном.

— Несколько моих знакомых, побывавших в Индии, — вставил Джаспер, — вернулись такими же загорелыми.

— В детстве Стивен сразу обгорал на солнце, — вспомнила Шанни.

— Я привык к жаре через несколько месяцев и перестал обгорать.

— Стивену очень идет загар, мама. — Нелл всегда вступалась за него.

Дружески улыбнувшись девушке, Стивен обратился к мисс Стедхэм:

— Одного моего близкого друга на Ямайке звали Стедхэмом. Не родня он вам?

— Это мой брат.

— Вы никогда не упоминали о том, что ваш брат на Ямайке, мисс Стедхэм, — удивилась я.

— Он управляющий одной из британских плантаций на острове, миледи,

— пояснила она. — Когда отец умер, Тому пришлось искать работу, и лорд Нортрэн предложил ему это место.

Увы, аристократическая семья мисс Стедхэм разорилась. Ее отец, заядлый игрок,

промотал состояние и покончил с собой. Детям же пришлось самостоятельно преодолевать трудности жизни. Мисс Стедхэм стала гувернанткой, а ее брат, как теперь выяснилось, управляющим плантацией.

— Том Стедхэм — один из немногих порядочных белых людей, которых мне довелось встретить за эти годы на Ямайке, — сказал Стивен. — Я чертовски рад, что мы подружились.

— Стивен! — укоризненно воскликнула тетя Фанни.

Он бросил на нее удивленный взгляд.

— Не поминай черта за столом, — истолковала я недовольство тети Фанни.

— О! — Стивен смущенно улыбнулся. — Простите, тетя Фанни. Боюсь, я отвык от дамского общества.

Нелл не сводила с него прекрасных темных глаз:

— Неужели на Ямайке не было дам, Стивен?

Он пожал плечами:

— Я не выносил их мужей, Нелл, и поэтому очень мало общался с ними.

Его слова доставили мне удовольствие, и это раздосадовало меня.

— Но не все же было так плохо, Стивен, — мягко возразил Адам.

— Хуже некуда, дядя Адам, — с горечью признался Стивен. — Никогда еще я не встречал таких гнусных негодяев, как управляющие, надсмотрщики и поверенные, которых нанимали владельцы сахарных плантаций, чтобы спокойно жить в метрополии. — Он положил ложку. — Прибыв на плантацию, я первым делом уволил нашего надсмотрщика, сущего зверя.

— Дорогой Стивен, ты ничуть не изменился. — Тетя Фанни улыбнулась.

— Он жестоко обращался с рабами? — спросила Нелл.

— Да. — Стивен решительно сжал губы.

— Этому, конечно, нет прощения, — заметил Адам.

— Однако хуже всего рабовладение как таковое, — вставила мисс Стедхэм.

Стивен с одобрением посмотрел на нее:

— Вы рассуждаете как ваш брат.

— Работорговля запрещена на британских территориях с 1807 года, мисс Стедхэм, — напомнил Джаспер.

— Возможно, этот закон предотвратил ввоз новых рабов, Джаспер, но ведь старые продолжают размножаться, — все с той же горечью отозвался Стивен.

Тетя Фанни посмотрела на меня и, поняв, что я не хочу вмешиваться, сказала:

— Это вряд ли подходящая тема для застолья, Стивен. Тем более в присутствии молодых дам.

— О мама! — воскликнула Нелл.

— Простите, тетя Фанни, и ты, Нелл.

— Я не имею ничего против, — заметила Нелл. Он подмигнул ей.

Лакеи убрали пустые чашки и подали ростбиф. Стивен уставился на мясо с таким озадаченным видом, словно забыл, что это такое.

Дядя Адам нарушил неловкое молчание:

— Если хочешь, я порежу мясо.

Стивен кивнул.

Я поняла, в чем дело. Когда Стивен в последний раз обедал за этим столом, ростбиф

разрезал его отец. Потом это делал Джералд.

Отец и брат. Он никогда больше не увидит их.

Стивен бросил взгляд на меня. Его щеки побледнели, несмотря на загар.

— Полагаю, Стивен может сам разрезать ростбиф, дядя Адам, — мягко заметила я.

— Да. — Стивен, взяв нож и вилку, отрезал первый кусок.

Лакей поставил перед ним тарелки, и Стивен положил на каждую из них мясо. После того как наполнили бокалы, я сказала:

— Как по-твоему, Джаспер, если Наполеона сошлют на Эльбу, примирится ли он с этим?

— Не знаю, Аннабель.

У него было мужественное волевое лицо и задумчивые серые глаза. Он с детства мечтал о военной карьере. Дядя Адам купил для него первый офицерский чин, и после девятнадцати лет Джаспер лишь изредка наезжал в Уэстон. Его возвращение обрадовало меня.

— Сомневаюсь, что властелин мира удовольствуется маленьким островком.

Заговорили об окончании войны, затем о предстоящем урожае.

«Слава Богу, — думала я, — что у нас в доме поселился дядя Адам с семьей. Слава Богу что кто-то стоит между мной и Стивеном».

***

После ужина мы собрались в гостиной. Адам, Джаспер, Фанни и я сели за ломберный столик, чтобы сыграть в вист. Нелл и Стивен пошли взглянуть на розы. Мисс Стедхэм поднялась к Джайлзу.

Из-за головной боли я, к досаде Адама, моего партнера, играла плохо.

— Извините, дядя Адам, — сказала я, допустив очередную ошибку. — Пожалуй, мне лучше отправиться спать.

Стеклянная дверь отворилась, впустив Стивена и Нелл. Девушка была очень оживлена, ее темные глаза искрились. Стивен улыбался.

— Луна уже поднялась, — сказала Нелл. — В саду так красиво!

В висках у меня застучало.

— У бедной Аннабель сильная головная боль, — оповестила всех тетя Фанни.

Я с удивлением взглянула на нее, поскольку не упоминала об этом.

— От меня такое никогда не укроется, дорогая, — с сочувствием проговорила тетя Фанни. — Ведь у тебя под глазами темные тени.

— Едва ли это красит меня, — пошутила я, поднимаясь. — Вы разольете чай, тетя Фанни?

— Конечно, не беспокойся, ложись спать.

Я улыбнулась ей и пожелала всем спокойной ночи. Моя спальня располагалась в юго-западной части дома. Войдя в нее, я закрыла за собой дверь и прижала ее спиной, точно не желая впустить незваного гостя.

Мой затылок, казалось, сжимали тиски.

«Так жить нельзя, — подумала я. — Семья Адама не спасет положения. Стивен должен покинуть этот дом.»

Но ведь я не могу выставить его! Как опекун Джайлза, он имеет право остаться здесь. Стивен! О Боже, Стивен! Как мы зашли в такой тупик?»

Я позвонила в колокольчик, пришла Марианна и помогла мне раздеться. Отпустив ее, я не легла, а встала у открытого окна. Ночь была теплая, и я ощущала сладостное благоухание роз. Однако оно доносилось не из сада, а из хрустальной вазы на столе. Это позаботилась обо мне миссис Нордлем.

Чтобы не ложиться на большую кровать, где спала с Джералдом, я поставила у окна стул, устроилась на нем поудобнее и, вдыхая ласковый ароматный и влажный летний воздух, предалась воспоминаниям.

Мне восемь лет. Мама только что привезла меня в Уэстон-Холл и сказала, что отныне мы будем жить здесь.

Через год после смерти моего отца мама вышла замуж за графа Уэстона. Отец был военным. Он родился в знатной семье, но, как младший сын младшего сына, не имел состояния. Мама вышла за него восемнадцатилетней девушкой, и через два года родилась я. Похоронив отца, она решила устроить свою жизнь лучше, поселилась в Бате и начала блистать в тамошнем светском обществе. В конце сезона ей удалось поймать в свои сети еще одного графа Уэстона, недавно овдовевшего.

За неделю до свадьбы граф прислал в Бат экипаж, и нас с мамой доставили в Уэстон. Никогда не забуду, какой страх охватил меня, когда мы въехали на длинную подъездную дорогу и я впервые увидела огромный серый каменный особняк. Впоследствии я поняла, что он удобнее и уютнее сельских домов других аристократов, но в тот день каменные стены, сверкающие окна и множество печных труб. переполнили меня ужасом.

В пустынном холле, превосходящем размерами все наши прежние жилища, нас встретил дворецкий и провел через большую, отделанную позолотой залу в гостиную. Там нас ожидал граф и его сыновья.

Меня поразила высота потолков, украшенных росписью и лепниной. Дом напоминал дворец, и я трепетала при мысли, что мне придется здесь жить. Граф взял мою руку, поцеловал меня в лоб и сказал, что я очень похожа на маму. Потупившись и разглядывая мыски своих крошечных башмачков, я что-то пролепетала в ответ.

Мама старалась очаровать сыновей графа. Джералд смотрел на нее как замороженный, чем, конечно же, доставил маме удовольствие. Восторженно отозвавшись о его красоте, уме, обаянии, она спросила мальчика, как идут занятия.

Стивен слушал мою мать молча и смотрел на нее, как мне показалось, чуть презрительно. Затем его темно-голубые глаза обратились на меня. На худом мальчишеском лице они казались необычайно большими, вдумчивыми и пронизательными.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Восемь.

— А мне девять.

Я кивнула.

Граф попытался привлечь внимание мамы к другому сыну:

— Стивен еще не учится, Регина, но учитель считает его очень способным мальчиком.

— Весьма приятно, — сказала мама. — Но почему же ты не учишься, Стивен?

Мальчик ничего не ответил, но одарил маму все тем же презрительным взглядом.

— Стивен болел весь прошлый год, — ответил за него граф, — и мы решили повременить с его занятиями.

Мама посмотрела на тщедушного мальчика:

— Жаль, что ты так долго болел.

— Спасибо, — сказал Стивен.

— Что же с тобой приключилось?

— У меня был жар, — объяснил Стивен. — Но сейчас я чувствую себя лучше.

Подняв свои безукоризненно правильные брови, мама обратила взор на графа.

— Мы так и не знаем, чем он болел, — проговорил тот. — Однако теперь мальчик как будто поправился. — Понизив голос, он добавил:

— Думаю, Стивен сильно горевал о матери.

Мальчик метнул на отца раздраженный взгляд.

«Так вот оно что! — подумала я. — Он невзлюбил мою маму по той же причине, что и я его отца».

— Разве не странно называть такую молодую красивую леди мамой? — заметил Джералд.

Вид Стивена ясно свидетельствовал о том, что он скорее умрет, чем выговорит это слово.

Этот мальчик нравился мне все больше и больше.

— Можешь называть меня Региной, — сказала моя мать Джералду.

Я уже точно знала, что буду называть графа не иначе как «сэр».

В гостиную с подносом в руках вошел лакей в голубой ливрее с золотым шитьем.

— А, — оживился граф, — теперь мы утолим жажду. — Он окинул взглядом Стивена и меня. — Садитесь, дети, мама нальет вам лимонаду.

Перед одним из огромных, до самого пола, двустворчатых окон стояли чрезвычайно неудобные позолоченные стулья и столик, на который лакей поставил поднос. Граф и Джералд сели рядом с моей матерью, Стивен и я

— напротив них.

Мать налила из серебряного кувшина лимонад для детей, а себе и графу — чай. День был жаркий, меня все еще мучило после долгой дороги, она же выглядела такой свежей, словно только что вышла из будуара.

Граф не сводил с нее глаз.

Мои ноги не доставали до пола, я сидела прямо-прямо, не касаясь спинки стула, крепко сжимая в своих липких, потных руках лимонад и украдкой оглядывая гостиную, камин, украшенный изразцами, лепнину и роскошную, но неудобную мебель. Через застекленную дверь открывался вид на просторные зеленые лужайки и цветники.

«Как же мне тут жить?» — в отчаянии подумала я.

Стивен шепотом спросил:

— А ты учишься, Аннабель?

Посмотрев на мальчика, я заметила, что его лоб блестит от пота и он уже осушил полстакана лимонада.

Я мотнула головой:

— Мама говорит, что наймет мне гувернантку.

Незадолго до смерти отца у меня появилась гувернантка, но маме пришлось расстаться с ней.

Я едва не заплакала. Нет, лучше умереть, чем расхныкаться перед графом.

— Тебе нечего здесь бояться, — приободрил меня Стивен. — Я хочу, чтобы ты

чувствовала себя как дома.

Его нос и высокие скулы обгорели на солнце.

Граф и Джералд засмеялись какой-то шутке моей матери.

— А у тебя есть пони? — спросила я Стивена.

Мальчика поразил мой вопрос. Для него иметь своего пони было таким же обычным делом, как пить лимонад. Он кивнул:

— Его зовут Персик.

— Персик? — изумилась я.

— Он очень любит персики.

— Но ведь это... странно.

— Очень. — Стивен залпом допил лимонад. — А у тебя есть пони, Аннабель?

Я покачала головой.

— Значит, нам придется подарить тебе пони, — сказал Стивен.

У меня перехватило дыхание.

— Ты боишься лошадей? — встревожился он.

Я энергично затрясла головой:

— Мне не пришлось учиться верховой езде. Мы жили то в одном месте, то в другом, поэтому у меня не было пони. — Я никогда не решилась бы сказать сыну графа, что мой отец просто не мог позволить себе такой роскоши. — Думаешь... я научусь?

Его глаза вновь выразили удивление.

— Конечно, я попрошу Граймза, нашего конюшего, научить тебя. Он хорошо знает свое дело.

Заметив мою радость, мальчик улыбнулся. И какая же удивительная была у него улыбка!

— А еще у меня есть собака, — похвастался он. — Она спит в детской.

— Неужели тебе разрешают держать собаку в спальне? — Мама не пускала собак даже в дом.

— Мне мама разрешила, — объяснил он. Я взглянула на свою мать.

— Наверное, твоя мама была добрая.

Стивен, опустив глаза, кивнул.

— А как зовут твою собаку?

— Рэгс.

— Как по-твоему, мне разрешили бы завести собаку? — дерзнула спросить я.

— Это зависит от того, хорошая ли у тебя будет гувернантка.

Мы переглянулись, понимая, что отныне объединились против взрослых.

***

Воспоминания болью отозвались в моей душе. Я откинулась на спинку стула, закрыла глаза и глубоко вдохнула ароматный ночной воздух. Между нами — прежними и нынешними — разверзлась пропасть. Детского простодушия уже не вернуть, так же, как прежних Аннабель и Стивена.

Только коснувшись рукой щеки, я поняла, что плачу.

Наутро я поехала с Джайлзом на верховую прогулку. Еще недавно сын с радостью садился передо мной на мою лошадь, но несколько месяцев назад он пересел на своего пони. В последние же несколько недель мальчик всегда ехал впереди меня — мне пришлось удовлетворить его просьбу.

«Я уже большой, мама», — повторял Джайлз. Скоро ему исполнится пять.

Миновав парк, мы направились на брайтонскую дорогу. Джайлз хотел посмотреть, не сидит ли на том же дереве необычная птица, которую он видел на днях. Птица, конечно же, улетела.

— Интересно, где она, мама? — спросил Джайлз, когда мы поехали рядом. Густые кроны деревьев распростерлись как свод над нашими головами. Из леса доносилось кукование кукушки, тропу то и дело пересекали белки.

— Наверное, птица полетела искать корм, Джайлз.

— Она была такая красивая, с голубым оперением. Может, это была голубая птица?

— Едва ли, хотя и в самом деле на редкость красивая.

Несколько минут мы ехали молча.

— А дядя Стивен очень хороший, да, мама?

— Ты так думаешь?

— И глаза у него такого же цвета, как перья той птицы.

— Кажется, да. — Мой голос дрогнул.

Мы выехали на тропу, ведущую к брайтонской дороге. Справа тянулись фермерские поля, слева — лесистые холмы, отделявшие долину от залива.

Все эти фермы принадлежали графу Уэстону, и он сдавал их в аренду. Август — время жатвы. В полях, под утренним солнцем, уже трудились крестьяне и даже деревенские торговцы.

Мы с Джайлзом, остановив лошадей, смотрели на мужчин, женщин и детей, едва различимых в бескрайних пшеничных полях. В руках у взрослых были серпы, секачи и косы. Пшеницу предстояло сжать, скосить и связать в снопы до наступления ночи.

В годы войны пшеница приносила фермерам изрядный доход, но теперь цены падали, что угрожало процветанию фермеров.

Топпер, мой гнедой конь, обмахивался хвостом от мух.

— Поедем дальше. — Джайлз тронул пони. Мы поравнялись с фермой Уошбернов.

— Джайлз, нам пора возвращаться, — сказала я. Однако сын перешел с рыси на галоп. Испугавшись, я последовала за ним.

Услышав позади стук копыт, пони помчался еще быстрее, а Джайлз, привстав в стременах, ухватился за гриву.

Стремительно обойдя пони, я постепенно сбавила скорость. Когда обе лошади пошли шагом, я обернулась.

Глаза Джайлза сияли от счастья.

— Я никогда еще не ездил так быстро, мама! А это такое удовольствие!

Что ни говори, а он все-таки мой сын.

— Ты не должен этого делать, пока не научишься пользоваться поводьями.

— А когда я научусь?

— Думаю, через год-другой.

— Через год?!

— Если проявишь усердие, возможно, и раньше. А теперь поедем назад.

Внимание Джайлза привлекли заброшенные поля.

— А почему на этой ферме ничего не растет, мама?

— Эти поля арендует мистер Уошберн, а он так болен, что даже не засеивал их.

— А почему ему не помогли? — удивился Джайлз.

— К сожалению, мистера Уошберна не любят. Он не очень хороший человек.

На западе я вдруг заметила повозку с запряженным в нее незнакомым кобом. Так как дорога заканчивалась перед уэстонским парком, повозка могла направляться только на ферму Мэшо или на эту заброшенную. Мне не удалось избежать встречи.

Повозка остановилась, и я увидела Джема Уошберна, сына больного старика.

— Мисс Аннабель! — Он снял шляпу.

Его иссиня-черные волосы блестели на утреннем солнце. Он заметно возмужал, но глубоко посаженные бледно-голубые глаза не изменились.

— Как ты, Джем? — спросила я.

— У меня все в порядке, спасибо. — Он бросил взгляд на Джайлза, смотревшего на него с нескрываемым любопытством.

— Это мой сын, — сказала я. — Джайлз, а это мистер Уошберн. В детстве он очень дружил с твоим дядей Стивеном.

— Мне очень жаль, что ваш отец болен, — вежливо проговорил мальчик.

Джем изумленно уставился на меня.

— Джайлз удивился, что ваши поля запущены, и я объяснила ему, что твой отец болен.

— Он умер сегодня утром, — глухим голосом сообщил Джем. — Я ездил в деревню поговорить с пастором.

— Время неудачное, — заметила я. — Все заняты жатвой.

Джем пожал плечами:

— Что ж, мы похороним его завтра, и если никто не придет, тут уж ничего не поделаешь. Я не удивлюсь, он ведь ни с кем не дружил.

— Стивен вчера вернулся, — сказала я. — Я сообщу ему о том, что случилось. — Мой голос звучал холодно, как ни старалась я скрыть свои чувства.

Джем нахмурился:

— Передайте ему, что, если он не захочет видеть меня, я его пойму.

— Не сомневаюсь, что захочет. — Я натянула поводья. — Если тебе нужна помощь, сразу скажи Адаму.

Его глаза были так же холодны, как и мои.

— Благодарю, но едва ли мне что-нибудь понадобится от вас, — тут он сделал многозначительную паузу, — миледи.

— Поехали, Джайлз, — сказала я, и мы бок о бок направились к уэстонскому парку. Заметив мое волнение, Джайлз до самой конюшни не проронил ни слова.

***

День выдался очень теплый, и я решила, что собакам было бы неплохо искупаться в

озере. Джаспер вызвался сопровождать меня, и мы пошли по тропе через большой парк, разбитый известным архитектором по заказу деда Джералда. В великолепных рощах — буковых, каштановых и дубовых — обитало более ста оленей. Озеро казалось бесценной жемчужиной в этом дивном парке. По ту сторону озера виднелись пологие склоны Даунза.

У самого берега Джаспер взмахнул рукой, собираясь бросить в воду палку. Мерлин и Порция застыли в радостном ожидании. Едва палка мелькнула в воздухе, собаки прыгнули в воду. Я отметила, что мой спутник забросил палку куда дальше, чем я. Собакам придется потрудиться, чтобы добраться до нее.

Солнце сильно пекло, и я порадовалась, что на мне широкополая соломенная шляпа и тонкое ситцевое платье.

Джаспер же, как и подобает сельскому джентльмену, был в бриджах, сапогах и сюртуке. Мне стало жаль его.

— Если хочешь, сними сюртук, Джаспер, ведь очень жарко.

— С удовольствием, только если ты не скажешь об этом моей матери.

Я рассмеялась:

— И это герой, бестрепетно сражавшийся с врагами!

Он снял сюртук.

— Мама бывает очень разочарована, когда не оправдывают ее ожиданий.

— Пожалуй, мне стоит попытаться так же воздействовать на Джайлза.

Порция схватила палку, и собаки выскочили на берег. Порция подбежала к Джасперу, надеясь, что он снова бросит палку. Взяв сюртук, я заметила, что плечи не подбиты ватой, как у большинства лондонских денди. Джаспер так крепко сложен, что не нуждается в этом. Он снова зашвырнул палку в воду.

На этот раз Мерлин опередил Порцию. Глядя, как мои черные спаниели рассекают воду, я спросила Джаспера:

— Какие же у тебя планы теперь, после окончания войны?

— Не знаю.

Я взглянула на него из-под полей шляпы:

— Насколько я помню, тобою всегда владело одно желание — получить офицерский чин. Стало быть, ты навоевался?

Его лицо, такое же характерное, как у всех Грэндвиллов, выразило задумчивость.

— Пожалуй, да, Аннабель. Желание воевать пропало у меня после Бургоса. Там полегло слишком много людей... — Он тряхнул головой, точно стараясь избавиться от кошмарных видений.

— Да, — согласилась я, — народу погибло много.

— Жаль, что мне не пришлось увидеться с Джералдом, — проговорил Джаспер.

— Это был ужасный удар, — отозвалась я.

— Печально, что меня здесь не было.

— Спасибо тебе за письмо, Джаспер. Я ценю твою поддержку. Правда ценю. Твои мать к отец проявили ко мне необычайную доброту.

Мерлин деликатно положил палку к ногам Джаспера, и тот снова забросил ее в озеро.

— Чем ты займешься, если выйдешь в отставку? — полюбопытствовала я.

— У папы есть небольшое поместье в Нортгемптоншире, и он хочет передать его мне.

— Я не слышала об этом поместье.

— Он получил его совсем недавно от какого-то дальнего родственника моей матери.

Дом в хорошем состоянии. Есть там и несколько ферм. — Легкий ветерок разметал рыжеватые волосы Джаспера. Все Грэндвилы, кроме Стивена, светловолосые.

— Нортгемптоншир, — задумчиво повторила я. — Великолепное место для охоты.

— Такая роскошь мне не по карману, — заметил Джаспер.

Я прикусила губу, раздосадованная своей неделикатностью. Охота во всех графствах — весьма дорогое удовольствие. Мне следовало бы придержать язык.

— Сейчас, находясь в бессрочном отпуске, — продолжал Джаспер, — я могу как следует подумать и решить, что делать дальше. Пока ничто не мешает мне отдыхать и наслаждаться спокойной домашней жизнью.

Собаки уже вернулись, но Джаспер, не замечая их, смотрел на меня. Вокруг его глаз пролегли тонкие морщинки. Должно быть, он часто щурился от яркого испанского солнца. Кожа его золотилась от легкого загара. Расстегнутый ворот сорочки открывал сильную шею.

«Вот и он уехал мальчиком, а вернулся мужчиной», — подумала я.

— Уэстон навсегда останется моим домом, — глухо промолвил Джаспер. Я улыбнулась:

— У нас было очень счастливое детство, и порой мне жаль, что мы не можем вновь стать детьми, у которых одна забота: как бы выпросить побольше булочек у поварихи твоей матери.

— Неизменно радушную миссис Спрейг, — он тоже улыбнулся, — никогда не раздражало, что мы путались у нее под ногами.

— Тебе всегда доставалась самая большая булочка, — напомнила я. — Мы со Стивеном считали это несправедливым.

— Но ведь это же был мой дом, — возразил Джаспер.

Поняв, что игра закончилась, собаки отряхнулись. Мы с Джаспером отпрянули, когда на нас посыпались брызги.

— Пойдем в павильон для рыбной ловли, — предложила я.

Мы последовали за собаками вдоль берега.

— Помнишь наш клуб? — спросил вдруг Джаспер.

То, что он называл клубом, создал Джералд на третье лето после того, как я поселилась в Уэстоне. Наслушавшись рассказов отца о его лондонском клубе (граф принадлежал к клубу Уайта), он решил в подражание ему создать свой собственный. Членами стали сам Джералд, Джек, Стивен и Джаспер. Собрания клуба он, с разрешения моей матери, проводил в одной из пустовавших спален.

Я пришла в бешенство от того, что Джералд не принял ни меня, ни Нелл.

— Женщин не принимают в клубы, — заявил Джералд с высокомерием избалованного юноши.

— Что ж, — ответила я с не меньшей надменностью, — мы с Нелл организуем свой собственный клуб, куда не будет доступа никому из вас.

Я завербовала Сьюзен (разумеется, тогда она не была еще миссис Шентон) и Элис Торнтон (дочь богатейшего из арендаторов графа), и мы обосновались в павильоне для рыбной ловли.

Все лето оба клуба соперничали, и каждый стремился превзойти другой. Мальчики прыгали с амбара в сено. Девочки, сделав плот, выплыли на середину озера. Мальчики провели ночь на деревенском кладбище. Девочки «одолжили» одну из телег отца Сьюзен, и я на глазах у наших соперников смело въехала на ней прямо в деревню. Тогда мне было десять лет.

— Просто чудо, что никто из нас не пострадал, — сказала я Джасперу. — При мысли, что когда-нибудь Джайлз может последовать нашему примеру, у меня стынет кровь в жилах.

Он рассмеялся:

— Но ведь нам было так весело! Я хорошо помню, как мы вчетвером собирались в спальне и замышляли разные проказы. Но вы всегда умудрялись превзойти нас.

— Да уж, мы не скучали.

— Все же лучшей нашей выдумкой был костер, — сказал Джаспер.

— А мне приятнее всего вспоминать, как мы играли в привидения.

Джаспер взъерошил волосы.

— В Испании я часто думал о том лете и по утрам, перед сражениями, обычно вспоминал о наших тогдашних проделках. Эти воспоминания словно предохраняли меня от всех несчастий.

Мои глаза затуманила печаль.

— После того лета произошло так много событий. Ты был на войне. Стивен управлял плантацией на Ямайке. А Джералд... Джералд умер.

Джаспер покачал головой:

— Никак не могу поверить, что его больше нет, Аннабель. Джералд — «дитя солнца», златокудрый мальчик! Мы делились с ним самыми заветными мечтами. — Он опустил голову. — Разве кто-нибудь думал, что Джералд так рано уйдет?

— Хорошо, что вы со Стивеном благополучно вернулись домой.

Джаспер бросил на меня загадочный взгляд:

— Да. Но признаться, меня удивило, что Джералд назначил Стивена опекуном Джайлза. Ведь братья никогда не были близки.

Выйдя из небольшой рощи, мы увидели павильон. Порция и Мерлин бросились к нему.

— Есть и хорошие новости, — сказала я. — Ты, конечно, слышал, что Джек выиграл крупную сумму, а Нелл получила четыре предложения руки и сердца.

— Кое-что об этих предложениях я слышал. Мы оба рассмеялись.

— В павильоне кто-то есть, — сказал Джаспер.

Собаки залаяли. К нам метнулась маленькая фигурка.

— Мама! — закричал Джайлз. — Я уловил еще одну рыбу!

Он налетел на меня с такой силой, что я покачнулась.

— Поймал, а не уловил, Джайлз.

Джаспер поддержал меня, схватив под руку.

— Осторожнее, молодой человек. Ты чуть не сшиб маму.

— Прости, мама! — Как всегда, в минуты счастья, светлые серо-зеленые глаза Джайлза сияли. — Дядя Стивен и Джени ничего не поймали, а я поймал.

Павильон представлял собой летний домик с одной комнатой и открытой верандой. На ступенях крыльца стояли мужчина и женщина. Добежав до павильона, собаки вернулись, а Стивен и мисс Стедхэм, спустившись с крыльца, выжидающе смотрели на нас.

Джаспер поздоровался с ними.

— Как жаль, что вам не повезло на рыбалке.

Гувернантка рассмеялась. В своей широкополой соломенной шляпе и светло-лиловом муслиновом платье она выглядела очень мило.

— Джайлз просто рожден рыболовом, у него особый дар, — сказала она.

Мой сын радостно засмеялся.

Порция села у ног Стивена. Как и Джаспер, он снял сюртук и закатал рукава сорочки. Он был выше и стройнее Джаспера. Белая сорочка оттеняла его загорелое лицо, шею и руки.

— Я рассказал дяде Стивену о том человеке, которого мы встретили утром, мама, — сообщил Джайлз.

— Да, Джем Уошберн вернулся, Стивен. — Я положила руку на плечо сына. — Его отец умер сегодня утром.

— Я так и сказал, — с досадой заметил Джайлз.

Стивен и Джаспер посмотрели на мальчика, явно удивленные его тоном. Я крепко сжала плечо Джайлза. Даже если я порчу сына, это никого, кроме меня, не касается.

— Джем просил передать, что если ты не захочешь видеть его, он это поймет, — холодно добавила я.

Заметив встревоженный взгляд Джайлза, я слегка разжала пальцы и тепло улыбнулась ему.

— Почему он думает, что ты не захочешь его видеть? — спросил Джаспер у Стивена. — Вы ведь были неразлучными друзьями.

— Ума не приложу, почему он так сказал. Я хорошо знала причину, но промолчала.

— А известно ли тебе, что вскоре после твоего отъезда на Ямайку Джем бежал из дома? — спросил Джаспер.

— С тех пор мы ничего о нем не слышали, но несколько месяцев назад он вернулся. Наверное, кто-то сообщил ему, что его отец умирает.

Стивен отчужденно кивнул.

— Он заплатил моему отцу всю задолженность, — продолжал Джаспер.

— Джем заплатил арендную плату? — удивилась я.

— Так сказал мой отец. За два квартала. Он спросил Джема, чем тот занимался все эти годы, но получил уклончивый ответ.

— По словам Сьюзен Фентон, Джем хочет взять ферму в аренду, — заметила я. Джаспер кивнул:

— Так он сказал и отцу.

Джайлз топтался на месте, явно недовольный тем, что не может принять участия в беседе.

— Что ж, если Джем хочет хозяйничать на ферме, это вполне осуществимо, — проговорил Стивен.

— Конечно, — согласилась я. Все посмотрели на меня.

— Тебе не нравится Джем Уошберн, мама? — спросил Джайлз.

Признаться, я не выносила Джема, но уклонилась от ответа:

— Никогда об этом не думала. Кстати, а где та рыба, которую ты поймал, Джайлз?

Я хочу на нее взглянуть.

— Она там, мама. — Сын схватил меня за руку и потащил к ведерку. — Взгляни на нее. Мы все были рады случаю сменить тему, а Джайлз зарделся от похвал.

***

Рыболовы собрали снасти, и мы все отправились домой. Стивен нес удочки, а Джайлз ведерко с рыбой. Сын, к моему удивлению, предпочел идти между Стивеном и мисс

Стедхэм, а не со мной и Джаспером.

Мы с Джаспером следовали за бегущими впереди собаками, прислушиваясь к разговору за нашей спиной, весьма смахивающему на допрос. Джайлз безжалостно засыпал Стивена вопросами, большая часть которых начиналась словами: «Дядя Стивен, ты когда-нибудь?..»

Тот отвечал ему с поистине героическим терпением.

Под ногами у меня шуршал гравий, рука Джаспера слегка прикасалась ко мне. По обеим сторонам тропы тянулись деревья, а за ними виднелись прелестные лужайки. В тени великолепных каштанов паслось стадо оленей.

— Джайлз, нехорошо, что ты все время говоришь один, — ласково заметила мисс Стедхэм.

— О! — Джайлз смутился, но тут же великодушно сказал:

— Если вы хотите задать мистеру Грэндивилу вопрос, пожалуйста, задайте.

Стивен тихо засмеялся, и от этого смеха что-то сжалось у меня в груди. Солнце палило мою голову и плечи, лоб покрылся испариной.

— Прошу вас, мисс Стедхэм, — предложил Стивен, — спрашивайте.

— Признаться, мне очень хотелось бы узнать, как поживает мой брат. Я не видела его уже шесть лет.

— Что именно вы хотели бы знать? — спросил Стивен.

— Ну, например, не останется ли он в ближайшем будущем без работы. Его письма рисуют мрачную картину экономического упадка на Ямайке.

— Увы, экономика там не в лучшем состоянии, мисс Стедхэм, — подтвердил Стивен.

— Это я уже слышала. Но что значит «не в лучшем состоянии»?

По ее голосу я поняла, что она очень переживает за брата.

— Я приведу такой пример, — начал Стивен. — В конце семнадцатого столетия плантация приносила нашей семье двенадцать процентов прибыли. Когда же я пять лет назад приехал туда, ей грозило разорение. А ведь наша плантация была одной из самых прибыльных на острове.

Джаспер присвистнул и, обернувшись, спросил:

— В каком состоянии ты ее оставил, Стивен? В таком же? Или дела пошли еще хуже?

— Как помнишь, я вышел из дела, — ответил Стивен.

— Да, верно.

— Нам всем приходится труднее, чем прежде. Внезапно я почувствовала, что Джаспер смотрит на меня. Перехватив мой взгляд, он отвел глаза. Между тем Стивен продолжал:

— С начала столетия для погашения долгов на Ямайке были проданы более ста плантаций, а против ста пятнадцати других возбуждены судебные дела. — Помолчав, он мягко добавил:

— Боюсь, одна из этих плантаций принадлежит лорду Нортрэпу, мисс Стедхэм.

Этот мягкий голос был слишком хорошо мне знаком. Голова моя поникла.

— Этого-то я и опасалась, — тихо сказала мисс Стедхэм.

— Но, может, с окончанием войны дела плантаторов пойдут лучше? — спросил Джаспер. — После того как Наполеон потерпел поражение, весь континент опять стал открытым рынком.

— Да, у кубинских и бразильских плантаторов, которым бесперебойно поставляют рабов, дела пойдут, вероятно, лучше, — с горечью ответил Стивен. — Но едва ли улучшится положение ямайских плантаторов.

— Потому что Ямайка принадлежит Англии и ввоз рабов туда запрещен?

— Да.

Потеряв надежду завладеть вниманием Стивена, Джайлз подбежал ко мне и взял меня за руку. Рыба заплескалась в ведерке, и он заглянул в него.

Я бросила через плечо:

— Не беспокойтесь за брата, мисс Стедхэм. Если он лишится работы, Стивен поможет ему. Он никогда не оставляет друзей в беде. — Голос мой прозвучал так приторно-сладко, что все уставились на меня. Покраснев, я порадовалась, что мое лицо затенено широкими полями шляпы.

— Мы и в самом деле обсудили с Томом, за какую работу ему взяться, если плантация разорится, мисс Стедхэм. Полагаю, вам нечего опасаться за его будущее.

— Приятно слышать. — Мисс Стедхэм явно испытала облегчение. — Думаете, Том вернется домой, мистер Грэндвил?

— Он останется на Ямайке, пока не будет официально объявлено о банкротстве плантации. Но к Рождеству вы, вероятно, увидите с ним.

Обернувшись, я увидела сияющее лицо гувернантки. Стивен мило улыбался ей. Взглянув на Джаспера, я пробормотала что-то невнятное о погоде.

Он, благослови его Господь, поддержал эту тему, и всю дорогу до дома мы непринужденно болтали.

Ночью меня разбудила гроза.

«Хорошо, — подумала я, перекатываясь на спину. — Может, завтра не будет такого пекла».

Окна в спальне были распахнуты настежь, и в комнату врвался холодный ветер. Зевнув, я пошла проверить, не намокли ли шторы, но убедившись, что они сухие, вновь юркнула под одеяло, натянула его повыше и свернулась клубочком.

Сверкнула молния и прогремел гром.

Когда-то я боялась грозы, но теперь она доставляет мне удовольствие.

В спальне было свежо. Я зарылась головой в подушку, закрыла глаза, и разреженная грозовая атмосфера напомнила мне о том, что произошло много лет назад.

Мне девять лет, за окнами спальни оглушительно гремит гром, и я сжимаюсь от страха.

Бояться гроз я начала после смерти отца, хотя до этого, кажется, почти не замечала их. В Уэстоне мой страх усилился, поскольку вблизи залива грозы неистовствуют с особой силой.

Я замирала, слыша отдаленные раскаты грома, однако днем, когда меня окружали люди, мне было легче. По ночам же, в одиночестве, я трепетала от ужаса при первых звуках грозы.

Итак, удар грома разбудил меня. Яркая молния осветила мою детскую, большой комод с зеркалом, мои любимые картины с изображением лошадей, книжные полки.

Я нырнула с головой под одеяло, вся дрожа.

Однако даже под одеялом я увидела еще одну вспышку молнии и захныкала.

— Аннабель! Аннабель! — Он дважды повторил мое имя, прежде чем я откликнулась. — Не бойся, Аннабель, гроза скоро кончится.

Высунув голову из-под одеяла, я увидела при вспышке молнии, что он стоит возле моей кровати — взъерошенный и озабоченный.

— Я б-боюсь г-гроз, Стивен.

— Знаю. Но здесь, дома, ничто тебе не угрожает. Ты в полной безопасности.

Он догадался, что я не поверила ему. Гром загрохотал так, что я подпрыгнула.

— Может, остаться с тобой, пока гроза не кончится?

— Да.

— Тогда подвинься.

Я перекатилась к стенке, и полуобнаженный Стивен нырнул под одеяло. Однако я успела заметить, как блестит его гладкая кожа. Положив голову на одну из моих подушек, он повернулся ко мне спиной и тут же уснул.

Я коснулась ладонью его теплой спины.

Гремел гром, сверкали молнии, но худая спина мальчика, казалось, вселяла в меня чувство защищенности. Вскоре я тоже заснула.

Когда вновь разразилась ночная гроза, я не стала дожидаться Стивена, а, взяв подушку, бросилась в его спальню. Он крепко спал, раскинувшись на кровати. Я потрясла его за плечо, и мальчик открыл глаза.

— Опять гроза, Стивен. Можно я побуду у тебя, пока она не кончится?

Удивленно поморгав, он подвинулся, и я устроилась рядом с ним.

Через пять минут мы оба спали.

Пока мне не исполнилось шестнадцать лет, кроме меня и Стивена, в детской бывала только моя гувернантка мисс Арчер. Наши со Стивеном спальни располагались рядом в конце коридора. Спальня Джералда была тоже поблизости, а гувернантки — в конце коридора, между комнатой для игр и классной.

Позднее я часто думала, как неблагоприятно поступила мать, позволив нам со Стивеном занимать примыкающее к детской крыло. А между тем она вынашивала план выдать меня замуж за Джералда.

Ей и в голову не приходило, что я могу предпочесть младшего сына графа.

Сейчас мне было двадцать три года, я уже не боялась гроз и лежала впотьмах, предаваясь воспоминаниям, пока раскаты грома не стихли вдали. Моя душа была в смятении. Когда-то я очень любила Стивена, но он не оправдал моих надежд, в сущности, предал меня. Я не простила ему этого, и, возможно, никогда не прощу. Но мое сердце обливалось кровью, когда я вспоминала о том, кем мы были когда-то друг для друга.

О, если бы те времена вернулись! Увы, это невозможно.

***

Завтрак у нас всегда подавали в столовой с семи тридцати до десяти. Поэтому, войдя на следующее утро в столовую, я не удивилась, что вся семья уже сидит за столом. Налив себе кофе, я расположилась рядом с Нелл.

Положив вилку, Стивен объявил, что на несколько дней уезжает погостить в Кент к своему дяде Фрэнсису.

Это сообщение явно огорчило Нелл, а мне доставило облегчение.

— Конечно, тебе следует туда поехать, — сказала тетя Фанни. — Мистер Патнам твой крестный отец и всегда очень любил тебя. Представляю, как он обрадуется!

— Торнхилл — небольшое, но хорошее поместье, — заметил дядя Адам.

— Когда-нибудь ты унаследуешь его, Стивен. Так что тебе не мешает поинтересоваться им.

Замечу кстати, что Стивен, в отличие от других младших сыновей, имел недурные перспективы. Мать оставила ему пятьдесят тысяч фунтов, а ее брат Фрэнсис Патнам, бездетный вдовец, завещал племяннику все свое состояние.

— Пока я был на Ямайке, дядя Фрэнсис писал мне каждый месяц. Можно ли такое забыть?

— Мне хорошо известно, что ты любишь своего дядю, — проговорил Адам.

— Конечно, сэр. — Стивен улыбнулся.

— Надолго ты едешь? — осведомилась я.

Стивен сидел рядом с Адамом и Фанни, напротив Нелл. Когда наши глаза встретились, мне показалось, что мы с ним одни в комнате.

Я почувствовала знакомое стеснение в груди. Ни у кого на свете нет таких глаз, как у Стивена, — голубых и вместе с тем темных.

— Точно не знаю. Мы поедем вместе с дядей в Лондон кое с кем повидаться. Я сообщу тебе.

— В Лондон? — удивилась тетя Фанни. — Но в августе Лондон пуст: все уезжают в Брайтон или в загородные поместья.

— Там состоится собрание аболиционистов, и я хочу принять участие в нем, — объяснил Стивен.

Покончив с телячьей котлетой, Адам поднял глаза:

— Аболиционист — это сторонник освобождения рабов?

— Да, — ответил Стивен. — Теперь, после завершения войны, распространились слухи о том, будто французы собираются возобновить работорговлю. Весь мир должен бороться за отмену рабства. Повсюду возрождаются аболиционистские комитеты и собирают информацию о том, как повлияла отмена рабства Англией на положение рабов на островах. Об этом хотят расспросить и меня.

— На днях в «Таймс» было опубликовано письмо в поддержку аболиционистов, — заметил Джаспер. — Именно британцы должны ратовать за полное искоренение работорговли.

— Это не так-то легко осуществить, — сказал Адам.

— Не легко, — согласился Стивен. — Томас Кларксон отправляется на венский конгресс, и есть надежда, что ему удастся оказать моральное давление на сильных мира сего и добиться заключения международного соглашения о запрещении работорговли.

— А ты хорошо осведомлен обо всем этом, Стивен, — проговорил Джаспер.

— Я поддерживал связь с Кларксоном с первого же года моего пребывания на Ямайке.

Несколько минут мы молча размышляли над его словами.

Затем Джаспер сказал:

— Пусть весь мир знает, что Стивен борется за правое дело!

— Ты испытывал бы такие же чувства, Джаспер, если бы видел то, что я.

Воспользовавшись тем, что все взгляды обратились на Стивена, я украдкой посмотрела на него. Тогдашняя мода требовала, чтобы волосы слегка прикрывали лоб мужчины, но Стивен зачесывал их назад. Чтобы подавить воспоминания о прикосновениях к этим шелковистым волосам, я сжала пальцы так сильно, что ногти вонзились мне в ладони.

— Каких только ужасов не видел я в Испании, — сказал Джаспер. — Но я не такой идеалист, как ты, Стивен, и хочу только мира.

Нас всех удивила боль, прозвучавшая в голосе Джаспера.

Я поднялась.

— Аннабель, дорогая, ты не съела свою булочку, — заметила тетя Фанни.

— Я не голодна.

— Ты в конюшню? — спросил Джаспер.

— Да.

— Если не возражаешь, я пойду с тобой.

Я кивнула, и он тоже поднялся.

— Покажи ему лошадей, которых ты продаешь, Аннабель, — сказал Адам. — Ему надо купить не меньше двух для охотничьего сезона.

— Джасперу незачем покупать у меня лошадей, дядя Адам. Я рада поделиться с ним всем, что требуется для охоты.

— Спасибо тебе за доброту и великодушие, но я хочу сам приобрести лошадей для сына, — возразил Адам.

Джаспер бросил на отца пытливый взгляд.

— Если ты не хочешь продать лошадей, нам придется поискать в другом месте, — продолжал Адам.

— В другом месте вы не купите таких хороших лошадей, — заметила я.

— Все знают, что уэстонские охотничьи лошади самые лучшие, — улыбнулся Адам. —

Поэтому я и предпочел бы купить их у тебя.

Его слова польстили мне, хотя спрос на моих лошадей неизменно превышал предложение. Продавая своих любимцев, я всегда проявляла разборчивость и осмотрительность.

— Вы получите их при условии, что они останутся здесь, — сказала я, зная, что в Дауэр-Хаус конюшни нет.

— Твое условие слишком обременительно, дорогая, — заметил Адам.

Лакей принес кофейник и блюдо с булочками.

— Я и не знал, что Аннабель торгует лошадьми, — удивился Стивен.

— Это вовсе не торговля, — поспешила мне на помощь тетя Фанни. — Просто Аннабель отбирает хороших лошадей, приучает их к охоте, а затем продает друзьям.

— Ты получаешь от этого какую-то прибыль? — поинтересовался Стивен, взглянув на меня.

— Да.

Он перевел взгляд на тетю Фанни:

— Значит, это торговля.

Та смутилась. Еще бы! Ведь светской леди не подобает заниматься такими делами.

Признаться, я выручила много денег от продажи охотничьих лошадей. А иметь собственные деньги весьма приятно.

Конечно, Джералд оставил мне хорошие средства, но это — совсем другое.

— Пойдем, Джаспер. — Я направилась к двери. — Сейчас ты увидишь лошадей.

***

Парк, разбитый к югу от дома, прорезали длинные дорожки, окаймленные тисами и грабами. Одна из них вела к конюшне, другая — к лесистым холмам.

Уэстонскую конюшню окружала буковая роща, а перед ней красовались клумбы с астрами, петуниями, флоксами и львиным зевом. Летом, когда деревья стоят в зеленом убранстве, особенно приятно увидеть сквозь густую листву серые каменные постройки и огороженные выпасы. Мерлин и Порция бежали впереди. Едва мы перешли по мосту через речку, собаки устремились к поилке.

Не выспавшись из-за грозы в это утро, я встала позже обычного, и Граймз, наш конюший, уже с нетерпением поджидал меня.

— Наконец-то, мисс Аннабель! — с укором воскликнул он, когда мы вошли во двор.

Для Граймза, обучавшего меня верховой езде и очень гордившегося моими успехами, я навсегда останусь «мисс Аннабель».

Заметив Джаспера, он приветливо добавил:

— Доброе утро, капитан.

Старый грум, обучивший езде и его, был в восторге от того, что Джаспер служил в кавалерии, и величал его не иначе как капитаном.

Джаспер поздоровался с Граймзом и перекинулся с ним несколькими словами.

Проходивший мимо с двумя ведрами колодезной воды конюх улыбнулся и кивнул мне.

— Доброе утро, Фрэнк, — сказала я.

— Доброе утро, миледи.

Гроза очистила воздух, и небо сверкало голубизной. Сегодня солнце ласкало, а не палило, как накануне.

— Капитан Грэндвил хочет купить охотничьих лошадей, Граймз, и я обещала мистеру Адаму продать ему пару.

— Пару? — смутился грум. Его узкое обветренное лицо выразило недоумение. — Но мы уже договорились о продаже каждой лошади!

— Может, и договорились, однако пока ни одну не продали. — Я никогда не продавала лошадей, прежде чем начинался сезон охоты на лис.

— Полагаю, у капитана Грэндвила есть преимущества перед другими покупателями, верно, Граймз?

Старый грум усмехнулся.

— А у тебя, оказывается, дело поставлено на широкую ногу, — удивился Джаспер.

Невысокий и тощий Граймз гордо вскинул голову:

— Все, кто держит гончих для охоты на лис, мечтают об уэстонских лошадях.

— Поразительно. — Джаспер взглянул на меня. — Ты часто писала мне в Испанию, Аннабель, но даже не упомянула, что занимаешься этим.

Мы поздоровались с конюхом, толкавшим перед собой полную навоза тачку.

— Вообще-то я не развожу лошадей, а покупаю не слишком преуспевших на бегах чистокровок и приучаю их к охоте.

— Чистокровок? — Джаспер внимательно обвел взглядом выпасы, где паслись великолепные лошади.

— Сейчас охотники предпочитают лошадей, способных не только быстро скакать, но и преодолевать препятствия, а чистокровки обладают этими способностями.

— Но они нервные и пугливые животные, — заметил Джаспер, переводя взгляд на меня. — Обычно мы покупали скрещенные породы.

— Займись сбруей, Томми, — велел Граймз молодому конюху, и тот побежал рысцей к сараю, где хранилось все необходимое. Старый грум вернулся к разговору:

— Мисс Аннабель умеет хорошо их отбирать, капитан. Она выезжает лошадей в течение сезона и прививает им определенные навыки. Сесть на такую лошадь — одно удовольствие.

Направляясь сюда, я перебрала в памяти всех своих лошадей и теперь сказала Граймзу:

— Пойдем взглянем на Снэпа. Думаю, он подойдет капитану Грэндвилу.

Задумчиво посмотрев на Джаспера, старик кивнул:

— Конь на втором выпасе.

Мы втроем вышли за ворота и повернули на запад, к выпасам.

На первом паслись две кобылы. Фея, увидев меня, подбежала к изгороди.

— Доброе утро, красotka, — сказала я.

Собаки обнюхали лошадь.

Фея запрядала ушами. В лучах утреннего солнца гнедая кобыла отливала медью.

Вторая лошадь тоже подбежала ко мне. Я купила ее еще весной, рассчитывая приучить к охоте с наступлением сезона.

Обе кобылы последовали за нами вдоль изгороди, а мы подошли к другому загону, где паслись два коня.

— Снэп — тот, что рыжей масти, — сказала я Джасперу. Вторым был Топпер.

Мы оперлись на изгородь, и кони тотчас устремились к нам.

— Ты магически воздействуешь на лошадей, — заметил Джаспер, наблюдая, как я ласкаю Топпера. — Помню, твой пони ходил за тобой как собака.

— Баунс, — вздохнула я. — Удивительный пони. У меня разрывалось сердце, когда он умер.

Разочарованная тем, что не получила угощения, Фея, взбрыкнув, поскакала по выпасу. Серая кобыла, удачно названная мною Тенью, забавно подражала ей.

Забыв о нас, Снэп помчался к изгороди, отделявшей его от кобыл, и призывно заржал, но они не отозвались.

Топпер ткнулся мордой в мою руку, прося лакомства, которое я извлекла из кармана юбки.

Джаспер с усмешкой смотрел, как Топпер старается просунуть морду в узкую щель между жердями, чтобы добраться до моего кармана, где, по его предположению, лежала еще одна морковь.

— Скажи, Аннабель, а что думает твоя мать о твоём увлечении лошадьми?

Граймз презрительно фыркнул, точно выразив мои чувства. Конечно, ей это не нравится, но она не может воспрепятствовать мне.

— Хочешь посмотреть, как он бежит? — спросила я Джаспера.

— Еще бы!

— За дело, Граймз, — сказала я.

Старик перелез через изгородь и направился к Снэпу, не сводившему глаз с кобыл. Прикрепив корду к недоузду, он вывел коня в центр загона.

— Пойду придержу Топпера, чтобы он не мешал. — Я пролезла между двумя жердями в загон и схватила Топпера за недоуздок.

Джаспер, последовав за мной, наблюдал, как Граймз гоняет Снэпа на корде.

— Каков его рост? — поинтересовался Джаспер.

— Шестнадцать ладоней.

— Отличная лошадь, Аннабель!

— Я приучила его к охоте в прошлый сезон. Он на редкость резв и высоко прыгает, но очень норовист. Будь с ним начеку, Джаспер. Снэп должен точно знать, чего ты от него хочешь. Этого коня надо держать в узде.

Джаспер кивнул.

— Из-за этого я и не хотела его продавать. Плохому наезднику опасно садиться на Снэпа. Я подала знак Граймзу, и он направил коня к нам. Топпер положил морду мне на плечо.

— Сколько же стоит такая лошадь? — любопытствовал Джаспер.

Я колебалась.

Граймз расслышал его вопрос и, заметив, что я затрудняюсь назвать сумму, твердо сказал:

— Восемьсот гиней.

— Сколько?! — Джаспер бросил на меня изумленный взгляд.

Я смущенно кивнула.

— С тебя я, конечно, не возьму так много, Джаспер.

— Неужели кто-нибудь выкладывает такую кучу денег за охотничью лошадь?

— Выкладывают. За уэстонскую лошадь, — с удовольствием уточнил Граймз.

Джаспер долго оглядывал загоны.

— Такова цена и этих лошадей?

— Нет, — ответила я, — упряжные или рабочие стоят дешевле. Самые дорогие — охотничьи.

— А сколько ты держишь охотничьих лошадей?

— Обычно шестнадцать. Но двух я не продам ни за какие деньги.

Джаспер задумался, видимо, прикидывая общую сумму.

— Как ты занялась столь прибыльным делом?

Граймз отвязал корду от недоуздка Снэпа, а я отпустила Топпера. Кони отошли, а мы направились к изгороди.

— Моя принадлежность к женскому полу оказалась самым большим препятствием, — призналась я. — Ты же знаешь, охотятся весьма немногие дамы. Кажется, только леди Сэлсбери, миссис Фэрли и я регулярно принимаем в этом участие и имеем собственные своры собак.

Женщины избегают этого занятия в основном из-за дамского седла, на котором сидят боком, я же сижу в седле по-мужски и надеваю поверх бриджей длинную юбку.

— Господи! — воскликнул Джаспер. — Только не уверяй меня, что леди Сэлсбери тоже охотится. Да ей уж, наверное, под сто. Я усмехнулась:

— Ну, ста ей еще нет, но она ничего не видит. В прошлом году мы с Джералдом охотились с ее сворой, а грум держал повод лошади леди Сэлсбери.

— Значит, она и слепая продолжает охотиться?

— Когда она подъезжает к препятствию, грум кричит: «Прыгайте же, черт побери, миледи!» И она прыгает.

— Поразительно! — покачал головой Джаспер.

Прижавшись к изгороди, я вернулась к основной теме нашего разговора:

— Когда я впервые поняла, что у меня есть несколько отличных охотничьих лошадей на продажу, выяснилось: у женщины их никто не купит. Признаюсь, это задело меня.

— И как же тебе удалось преодолеть этот мужской предрассудок?

— Настойчивостью и упорством. Граймза явно не удовлетворило столь краткое объяснение.

— Мисс Аннабель охотилась с Куорном, — сказал он Джасперу. — Затем взяла четырех чистокровок и стала охотиться с самим Эптоном Смитом. Он не сразу согласился на это, но в конце концов уступил, подарил ей свой охотничий жетон и предложил купить двух лошадей.

— Неплохо, Аннабель, — усмехнулся Джаспер.

— Если удастся снискать одобрение главного распорядителя охоты, считай, что ты не только в буквальном, но и в фигуральном смысле на коне. Так уж повелось у охотников. С тех пор у меня не было никаких трудностей с продажей лошадей.

— Хотите прокатиться на Снэпе, капитан? — спросил грум. — Я велю оседлать его для вас.

Джаспер колебался.

— Вели оседлать и Топпера, Граймз, — сказала я. — Мы с капитаном прокатимся вместе.

Старик кивнул, перелез через изгородь и отправился в конюшни выполнять мое распоряжение.

Как только он удалился, Джаспер сказал:

— Мой отец не сможет заплатить восемьсот гиней, Аннабель.

— Я и не возьму восьмисот с дяди Адама.

Джаспер нахмурился и плотно сжал губы. В нем не осталось ничего от мальчика, с которым мы вместе росли.

— Я не допущу, чтобы ты теряла деньги.

— Год назад я купила Снэпа за сто гиней, — призналась я. — Поэтому ничего не потеряю.

Серые глаза округлились от изумления. Передо мной вновь был прежний Джаспер.

— За один год ты получаешь такую прибавку?

— Он был в ужасном виде, когда я купила его. Все ребра наружу. Ничего общего с тем, что сейчас.

Мы поглядели на лоснящегося, ухоженного Снэпа. Он следовал вдоль изгороди за кобылами. Его бока вздымались.

— А как относился Джералд к тому, что его жена занимается таким делом? — поинтересовался Джаспер. — Он ведь всегда соблюдал приличия.

— Мы с Джералдом никогда не мешали друг другу жить по-своему.

Серые глаза пристально уставились на меня.

— Иметь уэстонскую лошадь теперь очень модно, Джаспер. Возможно, Джералд не испытал удовольствия, когда я начала продавать лошадей, но скоро примирился с этим. — Я пожала плечами. — Ты же помнишь, добродушного Джералда ничто надолго не выводило из равновесия.

— Почему бы ему и не быть добродушным? — сухо заметил Джаспер.

— Он всегда радовался жизни, а это очень хорошо.

Снэп, устремив глаза на кобыл, снова призывно заржал.

— Бедняга, — проговорил Джаспер. — Представляю себе, что он чувствует.

Глава 8

Вернувшись домой, мы увидели коляску, запряженную парой. Конюх держал поводья. Стивен прощался в холле с дядей Адамом и тетей Фанни. Его саквояж стоял возле двери.

— Так ты еще не уехал? — удивилась я. Стивен молча взглянул на меня. Атмосфера становилась напряженной. Адам с нарочитой непринужденностью сообщил:

— Утром к нам заезжал Джем Уошберн, и мы потолковали о возобновлении аренды. Я нахмурилась, ибо не имела ни малейшего желания видеть здесь Джема.

Стивен, наблюдавший за моей реакцией, обратился к Адаму:

— Вернувшись, я сразу займусь конторскими книгами. Уверю вас, что готов взять на себя всю полноту ответственности.

Тот удивленно уставился на него.

— Я в самом деле разбираюсь в конторских книгах. — Стивен улыбнулся. — Научился на Ямайке. Полезное дело.

— Моя система бухгалтерского учета, возможно, отличается от той, к которой привык ты, Стивен, — заметил Адам.

— Тогда мы просмотрим их вместе, и вы объясните мне то, чего я не знаю.

— Тебя ждет коляска, — возвестил Джаспер с порога.

— Да, — откликнулся Стивен. — Я готов.

— Я не предполагала, что ты возьмешь коляску. Услышав мои слова, Стивен, направлявшийся к двери, обернулся и посмотрел мне в глаза:

— Меня заверили, что ты не пользуешься коляской, Аннабель. — Его голос прозвучал любезно. Приторно-любезно. — Может, мне лучше взять фаэтон или экипаж? — продолжал он все тем же неприятным тоном.

Вообще-то коляска принадлежала Джералду, и я никогда ею не пользовалась.

— Нет, уж лучше, пожалуй, возьми коляску, — бросила я.

Тетя Фанни опустила глаза, дядя Адам явно не понимал, какая кошка пробежала между нами. Я посмотрела на Джаспера, но его лицо было непроницаемым.

Лакей понес саквояж к коляске.

— Я провожу тебя, Стивен, — предложил Джаспер.

Тот кивнул. На краткий миг наши глаза встретились.

— Аннабель. — Стивен холодно поклонился мне и последовал за Джаспером.

Я старательно убеждала себя, что очень рада его отъезду.

***

Отец Джералда ввел в Уэстоне обычай приглашать на ежегодный августовский праздник слуг, крестьян, арендаторов, горожан, йоменов. Как и многие английские аристократы, напуганные французской революцией, граф учредил этот праздник для низшего сословия, желая показать всем, сколь разительно он сам отличается от надменных французских аристократов, головы которых безжалостно отсекала гильотина.

Так как Джайлз появился на свет двадцать третьего августа, мы с Джералдом последние четыре года совмещали этот праздник с днем рождения наследника.

В этом году я отменила традиционное торжество, однако не прошло и часа после отъезда Стивена, как мое решение изменилось.

Желая поделиться новостью с тетей Фанни, я направилась в гостиную. Нелл разыгрывала на пианино экзерсисы. Тетя Фанни писала письма. Херувимы одобрительно взирали с расписного потолка на эту мирную сцену.

Услышав о моем намерении, тетя Фанни ужаснулась:

— Еще не прошло и шести месяцев после смерти Джералда, Аннабель! — Она откинулась на спинку дивана, заламывая руки. То был признак сильного волнения. — Всех шокирует, если ты устроишь празднество.

Нелл убрала руки с клавиш и прислушалась к нашему разговору.

Собаки улеглись на своем излюбленном месте под инкрустированным шахматным столиком.

— Праздник в этом году будет только для арендаторов и слуг, тетя Фанни, — объяснила я. — Они ждут его весь год, для них это такая радость. Было бы жестоко обмануть их надежды.

— Нынче осенью никто ничего не ждет. Люди понимают, что тебе не до веселья, Аннабель.

Опустившись на высокий стул рядом с тетей Фанни, я положила руки на колени.

— Джайлз очень огорчен, что в этом году мы не собираемся отмечать его день рождения, — проговорила Нелл.

Я с удивлением взглянула на нее. Мне казалось странным, что сын до сих пор не проронил ни слова об этом знаменательном дне.

— Видимо, мальчик просто не хотел расстраивать тебя, Аннабель, — пояснила Нелл. — Джайлз хорошо понимает, почему отменен праздник, но он не был бы нормальным ребенком, если бы не огорчился.

— Видимо, так и есть, — сказала я, раздосадованная тем, что сын поделился своими чувствами с Нелл, а не со мной.

— Но ты не станешь созывать гостей отовсюду? — допытывалась тетя Фанни.

Джералд и его отец всегда собирали полный дом друзей.

— Нет, — ответила я, — будут только наши слуги и арендаторы.

— Дети арендаторов тоже огорчились, узнав, что день рождения Джайлза в этом году решили не праздновать, — вставила Нелл. — Аннабель права, мама. Они весь год мечтают об играх и катании на пони.

— А как быть с пастором? — осведомилась тетя Фанни.

— Пастора надо пригласить.

Она поджала губы:

— А со сквайром?

— И сэра Мэтью тоже, — промолвила я.

— Но ведь ты, должно быть, захочешь пригласить и всех своих друзей по охоте?

— Обещаю, никого, кроме сэра Мэтью, — заверила я ее.

Тетя Фанни немного успокоилась:

— Думаю, все обойдется, если будут только свои.

— Не беспокойся, мама, — проговорила Нелл, — и пойми: в Уэстоне и его окрестностях никто не только не скажет об Аннабель ничего дурного, но и не подумает.

Уловив горечь в тоне Нелл, я снова удивленно поглядела на нее. Тетя Фанни, очевидно,

не заметила этого.

— Дорогая Аннабель. — Она улыбнулась мне. — Нелл права. В Уэстоне все тебя любят.

— Очень приятно, что вы одобряете мое намерение, тетя Фанни.

— Моя дорогая девочка! — Она похлопала меня по руке. — Ты здесь полная хозяйка и не нуждаешься в моем разрешении, а интересуешься моим мнением только по доброте душевной.

— Я всегда дорожила вашим мнением, тетя Фанни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она радостно рассмеялась:

— Это не совсем так, вернее, совсем не так, дорогая. Ты слушаешь лишь Граймза и сэра Мэтью. А в детстве ты слушала еще Стивена.

Я хотела было возразить, но она замахала рукой:

— Поступай как знаешь, дорогая, обещаю, мы с Нелл тебе поможем.

Я взглянула на Нелл.

— Если хочешь, я организую детские игры, — сказала она.

— Спасибо, Нелл. — Я улыбнулась. В последние два года именно она устраивала игры и весьма преуспела в этом. Ей удавалось находить общий язык с детьми.

Глядя в чуть раскосые карие глаза Нелл, я подумала, что, вероятно, горечь в ее тоне мне только почудилась.

Джайлз пришел в восторг, узнав, что я решила отпраздновать его день рождения. Только увидев сияющие от радости глаза сына, я поняла, какое сильное разочарование он испытывал все это время.

— Праздник будет только для арендаторов и слуг, Джайлз, — сказала я, думая, что, возможно, не стоило ограничивать круг приглашенных.

— Хорошо, мама.

Мы были в комнате для игр. Джайлз оседлал свою любимую лошадку и принялся скакать вокруг меня, напевая:

— У нас будет день рождения! У нас будет день рождения!

— Мне и в голову не приходило, что он был так расстроен, — призналась я мисс Стедхэм.

— Он не хотел огорчать вас, леди Уэстон, — ответила она. — Видимо, считал, что вы в неподходящем для праздника настроении.

То же самое говорила и Нелл.

Посмотрев на мальчика, радостно гарцевавшего по комнате, я поняла, что в его реакции нет ничего удивительного.

Конечно, Джайлз горюет по отцу, но все же тот занимал не слишком большое место в жизни мальчика. Полгода Джералд проводил вдали от нас, в Лондоне, а возвращаясь домой, постоянно приглашал гостей к себе или навещал их. Я всегда полагала, что Джайлз особенно дорожил своим праздником, поскольку лишь в этот день отец уделял ему много внимания.

Джералд был таким же отцом, как и мужем: доброжелательным, снисходительным, неприхотливым и, в сущности, довольно равнодушным.

Я сказала скачущему всаднику:

— Думаю, мы могли бы прокатиться сегодня по долине и сообщить арендаторам о предстоящем празднике.

Всадник перестал гарцевать.

— Мы с тобой, мама?

— Да.

— А Джени не могла бы поехать с нами? Она почти не выходит из дому.

Взглянув на мисс Стедхэм, я заметила, как вспыхнули ее щеки.

— Это не так, Джайлз, — быстро проговорила она. — Каждый день я бываю в парке, мы вместе ходим на прогулки. Я даже удила рыбу с тобой и твоим дядей. — В ее глазах мелькнула тревога. — Твоя мама подумает, что я жаловалась тебе.

Я смотрела на эту красивую молодую женщину с чувством вины. Мисс Стедхэм поселилась в нашем доме за два месяца до смерти Джералда, и все это время мне, признаться, было не до нее.

Гувернантка, очевидно, опасалась, как бы я не подумала, будто она пытается манипулировать Джайлзом.

— Вы ездите верхом, мисс Стедхэм?

— Леди Уэстон, полагаю, совершенно ни к чему...

— Джайлз прав. Вам следует больше находиться на свежем воздухе. Если вы не умеете ездить верхом, мы возьмем фаэтон и вполне уместимся втроем на сиденье.

— Вообще-то, — тихо проговорила мисс Стедхэм, — я умею ездить на лошади.

— Вот и прекрасно! — Тут я сообразила, что у нее едва ли есть подходящая одежда для верховой езды. — Если вы не откажетесь воспользоваться одной из моих юбок, мы сможем покататься.

Румянец все еще не сошел с ее щек. Такая тонкая, словно прозрачная, кожа обычно бывает только у рыжеволосых женщин.

— Вы предлагаете мне свою одежду, леди Уэстон? — удивилась она.

— Вы же знаете, как выглядят мои юбки для верховой езды. — Я с усмешкой указала на свое ветхое одеяние. — Если вы согласитесь показаться в такой юбке, я с удовольствием одолжу ее вам.

Мисс Стедхэм улыбнулась.

— А есть ли у вас сапожки? — спросила я.

— Полусапожки.

— Отлично. Я велю горничной принести вам юбку. А ты, — обратилась я к сыну, — иди со мной. Мы встретимся с мисс Стедхэм в большой зале через двадцать минут.

Он подскочил ко мне, все еще изображая наездника. Спустившись вниз, я сказала ему:

— Мне очень приятно, что ты заботиться о мисс Стедхэм.

— Правда, мама?

— Конечно, она не должна сидеть все время в детской.

— Мне нравится Джени, мама, — признался мальчик. — С ней весело.

Именно это соображение побудило меня взять для него молодую гувернантку: я решительно не хотела, чтобы его воспитывала суровая, не ведающая, что такое игра, наставница. Тут мне вспомнились встревоженные глаза мисс Стедхэм.

«Бедная девушка, — подумала я. — Впредь мне следует уделять ей больше внимания».

Случись мисс Стедхэм потерять место гувернантки у меня в доме, ей не так-то легко будет найти себе новую работу. Красивая внешность помогает выйти замуж, но весьма осложняет поиски места гувернантки. Немногие дамы отважились бы взять мисс Стедхэм в свой дом из опасений, что мужа не останутся к ней равнодушны.

Вообще-то эту девушку уволили с последнего места работы, даже не выдав обычной в

таких случаях рекомендации. Ее голос дрожал, а лицо пылало, когда она рассказывала мне о том, как пьяный хозяин дома ломился к ней в спальню. Узнав об этом, его жена тотчас же указала мисс Стедхэм на дверь, Я наняла ее, уверенная, что она будет хорошей воспитательницей для Джайлза. И, конечно, надеялась при этом, что Джералд не станет распускать руки. Разумеется, мой муж всегда замечал хороших женщин, но не стал бы пользоваться преимуществом своего положения, приставая к беззащитной, хорошо воспитанной молодой женщине.

К тому же, почти никогда не покидая Уэстон, я могла за ним присмотреть.

— Заботиться о других очень хорошо, — сказала я, когда мы с сыном остановились перед круглым резным столиком, на котором стояла бесценная антикварная ваза.

— Ты счастливчик, Джайлз, — продолжала я. — Родился в знатной семье, а когда вырастешь, получишь большое состояние. Именно поэтому ты должен заботиться о других и помнить, что в твоей власти помочь им или причинить вред.

Джайлз задумался и молчал, пока мы не повернули к моим апартаментам.

— Я хочу быть таким же, как ты, мама, — наконец вымолвил он. — Все очень любят тебя за твою доброту. — Мы остановились перед дверью моего будуара. Сын доверчиво взглянул на меня и улыбнулся, — И еще потому, что ты такая красивая.

Я заглянула в его глаза — точную копию моих.

— Спасибо, милый. — Моя улыбка получилась натянутой, поскольку я знала, что это незаслуженный комплимент.

***

Почти целый день мы скакали по долине, созывая гостей на праздник. К четырем часам я слишком разгорячилась, устала и к тому же выпила чересчур много лимонада. И теперь жалела, что не разослала приглашения со слугами.

Жены и дети арендаторов встречали меня и Джайлза необычайно радушно. Собственно, поэтому я и решила сама навестить к ним.

Мы не посетили лишь ферму Уошберна. Я попросила мужа Сьюзен Фентон известить Джема о предстоящем празднике.

Сьюзен пригласила нас в дом и угостила очередной порцией лимонада.

Мисс Стедхэм оказалась превосходной наездницей, и мне было стыдно, что за все это время я ни разу не предложила ей покататься на лошади. Чтобы загладить свою вину, я сказала, что она может брать лошадь когда угодно, однако она отказалась.

— Предлагаю вам от всей души, мисс Стедхэм, — повторила я в конюшне. — У меня здесь праздно томятся пять чистокровок. Все они отчаянно нуждаются в выезде. Вы окажете мне услугу, если воспользуетесь ими.

Она улыбнулась и поблагодарила меня, но мне было ясно, что мисс Стедхэм не сядет ни на одну из моих лошадей, пока я не приглашу ее с собой на верховую прогулку.

«Вот черт! — размышляла я. — Почему она так робка? Неужели мне в довершение ко всем моим заботам надо думать о верховых прогулках мисс Стедхэм?»

И все же я сделала еще одну попытку уговорить ее:

— Тень, например, способна идти рысью много миль. Вы бы могли отправиться на ней на холмы Даунза.

Мое предложение явно показалось мисс Стедхэм соблазнительным. Ее глаза заблестели. Однако она лишь любезно улыбнулась, продолжая упорствовать.

— Может, Джени как-нибудь поедет с нами на Даунз, мама, — сказал Джайлз.

Я очень любила бывать наедине с сыном и не хотела делить это время с его гувернанткой. И тем не менее похвалила мальчика:

— Прекрасная мысль!

Джайлз просиял. Он добрый ребенок, всегда заботится о других, и я могу по праву гордиться им.

— Я провела чудесный день. Спасибо вам, леди Уэстон, — промолвила мисс Стедхэм.

Я кивнула и отослала ее и сына домой: Джайлзу пора было ужинать. Сама же осталась в конюшне, потолковала с Граймзом, а потом последовала за ними.

Идя по посыпанной гравием дорожке в тени буков, я нахмурилась. Слишком многие сегодня говорили о моей доброте, и меня мучили угрызения совести.

Джайлз добр.

Добр и Стивен.

А вот я не добра. Истинная доброта исходит от сердца. Моя же забота о людях продиктована чувством долга.

Графине легко казаться доброй. Что стоит устроить для всех праздник, послать лакея к зубному врачу, отпустить на субботу тоскующую по дому молодую служанку? Почему бы не предложить своих лошадей для прогулки, когда у тебя их целая конюшня? Делать людям приятное не трудно. Еще проще наслаждаться обеспеченной жизнью.

Выйдя из буковой рощи, я увидела южное крыло дома, окруженное парком и залитое золотистым послеполуденным солнцем. Серые камни, казалось, излучали тепло, в больших окнах пылал закат, но я почему-то вдруг вспомнила свой ужас при первом знакомстве с Уэстоном.

Да, этот дом с восьми лет был моим пристанищем. До моего слуха донесся плеск мраморного фонтана, утопающего в розах, и я, повернув голову, посмотрела на него.

В траве, слева от тропы, что-то ярко блеснуло. Шагнув туда, я нагнулась. Шестипенсовая монета! Подняв ее, я направилась к фонтану, закрыла глаза, задумала желание и бросила монету в воду.

Воздух был напоен ароматом роз. Я опустилась на одну из каменных скамей возле фонтана — мраморного бассейна с тремя статуями молодых греческих богов. Вода изливалась из рожков, приставленных к их губам.

Солнце пригревало мне спину, запах роз дурманил голову.

Глядя на мраморных богов, я размышляла о словах, как-то сказанных Джаспером за ужином: «Стивен нашел для себя дело, за которое стоит бороться».

Когда мы были детьми, Стивену постоянно приходилось что-то отстаивать. Но теперь он уже не беспомощный мальчик, а взрослый мужчина. Деньги матери обеспечат ему положение, о котором Стивен мечтал всю жизнь. Это поможет ему добиваться желанных перемен.

Если уж Стивен решит посвятить себя делу освобождения рабов на британских территориях, дни рабства сочтены. Граф Уэстон не подозревал, какими неожиданными последствиями чревата для его сына ссылка на Ямайку.

Внезапно я словно воочию увидела юного Стивена.

И вот мне снова одиннадцать лет. Стивена с позором выгоняют из школы и отправляют

домой.

Ему было уже двенадцать, когда его послали в Итон. Поздно, конечно, по тогдашним меркам, но Стивен вообще не хотел посещать школу, и отец оставил его дома, чтобы он составил мне компанию. Граф и моя мать вели светскую жизнь и не хотели обременять себя присмотром за ребенком (то есть за мной). Думаю, именно граф испытывал чувство вины, оставляя меня одну на долгие месяцы, поэтому и согласился, чтобы Стивен так долго жил в Уэстоне, получая уроки лишь от пастора.

Однако пришло время, когда медлить было уже нельзя, и Стивена все же отправили в Итон.

Довольно скоро пришло письмо от директора школы, просившего отца приехать. Поняв, что дело неладно, граф оставил полный дом гостей и помчался в Итон. Вернулся он оттуда мрачнее тучи.

Дорогая школа, предназначенная для избранных детей, по утверждению Стивена, была сущим адом. В Итоне жило около семисот учеников старших классов, в основном предоставленных самим себе. Поэтому там царила полная анархия: сильные, по словам Стивена, варварски измывались над слабыми, запуганными и униженными. Между тем их мучители процветали.

Стивен не мог этого выдержать. Плач забитых детей пробудил в нем ненависть к их обидчикам. Желая исправить положение, он решил что-нибудь предпринять.

Стивен подал официальную жалобу директору. Тот пришел в негодование от справедливых упреков ученика и послал за графом.

Отец сурово отчитал мальчика, а директор приказал выпороть его.

Однако Стивен и после этого вступался за слабых, вследствие чего получал взбучку от всех школьных задир.

Но физическая боль никогда не останавливала его. Не долго думая он написал на гербовой бумаге графа письмо премьер-министру и министру внутренних дел, предупреждая обоих, что обратится в газеты, если его жалобу не рассмотрят.

А ведь Стивену было тогда всего двенадцать!

Итон, понятно, поспешил избавиться от него, и за две недели до Рождества граф привез сына домой, в Уэстон.

Никогда не забуду, в каком виде он вошел в детскую. Под глазами — два синяка, прямой нос отек, губы распухли. Одно плечо — видимо, из-за боли — он держал выше другого.

Мое сердце подпрыгнуло от безудержной радости.

— Надеюсь, зубы-то у тебя целы? — спросила я.

Чуть отстранив Рэгса, он посмотрел на меня.

Несмотря на все пережитое, его глаза ярко блестели.

— Мне все равно, что говорит отец, — бросил с вызовом Стивен. — Я жалею только о том, что не заставил их выслушать себя.

Я сидела на старом голубом диване, простоявшем в детской лет пятьдесят.

— Ничего, когда-нибудь они вспомнят о твоих словах, Стивен.

Он сжал свои распухшие губы и в этот миг показался мне совсем взрослым.

— Когда-нибудь вспомнят, Аннабель. Непременно.

Я была убеждена в этом, потому что никогда не сомневалась в Стивене.

— Мне не хватало тебя, — призналась я. — Не с кем было даже поговорить.

Глубоко вздохнув, он сел рядом со мной.

— Я тоже скучал по тебе.

Он взял меня за руку. Суставы его пальцев тоже припухли: Стивен всегда давал сдачи.

Я сжала его руку, мы откинулись на спинку дивана, плечо к плечу, и он рассказал мне обо всем, что произошло в Итоне.

Я была счастлива. Наконец-то Стивен опять мой.

***

Голос садовника вернул меня к настоящему:

— Извините, миледи. Не хочется вас беспокоить, но миссис Нордлем велела нарезать роз для обеденного стола.

Я встала.

— Пожалуйста, Симон. Мне уже пора возвращаться.

Я медленно направилась к дому, убеждая себя, что не видеть Стивена за ужином для меня огромное облегчение.

У меня оставалось меньше недели, чтобы сделать все необходимые приготовления к празднику, и я взялась за работу с решимостью генерала, приступающего к серьезной кампании. Каждое утро Нелл, тетя Фанни и я собирались в моем кабинете, составляя списки всего необходимого. К середине дня мы расходились, чтобы заняться возложенными на нас обязанностями.

Погода стояла хорошая, и я молила Бога, чтобы она не испортилась. Еще ни один наш праздник не был омрачен дождем. Конечно, рано или поздно такое может случиться.

«Только бы не в этот год, Господи!» — просила я.

Разумеется, эту молитву я повторяла ежегодно.

Угощение для слуг всегда подавали в большой шатер на лужайке, тогда как наши гости ужинали в доме. В этом году, однако, я решила пригласить в дом всех.

— Но ведь нанесут столько грязи, Аннабель! — воспротивилась тетя Фанни, когда я предложила накрыть столы в длинной галерее, стеклянные двери которой выходили на восточную лужайку, где обычно и происходило праздничное гулянье.

— Я велю убрать ковры. Не забудьте, тетя Фанни: в этом году гостей будет меньше, чем обычно. Арендаторам очень польстит, если их примут в доме.

— И слугам проще накормить всех в одном месте, — поддержала меня Нелл. Я поблагодарила ее улыбкой.

— Никто из нас даже не заходит в галерею, тетя Фанни, — заметила я. — Хорошо, если она хоть на что-нибудь пригодится.

В конце концов тетя Фанни, как обычно, уступила «девочкам», и мы втроем отправились в галерею, чтобы наметить, где расставить столы.

— Смотрите, как все мило получается, — сказала я, когда мы остановились в центре длинной узкой комнаты, тянувшейся вдоль восточной части дома. — Двери выходят прямо на террасу и на лужайки. Ковры можно убрать, а пол нетрудно вымыть.

— Если поставить столы посередине, к ним смогут подходить с обеих сторон, — заметила Нелл.

— Здесь будет не так тесно, как в шатре, — добавила я.

— Вы правы, девочки, в галерее проще обслуживать гостей, — согласилась тетя Фанни. — Они смогут входить через эту дверь. — Она указала на стеклянную дверь в южном конце длинной застекленной стены.

— А выходить через другую. Так обойдется без сутолоки.

— Но надо оставить столько свободного места, чтобы гости могли рассмотреть картины, — сказала Нелл.

Внутренняя стена галереи была увешана портретами Грэндвиллов — нынешних хозяев и их предков.

— Думаете, кто-нибудь захочет взглянуть на семейные портреты? — усомнилась я.

— Обитатели Уэстона интересуются всем, что имеет отношение к Грэндвилам, — ответила Нелл. — Уверена, многие захотят взглянуть на фамильные портреты.

— И прежде всего на твой, дорогая Аннабель, — любезно вставила тетя Фанни. — Не понимаю, почему ты не оставила его в гостиной, где он висел раньше.

Я проследила за взглядом тети Фанни. Лоуренс написал этот портрет вскоре после

моего замужества, и Джералд велел повесить его на почетном месте в гостиной. Несколько месяцев назад я велела повесить его в галерее, рядом с портретом мужа, выполненным по окончании им Оксфорда.

— Мне не нравилось постоянно созерцать себя в гостиной, где играют в карты или пьют чай, — ответила я. — Портреты всех Грэндивиллов должны висеть в одном месте.

— Зато другим было очень приятно смотреть на тебя, Аннабель, — возразила Нелл, и я вновь уловила странную горечь в ее голосе.

На этот раз, видимо, и тетя Фанни это заметила и испытующе взглянула на дочь.

Нелл подошла к моему портрету и поправила его:

— А ты сообщила Стивену о предстоящем празднике, Аннабель? Ведь он опекун Джайлза, его отсутствие не останется незамеченным.

— Я послала записку в дом дяди Фрэнсиса, но опоздала: он и Стивен уже отправились в Лондон.

— Зачем ты поправляешь портрет? — спросила тетя Фанни. — Он висит совершенно ровно, а вот поворачиваться спиной к людям, с которыми разговариваешь, невежливо.

— Извини, мама. — Нелл посмотрела на меня. — А в Лондон ты не написала?

— Я не знаю, где они остановились.

— Но ведь слугам мистера Патнема это известно?

— Кажется, они остановились в доме одного из друзей.

Увидев на лужайке белку, собаки стали проситься наружу. Нелл открыла стеклянную дверь, и спаниели убежали.

— А ты не узнала адреса этого друга? — спросила она с явным нетерпением.

— По-моему, мне незачем посылать в Лондон слуг с заданием разыскать Стивена. Он знает, когда родился Джайлз, и если предпочтет провести этот день в Лондоне, значит, так тому и быть.

Воцарилась тишина. Я удивленно посмотрела на тетю Фанни, которая обычно не умолкала.

Она разглядывала узоры на ковре, чтобы не встречаться со мной глазами.

Я повернулась к Нелл. Та наблюдала за спаниелями, носившимися по лужайке.

— В чем дело? — резко спросила я.

— О Господи! — пробормотала тетя Фанни.

— Стивену наверняка сообщили о рождении племянника. Он, несомненно, запомнил тот день, когда перестал быть прямым наследником Джералда.

— Конечно, Стивена известили о рождении Джайлза, Аннабель. — сказала тетя Фанни, не глядя на меня. — Но он не знает точной даты.

— Почему? — изумилась я.

— О Господи! — повторила тетя Фанни и снова начала заламывать руки. — Такова была воля твоего мужа. Джайлз родился на пять недель раньше срока, и Джералд опасался, как бы Стивен не сделал поспешного и неверного вывода.

Похолодев, я пролепетала онемевшими губами:

— Какую же именно дату назвал Джералд Стивену?

— Боже! Ты сердишься, Аннабель?

У меня перехватило дыхание, сердце мое неистово колотилось, я вся дрожала, но вовсе не от гнева.

— По-моему, у меня есть повод сердиться.

— Джералд заботился только о твоей репутации и о душевном покое Стивена. — При свете солнца чуть раскосые темные глаза Нелл ярко блеснули. — Джералд полагал, что Стивен очень огорчится, решив, будто его брат соблазнил тебя, — без утайки призналась она. — Чтобы пощадить чувства Стивена, мы сделали все, о чем просил Джералд.

— Но ведь до свадьбы я не ложилась в постель с Джералдом.

— О Господи, Господи! — бормотала тетя Фанни. — Тебе не следует так говорить, Нелл. Это не подобает молодой девушке. — Она обратилась ко мне:

— Конечно, никому из нас и в голову не приходило ничего подобного, Аннабель.

Не обратив внимания на реплику матери, Нелл продолжала:

— Стивен знал, что Джералд много раз просил твоей руки, Аннабель. Не было для него тайной и то, что его брат пользуется невероятным успехом у женщин. Да, Джералд указал Стивену ложную дату, не желая вызывать у него подозрений.

Я сделала несколько глубоких вдохов. Сейчас мне хотелось удостовериться только в одном:

— И какую же дату назвал Джералд?

— Он сообщил Стивену, что Джайлз родился в начале октября, дорогая. — Тетя Фанни продолжала ломать руки.

До этой минуты у меня и в мыслях не было, что Стивен не знает точной даты!

Нелл пристально наблюдала за мной, и я старалась не выказывать своих чувств.

— Что ж, теперь это не имеет значения. — Я пожалала плечами. — До праздника еще несколько дней. Стивен, вероятно, успеет вернуться.

— Конечно, дорогая Аннабель, — заверила меня тетя Фанни. — Конечно, успеет.

Однако накануне этого дня в моем кабинете появился не Стивен, а Джек. Подойдя к письменному столу, за которым я составляла праздничное меню, он поцеловал меня и выразил удивление, почему его не пригласили на праздник.

— Мы только на прошлой неделе решили отметить день рождения Джайлза, — сказала я. — Я посылала одного из слуг в Лондон предупредить тебя, но он тебя не застал.

— Я был в Рудли, — объяснил Джек.

От удивления мои брови поползли вверх. Рудли, небольшое поместье в Хэмпшире, дед Джералда много лет назад купил для своего младшего сына, отца Джека. Когда-то, по словам Джека, оно было весьма недурным, но его отец после смерти жены привел все в запустение. Поэтому-то Джек и рос в Уэстоне вместе с кузенами, а не в собственном доме.

— Садись, Джек, — сказала я. — Не знала, что ты бываешь в Рудли.

Он развалился в удобном старом бархатном кресле перед моим столом.

— Я не был там с тех пор, как в прошлом году отец допился до смерти. А теперь подумал: пора поглядеть, что с нашим поместьем, и нельзя ли его спасти.

— Неужели твой отец и в самом деле допился до смерти?

Он невесело усмехнулся:

— Это одна из маленьких тайн, которые Грэндивилы скрывают от всех.

— Но ведь я не «все»! И к тому же вообще не из этой семьи.

Он пожал плечами:

— Вероятно, опасаясь увидеть неудовольствие на твоём очаровательном личике, от тебя утаили столь неприятные подробности.

Явно заметив мою досаду, он тем не менее ничего не добавил, а я, лишь тогда осознав свою бестактность, спросила:

— Дом действительно в плачевном состоянии?

— Да. — Джек нахмурился.

— Джералд как-то сказал мне, что в прежние времена Рудли было неплохим поместьем. Надеюсь, тебе удастся восстановить его.

— На это нужны деньги, но даже если бы мне удалось сделать дом пригодным для жилья, я не смогу поддерживать его в должном виде.

— А нет ли в Рудли участков земли, пригодных для сдачи в аренду? — спросила я, поскольку основной доход Уэстона составляет именно арендная плата, взимаемая с фермеров.

— Они были, — мрачно ответил Джек, — однако в прошлом году я продал их, чтобы выкупить дом, заложенный моим отцом.

— О!

— Увы, это так. Дом, сады и ферма, находящаяся при доме, выкуплены, но без арендной платы мне не по карману содержать их.

Поскольку Джек никогда не обсуждал со мной свои финансовые дела, мне хотелось дать ему полезный совет.

— Может, продашь Рудли и купишь что-нибудь поменьше?

По выражению его лица я сразу поняла, что сказала не то.

— В поместье, меньшем, чем Рудли, не подобает жить джентльмену, — возразил он.

Я хотела предложить Джеку почаще наезжать в Уэстон, но понимала, что это не утешит его. В нашем мире каждый джентльмен должен иметь собственное поместье. Это один из главных признаков респектабельности. Если Джека не будут называть «мистером Джоном Грэнвиллом, хозяином поместья Рудли», его зачислят в разряд бедных родственников.

«И вся семья отдает себе в этом отчет», — подумала я.

— С чего ты разволновалась, Аннабель? — спросил он. — Я вовсе не хотел обременять тебя своими проблемами.

— А Джералд знал, что ты мог выкупить дом, только продав все фермы?

Джек кивнул. Стало быть, мой муж не захотел помочь ему.

— А дядя Адам тоже осведомлен?

— Я обсуждал с ним свои дела. Он-то и посоветовал мне продать фермы, чтобы спасти дом.

— Боже! — огорчилась я. — Неужели ни один из них не предложил тебе свою помощь?

— Они оба порекомендовали мне одно и то же, — неохотно ответил Джек.

— Что именно?

— Жениться на богатой девушке.

— Что?!

Он рассмеялся:

— Жаль, что ты не видишь своего лица, Аннабель. На нем написано такое неодобрение.

— И ты намерен последовать этому совету?

— Не знаю. — Он стиснул зубы. — Единственная девушка, которую я любил, вышла замуж за другого. Если уж мне придется жениться не по любви, почему бы не подыскать богатую невесту?

Мои глаза уставились в меню.

— Возможно, ты сочтешь это романтическими бреднями, но я убеждена, что жениться и выходить замуж следует только по любви.

— Дорогая Аннабель, — задумчиво возразил Джек, — кому, как не тебе, понимать, что иногда приходится делать это по необходимости?

Не найдя, что ответить, я как замороженная смотрела в меню.

Молчание затянулось надолго. Наконец Джек сказал:

— Я слышал в конюшне, что Стивен вернулся.

— Да, — я прочистила горло, — но его нет дома. Он уехал к Фрэнсису Патнему.

— И как он выглядит?

— Сильно загорел. — Я подняла глаза.

— Вот как...

Голубые глаза Джека пронизательно смотрели на меня.

— Мне уже удалось закупить лошадей на этот год, — сказала я.

К счастью, Джек ухватился за эту тему:

— Ты уже пыталась их выезжать?

— Да, каталась на них по лесу. Крепкие лошади, но совершенно не обучены.

— Это понятно.

— Приближается сезон охоты на лис. На эгрмонтском конном заводе я купила большого гнедого жеребца. Думаю, он тебе очень понравится.

— Это предложение?!

— Скорее просьба. Ты знаешь, как я ценю твою помощь в период охотничьего сезона.

Охота на лис начинается поздним летом и заканчивается ранней осенью, когда впервые натаскивают молодых гончих. В это время в поле выходят только гончие, распорядитель и несколько его помощников. Я решила, что лучше всего именно в этот сезон приучить моих новых лошадей скакать по лесам в сопровождении гончих. На Джека в этом деле я могла положиться как на самое себя. Он прекрасно справлялся даже с очень возбудимыми чистокровками.

— Значит, я могу считать себя полноправным членом сассекского охотничьего клуба? — усмехнулся Джек.

— Конечно.

— Стивен согласился заплатить за меня взнос?

— Я сама это сделала.

— Какого черта, Аннабель! Я же не просил тебя об этом!

— Мне нужна твоя помощь, Джек, — повторила я. — Так что взнос за тебя относится к числу необходимых расходов.

Я спокойно взглянула на него, и через миг он расслабился.

— Ну, если ты считаешь, что деньги потрачены по назначению... — Его густые светлые брови поднялись.

— Скажи миссис Ходжес, чтобы тебя поселили в твоей комнате. — Мои глаза снова уткнулись в меню. — Мне надо срочно отдать меню повару.

— Да, мэм, — насмешливо проговорил он, вставая. — Кажется, Адам и Фанни тоже живут здесь?

— А еще Джаспер и Нелл.

Уголки его рта чуть скривились.

— Чудесно!

— Ужин в обычное время, — добавила я.

— Джайлз сейчас в детской? — осведомился он.

— Зачем он тебе? — удивилась я.

— У меня для него подарок ко дню рождения. Я привез его, не зная, что у вас будет праздник. Просто не хотел огорчать маленького чертенка.

Меня захлестнуло теплое чувство к Джеку. Так случалось всегда, когда кто-то проявлял заботу о Джайлзе.

— Спасибо тебе за доброту, Джек.

— Так он в детской?

— Сейчас, вероятно, нет, — сказала я. — Он с мисс Стедхэм отправился на озеро удить рыбу. Я еще не видела собак, значит, они не вернулись.

— А я-то удивлялся, куда делись собаки, всегда торчащие возле тебя, — съязвил он.

— Может, пойдешь к ним на озеро? — предложила я.

— Пожалуй.

Проводив взглядом широкоплечего Джека, я со вздохом вернулась к меню. ***

Вечером накануне дня рождения Джайлза Стивена все еще не было. К одиннадцати все члены семьи покинули гостиную, и я отправилась к себе в спальню и предупредила Марианну, что хочу выгулять собак. Я часто делаю это перед сном, поэтому горничная не удивилась.

Взошла полная луна, когда я в сопровождении собак направилась к холмам, слыша лишь плеск воды в фонтане.

Кругом тишина. Пахло августовскими розами. Под ногами у меня шуршал гравий. В саду раздавались трели соловья. Собаки вдруг бросились во тьму.

Выйдя на опушку леса, я не увидела их. Тропа поворачивала здесь под прямым углом на восток, образуя границу между парком и лесом, и вела к небольшой пустынной бухточке на берегу залива.

Прошло более пяти лет с той холодной январской ночи, когда Стивена застигли здесь таможенники. Он вел за собой трех лошадей, нагруженных контрабандным коньяком, вывезенным из Франции. Кто-то предупредил таможенников о прибытии корабля с контрабандой, и они устроили засаду. Контрабандисты, закоренелые преступники, сбежали, и вся полнота ответственности пала на восемнадцатилетнего Стивена.

Контрабандной торговлей в Сассексе занимались издавна, но, опасаясь нашествия Наполеона, правительство проявляло здесь повышенную бдительность. Поскольку страна находилась в состоянии войны, оно устроило настоящую охоту на контрабандистов, вывозивших во Францию золото, необходимое Наполеону, чтобы оплачивать услуги наемников. Не будь Стивен сыном графа, он, возможно, очутился бы на виселице.

В вечернем платье и нарядных туфлях мне не хотелось заходить в лес. Чтобы защититься от внезапно поднявшегося ветра, я обхватила себя руками и остановилась, поджидая собак. Полная луна вселяла в сердце тревогу, а легкое шуршание листвы почему-то усугубляло ее.

Душа моя замирала от страха.

Я медленно и глубоко вдохнула сырой ночной воздух и, казалось, ощутила на губах вкус соли. Когда в детстве я купалась в море, соль разъедала мои царапины. Сейчас, стоя с закрытыми глазами, я снова ощутила знакомый вкус моря.

Мне пятнадцать лет. Мы со Стивеном отправились к бухте со спаниелями.

Мерлину и Порции было восемь недель, когда сэр Мэтью подарил их мне. Я с десяти лет помогала ему обучать собак. С двенадцати я начала выезжать на охоту. Увидев двух

маленьких чернильно-черных спаниелей в доме своего приятеля, сэр Мэтью решил, что я очень привяжусь к ним.

За год до того умерла старая собака Стивена, и я подарила ему Порцию, а себе оставила Мерлина. За год с лишним щенки выросли, и в жаркую летнюю пору мы часто водили их в бухту. Собаки явно предпочитали прохладное море теплему озеру.

В тот жаркий августовский день я сняла туфли, подвернула подол цветастой юбки и стояла рядом со Стивеном по колено в воде, наблюдая, как он бросает палку собакам.

Освещенная солнцем, по морю медленно скользила яхта.

— Терпеть не могу, когда ты куда-нибудь уезжаешь, — сказала я.

Стивен провел месяц в Кенте у дяди Фрэнсиса Патнема и только что вернулся.

— Знаю. — Щурясь от яркого солнца, он наблюдал за черными мордами собак, издали похожих на поплавки. Бриз разметал его темные волосы. Лицо мальчика казалось озабоченным.

Окунув руку в прохладную воду, я намочила подвернутый подол юбки.

— Что думает дядя насчет Оксфорда?

— Он считает, что я должен поехать туда, — не глядя на меня ответил Стивен. — Говорит, что, если я в самом деле хочу стать реформатором, мне следует получить хорошую подготовку.

В двадцати ярдах от берега над водой парили две чайки.

— А ты и получил хорошую подготовку, — бросила я. — Пастор утверждает, что не видел никого способнее тебя.

— Пастор пристрастен, — усмехнулся Стивен. Я выбралась из воды, вся вымокшая, и, понурившись, побрела по берегу.

— Аннабель! — крикнул Стивен. — Подожди! Не желая, чтобы он видел мои слезы, я бросилась бежать. Ноги у меня были длинные, тело — крепкое, ибо я привыкла проводить в седле по восемь часов, и Стивен не сразу догнал меня.

— Аннабель! — Он схватил меня за плечо. Я не обернулась, но Стивен провел ладонью по моей влажной от слез щеке.

— О Боже! — воскликнул он каким-то странным незнакомым голосом. — Что же нам делать?

Я обернулась, подняла свое заплаканное лицо, и Стивен, нагнувшись, поцеловал меня в губы.

Мы долго не отрывались друг от друга, пораженные собственной смелостью. Потом его голубые глаза вопросительно посмотрели на меня.

— Стивен, — выдохнула я и положила руки ему на плечи. Его губы беззвучно произносили мое имя, и он снова склонился надо мной.

Я закрыла глаза, чувствуя, как его юное тело прижимается ко мне. Наши руки сплелись, а губы слились в яростном порыве.

Не знаю, что было бы дальше, если бы вернувшиеся спаниели не прервали наше головокружительное путешествие в мир взрослых страстей. Смущенно рассмеявшись, мы отпрянули друг от друга. Мокрый Мерлин прижался к моим голым лодыжкам.

Стивен взъерошил свои волосы, и улыбка сбежала с его лица.

— Почему мы такие юные? — с отчаянием воскликнул он.

Над нами кружились чайки. Я смотрела на Стивена и не знала, что сказать.

И сегодня ночью собаки, выбежавшие из леса, прервали мои воспоминания так же неожиданно, как много лет назад наш первый поцелуй.

Вновь подумав о своем неожиданном открытии, я сказала собакам:

— Он так и не узнал. Ничего не узнал.

Мерлин, особенно чутко улавливая перемены моего настроения, жалобно заскулил.

— Пошли, уже поздно, — сказала я собакам.

Проснувшись довольно рано в день рождения Джайлза, я увидела, что тучи, набежавшие за ночь с залива, заволокли все небо.

— К середине дня выглянет солнце, миледи. — Ходжес, встретивший меня в коридоре, постоянно делает метеорологические прогнозы. Сегодня я мечтала, чтобы его предсказание сбылось. Разумеется, я подготовила план и на случай ненастья, но все же опасалась, что оно помешает веселью.

Я поднялась в детскую, бывшую комнату Стивена, занимаемую теперь Джайлзом. Он еще лежал в постели, но уже проснулся. Увидев меня, сын вскочил и запрыгал на кровати, напевая: «Сегодня мой день рождения!»

Я рассмеялась:

— Тебе уже пять лет! Да ты растешь прямо на глазах, Джайлз!

— Нет, мама, нет! — Он бросился ко мне в объятия.

Я погладила его взъерошенные светлые волосы.

— Оденься, дорогой, а потом мы вместе спустимся к завтраку.

— А где мой подарок, мама?

— Подарок? — Я подняла брови. — Какой подарок?

— Мама!

— Возможно, если ты оденешься и спустишься к завтраку, то и найдешь свой подарок. — Подойдя к стулу, на котором горничная накануне повесила его одежду, я предложила помочь ему.

Утром я попросила всех членов семьи и мисс Стедхэм собраться в столовой к нашему приходу. И едва мы появились, как все хором закричали:

— С днем рождения! С днем рождения!

Джайлз сиял. Нелл и тетя Фанни расцеловали его, а мужчины пожали ему руку, что мальчику очень польстило. Стул Джайлза был завален подарками, и это привело моего сына в восторг. От меня он получил рыболовные снасти, от дяди Адама и тети Фанни — уздечку, от Нелл — деревянный свисток, от Джаспера — крикетную битку, от мисс Стедхэм — несколько необычных камней для коллекции, а от Джека — резную статуэтку чистокровки.

Его ликование воодушевило нас, и завтрак прошел весело и непринужденно. Однако в половине одиннадцатого Ходжес доложил о прибытии герцога и герцогини Сайе, и наше праздничное настроение улетучилось.

Когда в столовую вошли моя мать и ее муж, воцарилось тягостное молчание. Эта супружеская чета производила странное впечатление. Герцог был на десять лет старше мамы, но сохранил величественную осанку. Шевелюра его поседела, а брови остались черными. Как и моя мать, он отличался поразительным высокомерием. Они казались идеальной парой.

— Тебе не следовало устраивать праздник, — заявила моя мать, — ведь не прошло еще и шести месяцев со дня смерти Джералда.

Джайлз встревоженно взглянул на меня.

— Праздник начнется через два часа, я не могу и не хочу его отменять, — ответила я.

— И как только это пришло тебе в голову? — воскликнула она. — Мы были в гостях у Эштонов, когда слышали о празднике. Все шокированы.

— Помилуйте, Регина, — добродушно проговорил Адам, — каким образом известие об этом так быстро и так далеко распространилось? Аннабель всего неделю назад решила устроить праздник.

— Кажется, семья какого-то эштонского фермера связана родственными узами с семьей уэстонского фермера, — презрительно бросила мать.

— Верно, — вспомнила я. — Элис, сестра Боба Фентона, замужем за эштонским фермером.

— Меня мало интересуют брачные узы фермеров, Аннабель, но мне не безразлична твоя репутация. Ты должна отменить праздник, — потребовала мать.

Я холодно улыбнулась.

— Праздник состоится.

В наступившей тишине раздался тихий голос Джека:

— Молодец, Аннабель!

Джайлз сунул ручонку в мою ладонь и я крепко сжала ее.

— Какой позор! — воскликнул герцог.

— Вы приехали к нам погостить? — спросила я супружескую чету. — Может, позавтракаете с нами? Или вы спешите поскорее покинуть этот презренный дом?

— Не стоит злословить, Аннабель, — заметила мать. — Конечно, мы останемся. Надеюсь, наше присутствие предотвратит скандал.

— Несомненно, Регина. — Адам едва сдержал улыбку.

— Я велела Ходжесу отнести наши вещи в красные апартаменты, — продолжала мать. — Мы с семи утра в дороге и хотим выпить чай в своих апартаментах.

Красные апартаменты, самые роскошные во всем Уэстоне, некогда даже почтила своим посещением одна королевская особа. Мама аннексировала их, когда мое замужество вынудило ее покинуть апартаменты графа.

— Праздник начнется в полдень, — сказала я. Герцог недовольно поморщился. Никто из нас не проронил больше ни слова, пока гости не удалились.

— Никогда не встречала более неприятного человека, чем герцог, — промолвила Нелл.

— Однажды я слышал, как папа назвал его старым пердуном, — сказал Джайлз.

Мы все покатались со смеху, а мой сын захлопал в ладоши, радуясь, что развеселил нас.

— О Господи! — вытирая выступившие от смеха слезы, проговорила тетя Фанни. — Нам не следовало поощрять Джайлза.

— Но ведь это сказал не я, а папа, — тотчас возразил мальчик.

— А вот и солнце вышло! — воскликнула Нелл. — Слава Богу!

— Небо на юге совсем голубое, — заметила я, выглянув в окно.

— Это бабушка привезла с собой солнце, — сказал мой сын.

Да, на всем белом свете нет ребенка милее! Я обняла его и прижала к себе.

— Что нам делать? — с отчаянием спросила я тетю Фанни. — Ведь у нас не будет гостей, достойных составить им компанию.

— Они могут побеседовать с сэром Мэтью, — ехидно предложил Джек.

Я метнула на него раздраженный взгляд. Моя мать и сэр Мэтью ненавидели друг друга, и Джек это знал.

— А вот я не понимаю, — вмешался Джаспер, — почему ты считаешь, что моя мать должна развлекать эту чету, Аннабель. В конце концов герцогиня Сайе не чужая в Уэстоне.

— Верно, — поддержал его Джек. Они обменялись понимающими взглядами.

— Джаспер прав, — заметил Адам. — Поскольку все дамы в нашем доме будут заняты, пусть сама позаботится о себе и своем муже.

— Она никого не обидит, Аннабель, — вставила Нелл. — Арендаторы слишком хорошо ее знают, поэтому не воспринимают всерьез. Я вздохнула:

— Это так. Нелл поднялась:

— Мне надо взглянуть, все ли в порядке с детскими играми.

— А я должна проверить, как идут дела на кухне. — Поскольку на праздник были приглашены и слуги, и арендаторы, я наняла людей со стороны, чтобы обитатели дома спокойно отдохнули в этот день.

— Я с удовольствием помогу вам, — промолвила мисс Стедхэм.

— Вероятно, тебе, Нелл, понадобится помощь в подготовке игр для детей? — спросила я.

— Несомненно. Пойдемте со мной, мисс Стедхэм.

— И я с вами. — Джайлз подбежал к Нелл, и все трое вышли из комнаты.

— Взгляну, как устанавливают шатры, — сказал дядя Адам, последовав за ними.

— А я проверю, как идут приготовления в галерее, — сказала тетя Фанни.

— Пожалуй, позабочусь о том, чтобы на озере было больше лодок, — проговорил Джаспер. — Силы небесные! — вдруг воскликнул он. — Если бы конными гвардейцами командовала ты, Аннабель, а не Веллингтон, Наполеон давно уже потерпел бы поражение. Займи чем-нибудь и Джека.

— Сходи в конюшню, Джек, и проверь, готов ли экипаж, — сказала я. Каждый год мы объезжали вокруг поместья в большой черной карете с гербом на дверце, что всегда восхищало местных жителей.

Оставшись скоро одна в столовой, я оглядела подарки, разложенные на стуле Джайлза.

«Пятый день рождения, — пронеслось у меня в уме, — а отца уже нет в живых!»

Меня захлестнуло одиночество, и я закрыла лицо руками. «Боже милостивый! — с отчаянием подумала я. — Неужели это никогда не кончится?»

— Вы уже позавтракали, миледи? — донесся от дверей голос Ходжеса. Я опустила руки:

— Да, Ходжес, можно убирать посуду.

Я отправилась на кухню проверить, как идут приготовления к праздничной трапезе.

В три часа пополудни праздник был уже в полном разгаре. Предсказание Ходжеса сбылось: солнце ярко осветило два больших голубых шатра, разбитых на северной лужайке на случай дождя. На поляне гости играли в крикет, а в парке состязались в стрельбе из луков.

Как и предполагала Нелл, портреты, висящие в галерее, привлекли всеобщее внимание, что весьма удивило меня. Однако все члены семьи отметили, что моя мать весьма огорчилась, не обнаружив здесь своего портрета. По ее просьбе, бедной тете Фанни пришлось водить гостей в столовую и показывать им портреты герцога и герцогини Сайе.

К услугам гостей были пять лодок на озере и карета. Последняя пользовалась таким успехом, что Граймзу даже пришлось сменить лошадей. На двух пони Джайлза и на моей старой охотничьей лошади ребяташки с восторгом катались по подъездной аллее.

Предоставив наблюдать за всеми этими развлечениями помощникам, я приступила к своей главной обязанности — беседе с гостями.

В пять часов, когда на террасе перед галереей собрались музыканты, туда начали стекаться любители музыки. Этот благоприятный момент позволял мне немного отдохнуть.

В большом зале я встретила Нелл, очевидно стремившуюся к тому же.

— Ты великолепно справились со своим делом, Нелл. Получив призы или подарки, дети сияют от счастья. Ты, наверное, очень устала?

— Немного, и мне хотелось бы чуть-чуть отдохнуть.

— Ты успела перекусить? — спросила я, но тут кто-то застучал молотком в парадную дверь. Поскольку поблизости не было слуг, я открыла дверь сама и увидела сына.

— Мама! — вскричал он. — Угадай, кого я встретил на подъездной дороге.

Мои пальцы судорожно стиснули дверную ручку.

— Приехал дядя Стивен! — возгласил он с ликованием.

Сердце у меня замерло.

— Приехал Стивен? Как хорошо! — обрадовалась Нелл.

Сияющие глаза Джайлза внимательно смотрели на меня.

— Какой приятный сюрприз! — проговорила я упавшим голосом.

Нелл вгляделась в подъездную дорогу:

— Что-то его не видно, Джайлз.

— Дядя поехал прямо в конюшню. — Мальчик улыбнулся и протянул руку. — А вот и он. И тут мы увидели его.

— Дядя Стивен! — закричал Джайлз так громко, что его, вероятно, было слышно во всей округе. — Мы здесь!

Стивен направлялся к боковой двери, но взглянув на Джайлза, пошел к нам.

— Поскольку на подъездной аллее дети катаются на пони, мне пришлось свернуть к конюшне, — объяснил он, входя в холл. Стивен был без шляпы и его нос слегка обгорел. — Совсем запамятовал, что в августе у нас праздник.

— Аннабель послала слугу к мистеру Патнему, Стивен, но оказалось, что вы оба в Лондоне, — промолвила Нелл.

Закрыв дверь, я с трудом разжала пальцы и отпустила ручку.

— Сегодня не только обычный августовский праздник, дядя Стивен, но и мой день рождения! Он удивленно взглянул на моего сына:

— Твой день рождения, Джайлз?

— А ты не знал?

— Я думал, ты родился в октябре. — Стивен нахмурился.

— А почему ты так думал? — спросил Джайлз.

— Это объяснит тебе Нелл, — сказала я. Кузина потупилась.

— Расскажи ему, Нелл, — потребовала я, положив руки на плечи сына.

— Да, расскажи нам, Нелл. — Напряженный голос Стивена прерывался.

— Так решил Джералд, — неохотно проговорила она, — потому что... — Нелл встревоженно посмотрела на Джайлза.

— Продолжай! — не унималась я.

— Джералд опасался, как бы ты не сделал не правильных выводов, Стивен.

Воцарилось молчание. Джайлз переминался с ноги на ногу.

— Каких же именно? — спросил Стивен, едва сдерживая гнев.

Нелл снова бросила взгляд на Джайлза:

— Стивен, ты же знаешь репутацию Джералда. А вдруг тебе пришло бы в голову, будто он... не проявил... должного уважения к Аннабель?

Стивен выслушал ее насупившись. Сейчас в его лице не было и намека на свойственное

ему милое мальчишеское выражение.

— Ты находился очень далеко от дома, и Джералд не хотел тебя огорчать. — Нелл робко коснулась руки Стивена. — Вот и все.

Я стиснула плечи сына, безмолвно прося его не вступать в разговор. Глаза мои неотрывно следили за Стивеном. Догадавшись обо всем, он вздрогнул, как от удара, и пристально посмотрел на меня. Атмосфера напоминала предгрозовую. Я не сразу решилась встретиться взглядом с отцом моего ребенка.

— Мне казалось, что ты знаешь, когда родился Джайлз. Лишь несколько дней назад я узнала, что это не так.

Лицо Стивена побледнело. На его виске билась жилка.

— Не огорчайся, что у тебя нет для меня подарка, дядя Стивен, — сказал Джайлз. — Ты ведь и вправду не знал, что мой день рождения сегодня.

Стивен устремил взгляд на своего сына.

— Прости, Джайлз, — глухо пробормотал он.

— Ты плохо себя чувствуешь, Стивен? — встревожилась Нелл. — Наверное, ехал весь день без шляпы, и тебе напекло голову?

— В галерее есть лимонад, — поспешил на выручку Джайлз. — Мы весь день пьем его. Очень вкусный.

— Стивен? — повторила моя кузина.

— Все в порядке, Нелл, — нетерпеливо отозвался Стивен, не отрывая глаз от мальчика, который истолковал это как желание дяди поговорить с ним.

— А мне подарили новую удочку и еще... — начал он.

Я не одернула его, надеясь, что его болтовня отвлечет внимание Нелл от Стивена.

Ходжес, не бравший выходной в день праздника, торжественно вошел в холл:

— Вас хотели бы видеть на террасе, миледи.

— Спасибо, сейчас буду.

— Боже! — воскликнула Нелл. — Неужели уже пришло время благодарить тебя?

Каждый раз в конце праздника арендаторы преподносили мне огромный букет цветов.

— Вероятно, да, — сказала я. — Нелл, позаботься, пожалуйста, о Стивене. Он, должно быть, проголодался с дороги.

— Я не хочу есть, — отозвался Стивен. Нелл взяла его под локоть и слегка подтолкнула к библиотеке.

— Ты все еще очень бледен. Посиди здесь, а я принесу тебе что-нибудь.

Предоставив Стивена заботам Нелл, я удалилась на террасу, где ко мне обратился с галантным приветствием Эдмунд Беррес, старший из наших арендаторов.

***

К восьми часам оркестр смолк. Спустились сумерки, и гости начали расходиться. Не желая встречаться с мамой в гостиной, я отправилась с собаками на озеро.

Там было пустынно. Кто-то втащил лодки на берег и перевернул их вверх дном. Летом мы обычно спускаем на воду лишь одну лодку, другие же остаются в павильоне.

Сев на ступенях павильона, я наблюдала за собаками. Они резвились возле меня, радуясь свободе. Обхватив руками колени, я слушала тихий плеск воды.

Перед моим мысленным взором предстало ошеломленное лицо Стивена.

Да, он ничего не знал! Как же Стивен поступит теперь?

Ко мне подбежала Порция и потерлась о мои ноги.

Обе собаки были мокрые. Слава Богу, что мама не видит их сейчас.

Услышав приближающиеся голоса, Порция и Мерлин бросились встречать идущих по тропинке людей. Я поднялась и дрожащими пальцами оправила юбку, увидев Стивена, Нелл и Джаспера.

— Вы тоже прячетесь от моей мамы? — пошутила я.

Нелл покачала головой:

— Нет, к твоей матери мы уже притерпелись, Аннабель. А вот присутствие герцога трудно вынести.

— Жаль, что тебя не было за завтраком, Стивен, — усмехнулся Джаспер, — Джайлз сказал нам, что Джералд как-то назвал герцога старым пердуном.

Стивен ненатурально улыбнулся. Поймав себя на том, что смотрю на его губы, я тут же перевела взгляд на Джаспера, который провел весь день на озере, наблюдая за гостями.

— Ты потратил усилия не зря, — сказала я ему, — за весь день, слава Богу, никто не свалился в воду.

— Всем, кто садился в лодку, я строгим офицерским тоном давал точные инструкции, — ответил Джаспер. — Под моим недреманным оком даже самые резвые юнцы сидели смирно.

— Ты провел здесь весь день, Джаспер? — спросил Стивен.

— Нет, меня подменял Джек.

— В праздники я всегда боюсь, как бы кто-нибудь не утонул. — Теперь мне пришлось признаться в этом.

Мерлин отряхнулся, обдавая нас брызгами. Нелл, вскрикнув, отскочила.

Всецело поглощенная Стивеном, я не слышала, о чем еще они говорили. Мне было не обязательно даже смотреть на этого человека, чтобы ощущать его присутствие.

— А я-то ломал голову, куда вы все исчезли, — сказал подошедший к нам Адам.

— Боже, да мы же бросили бедную тетю Фанни на растерзание маме и герцогу, — воскликнула я.

— К. счастью, с ними в основном общался пастор, но час назад он ушел. Я убежден, что его причислят к лику святых. — Адам молитвенно сложил руки.

Мы все рассмеялись.

— Мисс Стедхэм просила передать тебе, Аннабель, что Джайлз неважно себя чувствует и хочет видеть тебя, — сказал Адам.

Я заметила, как напрягся Стивен.

— Наверное, он объелся лакомствами и перевозбудился. Я ему что-нибудь почитаю, это обычно помогает ему заснуть.

— Он весь день носился взапуски с Джорджи Миллером, и каждый раз, когда я их видела, они что-нибудь жевали, — сообщила Нелл.

Мы с Адамом направились к дому. Джаспер, Нелл и Стивен последовали за нами.

Вглядываясь во тьму, я размышляла, удастся ли Стивену остаться со мной наедине.

Около десяти я заглянула в гостиную и увидела, что моя мать, герцог, тетя Фанни и дядя Адам пьют чай. Мне хотелось пожелать им спокойной ночи, но тетя Фанни посмотрела на меня с такой мольбой, что я приняла чашку чая, протянутую мне мамой.

— Как Джайлз? — спросила тетя Фанни.

— Спит, — ответила я. — Он был перевозбужден.

— Напрасно ты позволяешь ему якшаться с детьми арендаторов, Аннабель. — Герцог, даже сидя, смотрел на меня сверху вниз. Удивительно, как это удается ему?

— Ребенок должен играть с другими детьми, — возразила я.

Герцог высокомерно вздернул брови:

— Джайлз прежде всего граф Уэстон, потом уже ребенок. И ему следует внушать, что нельзя забывать об этом.

— Сайе дает тебе дельный совет, Аннабель, — проговорила моя мать.

— Ты всегда держалась на равных с чернью. Надеюсь, ты не будешь воспитывать в том же духе сына Джералда? Твой покойный муж никогда не снисходил до подобного общения с фермерами.

— Джералд играл с братом и кузенами, — возразила я, — Джайлз лишен столь счастливой возможности.

Мы с матерью обменялись пристальными взглядами.

— День прошел чудесно, Аннабель, — смущенно проговорила тетя Фанни.

— Да, — поддержал жену дядя Адам, — благодаря тебе, Аннабель, люди от души повеселились. Ты поступила правильно, устроив этот праздник.

Милые Фанни и Адам! Я улыбнулась им:

— Кажется, праздник и в самом деле удался на славу.

— И зачем только ты пустила весь этот сброд к себе в дом? — ворчала мама. — Я боялась, как бы они чего-нибудь не сломали. Даже украсть могли!

— Передай мне, пожалуйста, еще кусочек пирога, Регина, — попросил Адам.

Дождавшись, пока мать отрезала ему пирог, я сказала:

— Кроме портретов, в галерее нечего взять.

Я приказала все оттуда вынести не потому, что боялась воровства. Мне хорошо известно, как трудно родителям удержать в узде маленьких детей, которым хочется все потрогать. Меня пугала не разбитая ваза, а ужас родителей виновника происшествия.

Тетя Фанни попыталась перевести разговор:

— Видели бы вы, какой интерес проявили гости к портретам. Люди весь день толпились возле них.

— Эти люди заходили в столовую, Фанни, поглазеть на фамильное уэстонское серебро, стоящее в буфете, — возразила мать.

— Я и не предполагала, что кто-то зайдет в столовую. — Мне удалось разыграть изумление. — С чего бы это, а?

— Они желали посмотреть все семейные портреты, в том числе и мой портрет. Я разрешила Фанни впустить их в столовую, — с царственным видом произнесла мать.

Отведав лимонный пирог, Адам подмигнул мне, и я едва сдержала улыбку.

— Из-за этого герцогине и мне пришлось остаться в столовой, — заметил герцог. —

Следовало присмотреть за фамильным серебром.

Поняв, что эта достойная чета весь день провела в столовой, карауля серебро, я прикрыла рот рукой и сделала вид, будто поперхнулась.

— Компанию нам составил мистер Дэвис, — сказала мама. — Он, видимо, человек ученый, но собеседник, признаться, скучноватый.

Я поняла, что мне придется сделать пожертвование на храм. Подумать только, что пришлось вынести нашему бедному пастору!

Между тем тетя Фанни уже едва сдерживала зевоту.

— Пойдем, дорогая, — сказал Адам. — Ты очень устала, и тебе пора отдохнуть.

— Это так. — Тетя Фанни поднялась.

— И мне тоже пора на покой, — объявила мама. — Ты пойдешь со мной, Сайе, или тебе заказать вина?

У герцога был утомленный вид.

— Я поднимусь с тобой, Регина, — проговорил он. — День был очень долгий. — Его тон не оставлял никаких сомнений в том, что вместо слова «долгий» ему хотелось сказать «ужасный».

— Спокойной ночи. — Я поклонилась всем.

Мать поджала губы и холодно кивнула мне.

Я догадывалась о причине ее холодности. Маме очень хотелось выдать меня замуж за Джералда, однако ей было не по душе освобождать хозяйские апартаменты. Всякий раз, поднимаясь по лестнице, она испытывала досаду и обиду на меня.

Проходя мимо библиотеки, я услышала смех и приоткрыла дверь. Там сидели Стивен, Джаспер и Джек. На столе стояли бутылки вина. Джаспер, расположившийся в большом удобном кресле, увидел меня и поднялся:

— А вот и наша щедрая хозяйка. — Он поднял полупустой бокал. — За здоровье Аннабель, самой красивой леди во всей Англии!

Джаспер слегка запинаясь, и я поняла, что он осушил уже не один бокал.

Светловолосый Джек посмотрел на меня:

— За здоровье Аннабель!

Поднял свой бокал и Стивен, но смотрел он в сторону.

— Предлагаю выпить также за здоровье Нелл, — сказал он, — самой доброй девушки во всей Англии.

Тут только я заметила кузину.

— Спасибо, Стивен, — тихо сказала она.

— За Нелл! — подхватил ее брат, так широко взмахнув рукой, что едва не выплеснул вино.

— За Нелл! — воскликнул Джек.

Мужчины осушили бокалы, а я постаралась подавить охватившую меня ревность. Мне не понравилось, что Стивен назвал Нелл «самой доброй».

Я медленно подошла к Джеку, сидевшему напротив Стивена:

— Эти жадные мужчины не хотят угостить тебя вином, Нелл?

— Я отказалась от вина, — ответила она.

Нелл, сидевшая в глубоком кресле, напоминала разрезом глаз дикого зверька.

Перехватив неприязненный взгляд Стивена, я попросила Джаспера налить мне вина:

— Мне надо выпить, ибо я целых полчаса провела в обществе мамы и герцога. — И

быстро обведя взглядом всех присутствующих, добавила:

— Как вам не совестно! Вы покинули бедных тетю Фанни и дядю Адама.

Джаспер, наполнив бокал, предложил мне занять его место. Налив вина и себе, он спросил:

— Джек? Стивен?

Джек протянул свой бокал.

— Не надо. Спасибо, Джаспер, — отказался Стивен.

Он сидел совсем близко ко мне. С вызовом взглянув на него, я выпила полбокала и почувствовала, как приятное тепло разливается по моему телу.

— Аннабель! — Джаспер схватил меня за руку. — Нехорошо пить вино залпом.

Я заглянула в его серые, более обыкновенного блестящие глаза. От него сильно пахло портвейном.

— Боюсь, ты выпил слишком много, Джаспер, — дружелюбно заметила я.

Он сильнее стиснул мою кисть, его голова качнулась ко мне.

— Лучше отпусти Аннабель, пока не упал ей на колени, — рассудительно проговорила Нелл. Джаспер отпустил мою руку и выпрямился.

— Я трезв, — сказал он медленно и внятно.

— Если и нетрезв, то самую малость, старина, — утешил его Джек.

Джаспер старался не покачиваться.

— Только самую малость, — согласился он. Обведя взглядом друзей моего детства, я ощутила внезапный прилив любви к ним:

— Много времени утекло с тех пор, как мы в последний раз сидели все вместе. Во мне проснулись очень светлые воспоминания.

Они удивленно поглядели на меня.

— Мы уже не дети, Аннабель, — заметила Нелл, — и каждый из нас сильно изменился.

Ее тон вызвал у меня раздражение. «Уж мне-то это лучше известно»,

— подумала я. Странно, почему Нелл в последнее время явно недолюбливает меня?

Джек встал, допил вино и сказал:

— Я иду спать.

— И мне не стоит засиживаться, не то я усну в этом кресле. — Нелл тоже поднялась, зевнула и запоздало прикрыла свой розовый рот. Маленькая, с всклокоченными волосами, она более чем когда-либо походила на зверька.

Стивен ласково взял ее за руку:

— Я провожу тебя до твоей комнаты, Нелл.

Она сонно улыбнулась:

— Спасибо, Стивен.

— Полагаю, Джасперу не обойтись без твоей помощи, — сказала я Джеку.

Он забрал у Джаспера полупустой бокал.

— Пойдем, старина. Тебе пора спать.

— Не хочу, — отрезал Джаспер.

— Поздно, — уговаривал его Джек. — Аннабель устала.

— Мне так хорошо, Джек, а утром, боюсь, будет скверно, — печально ответил Джаспер.

— Ты прав, мой друг. Совершенно прав, — усмехнулся Джек.

— Вы все сегодня хорошо потрудились, — сказала я. — Не знаю, как благодарить вас за помощь.

— Дорогая Аннабель, мы готовы сделать для тебя все, что в наших силах, — весело сказал Джек и подтолкнул Джаспера к двери.

— Да. — Джаспер кивнул. — Мы готовы на все ради тебя, Аннабель.

— Спасибо вам.

— Спокойной ночи, — сказал Стивен, даже не поглядев в мою сторону.

Все ушли, а я сидела в библиотеке, размышляя, идти ли мне к себе. Стивен наверняка скоро вернется, но вот хочу ли я разговаривать с ним сегодня?

Так ни на что и не решившись, я рассеянно уставилась на свои руки. Пальцы, казалось, расплывались, я протерла глаза и тут только поняла, что портвейн ударил мне в голову.

Рано или поздно придется встретиться наедине со Стивеном. Не лучше ли покончить с этим сегодня, когда вино приободрило меня? Облокотившись на стол, я закрыла глаза.

Минут через двадцать открылась дверь. Я подняла голову. Встретив пылающий взгляд Стивена, я тотчас протрезвела.

— Как ты могла так поступить со мной? — В его голосе прозвучала такая неистовая ярость, что мне показалось, будто меня ударили. Открыв рот, я так и не нашла, что ответить.

Он шагнул ко мне:

— Джайлз — мой сын, да?

Я замерла, как кролик перед удавом. Слова застряли у меня в горле.

Опершись руками о стол, он склонился надо мной:

— Да, Аннабель?

Сколько раз я проигрывала в уме эту сцену. Заготавливала горькие язвительные слова, которые брошу ему при встрече. Но теперь, под обжигающим взглядом голубых глаз, я не могла вспомнить ни одного из них.

— Д-да, Джайлз — твой сын. — Мой голос срывался.

Он вздрогнул и отпрянул от меня.

— Господи Иисусе! — Стивен всплеснул руками, потом запустил пальцы в волосы таким знакомым мне жестом, что сердце мое сжалось от боли. — Господи Иисусе!

Треугольник вокруг его рта побелел — дурной признак!

— Но почему?

У меня перехватило дыхание. Вот уж не ожидала, что наша встреча обернется именно так.

— Ты же слышал: я не подозревала о том, что Джералд ввел тебя в заблуждение. Мне и в голову не приходило такое. Не получая от тебя писем, я решила, что тебе нет до нас никакого дела.

— Я совсем не об этом. — Стивен отчетливо произносил каждое слово:

— Почему... ты... вышла... замуж... за... Джералда?

Я стиснула пальцы:

— В моем положении, Стивен, выходят замуж хоть за кого угодно, а Джералд был под рукой. — Я уже не скрывала горечи. — Ты же находился в это время на Ямайке.

Его взгляд, казалось, заглянул в самую глубь моей души.

— А разве до моего отъезда ты не знала, что у тебя будет ребенок?

— Нет, не знала.

Стивен подошел к окну и, стоя спиной ко мне, вглядывался во тьму. Свой сюртук он оставил наверху, и сейчас я видела, как напряглись его плечи под тонкой сорочкой. До чего же широкими они стали за эти пять лет!

— А что же ты сказала Джералду? — спросил он, не оборачиваясь.

— Он думал, что Джайлз — его сын, — твердо ответила я.

Тут он обернулся. От резкого движения волосы упали ему на лоб. Сквозь расстегнутый ворот сорочки виднелась загорелая шея. Чтобы скрыть охватившее меня желание, я потупила взгляд.

— Но ведь Джералд был не дурак, — заметил Стивен, — неужели он не понял, что ты не девственница?

— Я объяснила это тем, что езжу верхом в мужском седле. — Я задержала взгляд на нефритовом пресс-папье, стоявшем на бухгалтерской книге. — И убедила его, что никогда не спала с мужчинами.

— Боже! — выдохнул Стивен. Мы оба слишком хорошо знали, когда я лишилась невинности.

— Ты сказала ему, что ребенок родился преждевременно?

— Да.

— И он поверил тебе?

— Я всегда думала, что поверил.

Стивен вернулся к столу. Взяв гладкое пресс-папье, я откинулась на спинку стула.

Стивен расположился в том самом кресле, где сидела Нелл, и мы пристально смотрели друг на друга.

— «Всегда думала», — повторил он. — А что ты думаешь сейчас?

— Я была потрясена, узнав, что Джералд скрыл от тебя точную дату рождения Джайлза. Теперь его лицо было искажено не гневом, а болью.

— Когда мне сообщили, что ты вышла замуж за Джералда, я не мог поверить в это, поскольку не подозревал об истинной причине.

— У тебя были основания догадываться, — заметила я.

— Но ведь наша близость продолжалась целый год. Мне и в голову не пришло...

— Для меня тоже это стало неожиданным открытием.

Почему-то у меня бывали необычайно обильные месячные. Мать сказала, что то же самое и у нее. Она считала, что из-за этого не забеременела вторично. Я боялась остаться бездетной, но потом поняла, что моя физиологическая особенность почти на целый год избавила меня от нежелательных последствий близости со Стивеном.

— Джералд ничего не знал, — уверенно сказал Стивен. — Иначе не назначил бы Джайлза наследником.

— Если у Джералда и были подозрения, он знал, кто отец ребенка, а значит, не сомневался и в том, что Джайлз — Грэндвил.

Стивен болезненно поморщился.

— В конце концов, как он мог поступить иначе? — безжалостно продолжила я. — Общество считало, что мы с ним вступили в связь до брака. Ведь все знали его репутацию. Джералд был слишком горд для роли одураченного мужа. Не легче ли поверить, что ребенок родился преждевременно? Он и поверил. — Я пожала плечами. — Никто и не подозревал, что красивый, обаятельный и веселый Джералд — закоренелый эгоист.

— Но ты это знала.

— Да. И даже, признаюсь, использовала это в своих целях. Джералд получил то, что хотел» Стивен, а вместе с тем спас мою репутацию.

Воцарилось молчание. Я стиснула нефритовое пресс-папье.

— Прости меня, Аннабель, — вымолвил наконец Стивен.

— Я никогда не прощу тебе того, что ты бросил меня в такое трудное время.

Никогда. — Поднявшись и положив пресс-папье на стол, я добавила:

— Ненавижу тебя. — И вышла из комнаты.

Войдя в будуар, я отпустила Марианну, бросилась в кресло и дала волю слезам, которые сдерживала несколько долгих лет. Теперь они доставили мне неизъяснимое облегчение, словно очистив мою душу.

Я плакала по семнадцатилетней полудевочке-полуженщине, вспоминая, как однажды мать взяла меня за подбородок и, сурово посмотрев в лицо, спросила:

«Ты, кажется, беременна, Аннабель?»

«Н-нет, мама, — запинаясь, пробормотала я. — С чего ты взяла?»

«Я вижу это по особому блеску твоих глаз, — мрачно объяснила мать.

— Так же было и со мной, когда я ожидала тебя».

Я плакала по совсем еще юной девушке, которую гнев и страх побудили выйти за нелюбимого человека, да еще и солгать при этом.

«Вчера я упала, Джералд, но скрыла это, боясь встревожить тебя. Возможно, ребенок родится до срока».

Я плакала по юной матери, держащей в руках своего младенца и мучительно страдающей от того, что рядом нет его отца, который порадовался бы рождению сына.

Я плакала, вспоминая, как погубило наше счастье роковое признание Стивена: «Во всем виноват только я. И никто другой».

Когда поток слез наконец иссяк, силы покинули меня. Голова раскалывалась, ноги налились свинцом. Поняв, что мне не добраться до постели, я свернулась клубком в кресле, закрыла глаза и снова позволила воспоминаниям унести меня в прошлое.

Мне шестнадцать лет. Мы со Стивеном отправились одни на озеро.

В апреле Уэстон был всегда очень красив. В лесах цвели колокольчики, дикие гиацинты, фиалки, а перед домом ярко пестрели клумбы с красивыми желтыми тюльпанами. К югу от дома зеленели газоны. Дубы и вязы оделись молодой листвой, а вишни стояли в белом цвету.

Ранним утром мы со Стивеном тайком отправились на озеро и, наслаждаясь пением птиц, подошли к павильону для рыбной ловли.

Собаки резвились на берегу. Опершись на перила крыльца, я смотрела на озеро, сверкающее в лучах солнца.

— Как хорошо дома! — воскликнула я.

В середине марта мать возила меня в Лондон, чтобы обновить мой гардероб. В предыдущее Рождество она объявила, что мне пора сделать взрослую прическу и сменить стиль одежды.

Я очень жалела, что из-за этого придется прервать охотничий сезон. С моих шестнадцати лет жизнь в Уэстоне утратила прежнюю безмятежность, ибо Стивен все чаще отсутствовал.

В тот раз мы с ним не виделись с января. После Рождества он отправился погостить к своему дяде Фрэнсису, а потом я уехала с мамой в Лондон. Вернулась я лишь накануне вечером, и это была наша первая встреча.

— Как тебе понравилось в Лондоне? — Стивен стоял рядом со мной, и, взглянув на него, я заметила, что он напряжен.

— Мне понравилось не все. Мама накупила для меня кучу новых платьев. Она хочет,

чтобы в этом году я начала выезжать и приготовилась к следующей весне, когда впервые появлюсь в лондонском высшем свете.

Стивен хмуρο молчал.

— Значит, он не хочет нам помогать?

Стивен отвел глаза:

— Нет, не хочет.

— Понятно.

Мы возлагали большие надежды на Фрэнсиса Патнема, очень любившего Стивена, и полагали, что он поможет нам добиться согласия графа и моей матери. Мы также надеялись, что Фрэнсис позволит нам жить у него, когда мы повенчаемся. Ведь он уже назначил своим наследником Стивена и всегда, по-видимому, испытывал симпатию ко мне. Конечно же, Фрэнсис Патнем будет на нашей стороне.

Мы хорошо понимали, что без его помощи нам не на что рассчитывать. Мать явно не желала выдавать меня за младшего сына. Вероятно, она и граф полагали, что я стану женой Джералда. Мать давным-давно решила выдать меня за старшего пасынка, граф пришел к такому решению значительно позднее, заметив во время рождественских праздников, какими глазами смотрит Джералд на юную Аннабель.

Влюбленные взгляды Джералда, а также явные намерения графа и его жены побудили Стивена поговорить с Фрэнсисом.

Я видела, как напряжены плечи Стивена. Его худые руки крепко сжимали перила.

— Он сказал, что мы еще слишком молоды и не понимаем своих желаний. Поэтому нам следует повидать мир и людей. Мне дядя советует отправиться в Оксфорд. Ты же впервые выедешь в свет. Если наши чувства не изменятся и после того, как я окончу университет, он попытается помочь нам.

— А он знает о Джералде?

— Дядя уверен, что никто не выдаст тебя за Джералда против твоей воли.

— Он ничего не понимает, — с горечью бросила я.

Стивен откинул волосы со лба:

— Я пытался объяснить ему, Аннабель, какие чувства связывают нас, но он и слушать не стал. По мнению дяди, граф поступил неблагоразумно, позволив нам часто бывать вместе. Он считает, что мой отъезд в Оксфорд очень кстати.

— Давай убежим в Шотландию, Стивен, — предложила я.

В Англии несовершеннолетние не имеют права вступить в брак без согласия родителей или опекунов, а в Шотландии нет строгого возрастного ценза и угрозы отлучения от церкви. Там нужно лишь написать в присутствии свидетелей заявление о взаимном согласии вступить в брак. Английские юноши и девушки обычно направляются в городок Гретна-Грин, в десяти милях севернее Карлайла.

— Если побег не удастся, нас непременно разлучат. — Стивен нахмурился. — Ну как, рискнем?

Губы у меня дрогнули, и я покачала головой.

— Не грусти, любовь моя. — Стивен крепко обнял меня.

Я прильнула к нему, наши полуоткрытые губы слились, мы сжали друг друга в объятиях.

За последние шесть месяцев мы уже овладели искусством целоваться, но этот поцелуй отличался от всех прежних. В нем сказалась мучительная горечь трехмесячной разлуки и боль, нанесенная отказом Фрэнсиса Патнема.

Мое тело пылало под старым ситцевым платьем, которое давно уже стало мне тесным. Когда Стивен сжал мою грудь, меня захлестнул восторг. Изнемогая от счастья, я прижалась к нему.

— Аннабель... — Он оторвал свои губы от моих и впился в меня сверкающими от желания глазами. — Мы должны остановиться, — глухо пробормотал Стивен. — Иначе я не ручаюсь за себя.

— Не надо останавливаться, — попросила я. Он судорожно вздохнул:

— Ты сама не знаешь, что говоришь.

Я стукнула его кулачками в грудь.

— Не смей так держаться со мной, Стивен Грэндвил. Твой наставительный тон напоминает мне других твоих родственников. — Я вновь ткнула его кулачками, на этот раз сильнее. — Я знаю, чего хочу, всегда знала. Я хочу тебя.

Он поймал мои руки.

— Аннабель! Милая Аннабель! Я так тебя люблю!

В павильоне стоял старый шезлонг, в нем мы и расположились. Это место мало подходило для занятий любовью, но наша страсть была слишком сильна. Нас ничто не могло остановить. Однако Стивен с трудом вошел в меня. При этом не обошлось и без крови.

Но ни боль, ни кровь не имели значения. Важно было одно: мы наконец переступили запретную черту, отныне нас связали нерасторжимые узы. Я принадлежала Стивену, а он — мне.

— Теперь ничто не разлучит нас, — сказал он, когда мы, прижавшись друг к другу, лежали в шезлонге, от которого пахло плесенью и рыбой.

Я верила ему.

Теперь я лежала в кресле рядом с нашей с Джералдом спальней. Муж был очень искусным любовником и в отличие от Стивена имел богатый опыт. Но его любовь не согревала меня. Мое тело отзывалось на его ласки, но после я часами не могла уснуть, испытывая глубокое разочарование и горько жалея об утраченном.

Сказав Стивену, что ненавижу его, я не солгала. Но при этом я не сомневалась в том, что моя любовь к нему не пройдет никогда.

Изнемогая от головной боли, я вызвала колокольчиком Марианну и попросила положить мне на лоб холодный компресс.

***

Утром я проснулась поздно. Головная боль прошла, но, неважно себя чувствуя, я решила не спускаться в столовую, поэтому выпила чай и съела булочку в спальне.

Накануне мне пришлось так интенсивно общаться с людьми, что теперь хотелось побыть в одиночестве. Позвав собак, я выскользнула из задней двери и отправилась к озеру.

К своему удивлению, я увидела там Стивена и Джайлза. Стоя по колена в воде, они бросали камни в озеро.

В теплом летнем воздухе разносился звонкий голосок Джайлза:

— Я знаю, как это делать, дядя Стивен. Смотри на меня.

— Кидай, — сказал Стивен.

Слегка размахнувшись, мой сын метнул камешек, и тот трижды подпрыгнул, прежде

чем погрузиться в воду.

— Видел? — возбужденно воскликнул Джайлз, — Да, — ответил Стивен.

— Камень подскочил три раза. Это здорово.

Стивен, видимо, изо всех сил старался подружиться с сыном. Сердце у меня сжалось, но я пошла вперед. Собаки лаем оповестили рыболовов о моем приближении.

— Мама! — Джайлз выскочил из воды и запрыгал передо мной. — Ты видела? Видела, как прыгал камушек?

— Видела, дорогой. Он подпрыгнул три раза. У тебя прекрасно получается.

— Этому научил меня дядя Стивен.

— Не знаю почему, но мужчины испытывают неодолимое желание бросать камни в воду.

Усмехнувшись, Стивен размахнулся и далеко запустил свой голыш.

Джайлз издал восхищенный возглас.

— К счастью, — холодно заметила я, — женщины не испытывают столь примитивного желания.

Мой сын, приняв эти слова за самоуничижение, решил приободрить меня:

— Для женщины ты делаешь это очень хорошо.

— Спасибо, дорогой. — Я взглянула на Стивена, все еще стоявшего в воде:

— Ты пришел сюда учить Джайлза метать камни?

— Нет. — Он вышел на берег. — Мы только хотели опробовать его новую удочку. А камни запускали так, между прочим.

— Дядя Стивен обещал поудить со мной рыбу с лодки, — сообщил Джайлз. — Тогда я наловлю ему рыбы на ужин.

— Если ты будешь вылавливать столько рыбы, Джайлз, скоро в озере ее совсем не останется, — пошутила я.

Мальчик радостно рассмеялся:

— Тогда я начну ловить рыбу в океане.

Стивен встал рядом с Джайлзом. Чтобы научить моего сына кидать камни, он сбросил с себя голубой однобортный сюртук, шейный платок, чулки, башмаки и закатал рукава сорочки по локоть. А сейчас, казалось, даже не замечал, что его шея, руки и ноги обнажены.

«Ну и что, — с раздражением подумала я, — почему он должен заботиться об этом? Бог свидетель, Аннабель, ты видела его в куда менее пристойном виде».

И все же это смутило меня. Сама я была в легком зеленом ситцевом платье, без нижней юбки, в туфельках на босу ногу. Мне бы очень хотелось не так остро ощущать присутствие Стивена.

— Но вы еще и не начинали удить рыбу, — заметила я.

— Пока нет, — ответил Стивен.

— Поедем с нами, мама, — предложил Джайлз. — В лодке есть место и для тебя.

— Ты же знаешь, я не люблю кататься на лодке.

— Озеро сегодня гладкое, как стекло, — вставил Стивен. — Так что тебя не укачает, Аннабель.

Взглянув на него, Джайлз одобрительно улыбнулся.

И вдруг я почувствовала ком в горле, а мои глаза затуманили слезы. Я полуотвернулась, изобразив нерешительность.

— Ну ладно, только не удаляйтесь от берега.

— Озеро небольшое, Аннабель, — успокоил меня Стивен.

Он и Джайлз взяли удочки, после чего мы все пошли к небольшому причалу.

— Весла в павильоне, — напомнила я. — Сейчас принесу.

Когда я вернулась, Джайлз уже сидел на носу и всем своим видом выражал нетерпение.

— Позволь помочь тебе, Аннабель. — Стивен обнял меня за талию.

Затрепетав от прикосновения Стивена, я вывернулась из его рук:

— Мне вполне по силам самой спуститься в лодку.

Он лишь молча посмотрел на меня. Подобрал подол платья, я прыгнула в лодку и замахала руками, пытаюсь обрести равновесие. Стивен поспешил мне на помощь.

— Сядь, Аннабель, тогда все будет в порядке.

Держась за его руку, я осторожно опустилась на сиденье. Вслед за мной опустился в лодку и Стивен, ловко балансируя, закрепил весла в уключинах, сел рядом со мной и оттолкнулся от мостков.

— Не люблю кататься на лодке, — повторила я.

— А вот мне нравится! — воскликнул Джайлз, сидевший лицом к нам. — Можно погрести, дядя Стивен?

— Чуть погода, Джайлз, — ответил его отец, а я тут же воскликнула:

— Ни в коем случае!

— Почему, мама? — Мальчик обиженно надулся.

— Потому что в лодке нельзя вставать и пересаживаться.

— Но... — начал Джайлз.

— Никаких «но»!

Минут через пятнадцать я уже начала успокаиваться, но тут поняла, что лодка течет. Почувствовав, что ноги мои в воде, я посмотрела вниз и ужаснулась:

— Стивен! Днище протекает.

— Вижу. — Он налег на весла. — Сейчас вернемся на берег.

— Я же просила не удаляться от берега! — На мой взгляд, до суши было довольно далеко. Стивен молча орудовал веслами.

— Вода прибывает, мама, — заметил Джайлз. Еще бы! Она уже доходила мне до лодыжек.

— Стивен?

— Попробуй найти дыру, Аннабель, а если найдешь, заткни чем-нибудь.

Опустившись на колени, я стала искать течь.

— Скорее всего дыра здесь, дядя Стивен. — Джайлз указал на корму.

— Одна из досок отошла.

— Не стукнешь ли по ней ногой? — спокойно попросил Стивен.

— Я прижал эту доску, но вода все равно прибывает.

Вода доходила уже до колен, и хотя Стивен греб без передышки, лодка почти не двигалась. Сбывался мой самый страшный сон.

— Стивен! — Я старалась не выказывать охватившей меня паники. — Джайлз не умеет плавать. Стивен оставил бесполезные весла.

— Поступим так. Сперва я доставлю на берег Джайлза, потом вернусь за тобой, Аннабель, а ты постарайся продержаться.

Я пристально посмотрела на него. Конечно, Стивен хорошо плавает, но план казался мне неосуществимым.

— А ты доберешься до берега вместе с Джайлзом?

— Да. На Ямайке я много плавал. — Его голубые глаза словно гипнотизировали меня. — Ты ведь немного умеешь плавать, Аннабель, правда?

В детстве я иногда барахталась по-собачьи, но сейчас не знала, удастся ли мне продержаться.

— Умею, — ответила я.

Лодка погружалась все глубже и глубже.

— Джайлз, — сказал Стивен, — положи голову мне на плечо и лежи совершенно неподвижно. Иначе мы оба утонем. Понял?

— Но маму нельзя оставлять! — испугался мальчик.

— Обещаю вернуться за ней. Ты готов?

Джайлз взглянул на меня.

— Я продержусь, дорогой. Делай, пожалуйста, все, что говорит дядя Стивен.

— Хорошо, — выдохнул мальчик.

— Плыви на животе, Аннабель, — посоветовал Стивен. — Лицо можешь держать в воде, поднимай его, когда захочешь вдохнуть. Слегка шевели ногами. Вверх и вниз.

— Ладно.

Мы переглянулись.

— Только не паникуй, — сказал он. — Если не будешь паниковать, все будет в порядке.

Я кивнула:

— Позаботься о Джайлзе.

Мы стояли в погружающейся лодке.

— Заверни подол юбки, а то не сможешь плыть. — Стивен подвел руку под голову Джайлза, оттолкнулся от лодки и поплыл.

Не успела я последовать его совету, как лодка ушла из-под моих ног, и мне волей-неволей пришлось удержаться на плаву.

Вода обожгла меня холодом. Барахтаясь и держа голову над водой, я увидела, как Стивен с моим сыном плывет к берегу.

Значит, он спасет Джайлза.

«Слава Богу!» — подумала я. Теперь мне следует позаботиться о себе.

Я понимала, что долго не продержусь, ибо уже начала уставать. Стивен советовал мне опустить лицо в воду, но инстинкт самосохранения подсказывал, что, последовав его совету, я пойду ко дну.

Захлебываясь, я продолжала барахтаться.

«Не паникуй, Аннабель, — сказала я себе. — Ни в коем случае не паникуй».

Стивен велел плыть на животе, а голову поднимать только для вдоха.

Я сделала глубокий вдох, закрыла глаза и рот, и, погрузив лицо в воду, попыталась лежать неподвижно.

Ноги стали погружаться в воду.

«Не паникуй, Аннабель, шевели ногами. Опустить лицо в воду и шевели ногами».

Я заработала ногами и руками, подняла голову, вдохнула воздух, а затем вновь погрузила лицо в воду.

«Да, я могу держаться на воде, если не поднимать голову, и непременно дождусь возвращения Стивена».

В том, что он вернется, у меня не было ни малейших сомнений. Между тем с перепугу

мне казалось, будто я провела в воде уже много времени. Однако мне удалось преодолеть панику. С трудом держась на воде, я надеялась дождаться Стивена.

Наконец его рука коснулась моего плеча. Подняв голову, я тотчас захлебнулась.

— Теперь твоя очередь. — Он повернул меня на спину, положил мою голову к себе на плечо, и мы поплыли к берегу.

Стивен заметно устал. Чувствуя это, я не двигалась, даже когда вода заливала мне лицо. И вдруг он сказал:

— Здесь уже можно стоять. Момент, когда мои ноги нащупали дно, был один из счастливейших в моей жизни.

— Мама, мама! — закричал с берега мой сын и бросился ко мне.

— Не заходи в воду, Джайлз, я иду к тебе.

Пошатываясь, я направилась к берегу. Джайлз, не выдержав, забрался в воду по грудь, обвил меня руками и громко зарыдал.

— Все хорошо, дорогой, — твердила я. — Благодаря дяде Стивену мы спасены.

Наконец мальчик успокоился, мы вышли на берег, где и улеглись рядом со Стивеном...

Он лежал на спине, согнув колени, откинув одну руку в сторону, а другой прикрыв глаза от солнца, и учащенно дышал.

Я положила руку ему на грудь и сквозь мокрую сорочку ощутила гулкие удары его сердца:

— Какое счастье, что ты умеешь плавать!

— Это... (судорожный вдох)... одна из тех полезных вещей... (еще один вдох)... которым я научился на Ямайке.

— Господи Боже мой! Господи Боже мой!

Он отвел руку от глаз и взглянул на меня:

— Хвала Господу, что ты не запаниковала.

Под моей рукой тяжело вздымалась его грудь.

— Нам надо поговорить, Аннабель.

— Да. — Мой голос дрожал.

— Мама, я замерз, — пожаловался Джайлз, хотя ярко светило солнце.

— Это нервная реакция, — заметил Стивен. — Мой сюртук в павильоне. Пусть Джайлз закутается в него, и мы доставим ребенка домой.

Мы надеялись проскользнуть в дом незамеченными, но, не успев войти в боковую дверь, наткнулись на Джаспера, Джека, Нелл и мисс Стедхэм, направляющихся в конюшню.

— Знаешь, что с нами случилось, Джени? — громко возвестил Джайлз.

— Я едва не утонул.

Все удивленно оглядели нас. Выражение их лиц свидетельствовало о том, как ужасно мы выглядим. Стивен спустил Джайлза с рук, снял с него свой сюртук и протянул его мне:

— Надень!

Я запахнула на себе сюртук, который почти закрыл мое вымокшее платье. Волосы мои упали на спину, и я вытащила их из-под сюртука, чтобы вода не стекала по спине.

— Боже, Аннабель! — изумленно воскликнул Джаспер. — Что случилось?

Мисс Стедхэм опустила на колени перед своим воспитанником, приблизила к себе его лицо и взволнованно спросила:

— С тобой все в порядке, Джайлз?

Мальчик кивнул:

— Меня спас дядя Стивен, Джени. И маму тоже.

— Расскажите же нам, ради Бога, что случилось, — повторил Джаспер.

— Утонула лодка, в которой мы катались по озеру, — объяснил Стивен.

Ошеломленные, они разинули рты.

— Утонула лодка? — переспросила Нелл. — Пошла ко дну?

— Да, — подтвердил Стивен.

— Боже, какой ужас!

— Вы были далеко от берега? — спросил Джаспер.

— Весьма далеко, — ответила я.

— Дядя Стивен вытащил сначала меня, — вставил Джайлз, — а потом и маму.

Оглядев мокрого Джайлза, мисс Стедхэм поднялась:

— Я отведу его в детскую, переодену и попрошу принести ему горячего супа, миледи.

— Спасибо, мисс Стедхэм.

Гувернантка взяла мальчика за руку:

— Джайлз, я с нетерпением жду, когда ты расскажешь мне о своем приключении. Идем наверх.

— А ты не пойдешь с нами, мама? — спросил меня сын.

— Мне надо сначала переодеться.

Мы проводили их глазами. Заметив, как разглядывает меня Джек, я порадовалась, что на мне сюртук.

— Почему ты очутилась в лодке, Аннабель? — спросил он. — И это при твоём страхе перед водой!

— Джайлз хотел испытать свои новые рыболовные снасти и уговорил меня посмотреть на это. Но, клянусь, никто больше и силой не затащит меня в лодку!

— Но что же случилось? — удивилась Нелл. — Почему лодка затонула?

— Отошла одна из досок днища, но никто этого не заметил, — объяснил Стивен. — Вода хлынула в отверстие, когда мы были посреди озера. Я доплыл до берега с Джайлзом, затем вернулся за Аннабель.

— Хвала Господу, что лодка не утонула, пока ты не вернулся за Аннабель! — глухо пробормотал Джаспер.

Стивен поглядел на меня, и я слегка кивнула:

— Очень приятно беседовать с вами, но, если позволите, я пойду переоденусь.

— Вообще-то, — глаза Джека блеснули, — ты и мокрая весьма соблазнительна.

— Неудачная шутка, Джек, — холодно заметил Стивен.

Подняв свои светлые брови, Джек оценивающим взглядом посмотрел на него.

— Увидимся за ужином. — Я поспешила к дому.

***

Узнав о случившемся, Адам пришел в ужас и тотчас же принялся выяснять, как это произошло.

— В день праздника на лодке много катались, — сказал он, встретив меня в конюшне, где я составляла рацион для моих охотничьих лошадей. — То, что именно эту лодку оставили на воде, видимо, чистая случайность. Никто не заметил, что отошла доска.

— Она отошла, когда мы заплыли уже далеко, дядя Адам, — сказала я.

— Казалось, будто кто-то нарочно отодрал ее.

Он нахмурился:

— Неужели ты усматриваешь в этом происшествии чей-то злой умысел, Аннабель?

— Возможно, один из деревенских парней, катавшихся вчера на озере, так неудачно пошутил. Когда на озере и на берегу было так много людей, это не представляло опасности. Но, на нашу беду, сегодня мы не встретили там живой души.

— Не исключено, что ты права. Однако уверяю тебя: перед праздником я велел внимательно осмотреть лодки, и мне сообщили, что все они в полном порядке. — Дядя Адам, сидевший в узком кресле, чуть подался ко мне. — Надеюсь, на тех, кто осматривал лодки, можно положиться.

— Конечно. Прошу вас, не увольняйте никого из них. — Я выглянула в окно, интересуясь, высоко ли солнце. — Который час, дядя Адам?

Он вынул часы:

— Около пяти, дорогая.

Я вздохнула:

— Пора переодеваться к ужину.

— Кажется, ты скрываешься от Регины, — насмешливо заметил он.

— Как вы угадали?

— Это не составляло труда.

— Полагаю, людям достаточно знать, что мы едва не утонули из-за течи в лодке. Если в самом деле виноват кто-то из детей арендаторов, он испугается и не станет повторять такую дурацкую шутку.

— Боюсь, мне не удастся выяснить, кто на какой лодке вчера катался, Аннабель, — смущенно сказал Адам, когда мы направились к дому. — Благодарю Господа за то, что ты спаслась, дорогая. Стивен рассказал мне, что ты вела себя очень смело.

— Я была в шоке и никогда после этого не сяду в лодку. Хватит с меня и верховой езды.

— Кстати, Джасперу очень понравился рыжий жеребец, которого ты ему показала.

— Снэп?

— Он самый. Сколько ты просишь за него, Аннабель?

Мы перешли через мостик.

— Вам незачем покупать его, дядя Адам. Поверьте, мне доставит удовольствие, если Джаспер будет ездить на нем в этот сезон.

Адам решительно покачал головой:

— Нет, такой любезности я не приму, Аннабель, хотя и готов держать купленных лошадей в твоей конюшне. У моего сына должны быть собственные лошади.

Покупку лошадей для сына Адам, видимо, считал делом чести.

Я понимала чувства дяди. Он человек добродушный, обходительный, но ему нравится держать власть в своих руках. В нашем маленьком мирке дядя Адам господствует безраздельно: к нему обращаются арендаторы, когда нужно произвести ремонт, вырыть новый колодец или продлить срок аренды. Крестьяне снимают перед ним шляпы, пастор приходит за советом, а сэр Мэтью приглашает его поиграть в карты и выпить по стаканчику бренди.

Джералд и его отец проводили почти все время вне Сассекса, поэтому вся власть и перешла к Адаму.

Он, конечно, опасается, что пострадает его репутация, если у Джаспера не будет собственных лошадей.

— За Снэпа я прошу четыреста гиней.

Серые глаза Адама пронизательно посмотрели на меня.

— Как мне известно, ты берешь за лошадей куда большие суммы.

Мы подошли к парку.

— За некоторых — да. Но Снэпа не так-то легко пристроить. Джаспер превосходно управляется с ним, и я рада, что у него будет хороший хозяин. По-моему, четыреста гиней — не слишком высокая цена, дядя Адам.

— Что ж, стало быть, договорились. Я выпишу тебе чек.

Я с улыбкой кивнула.

— Конечно, у Джаспера нет титула, Аннабель, — серьезно заметил Адам. — Но, выйдя в отставку, он займет достойное место в этом мире. Недавно Фанни получила неплохое наследство, у Джаспера будет свой дом в Нортгемптоншире. — Он с особой важностью выговорил это название. — А также вполне приличный доход для его содержания.

— Чудесно. — Меня удивило, что Адам рассказывает мне все это, но я и бровью не повела.

Заметив, что садовник подстригает кустарник, я окликнула его:

— Не поздновато ли для работы, Джон?

Он обернулся:

— Добрый день, господа. Сейчас стало прохладнее, миледи, поэтому легче работается.

— Смотри, не пропусти ужин.

— Ни за что, миледи, — улыбнулся Джон. Мы уже подошли к дому, когда Адам спросил:

— А нет ли у тебя еще одной лошади для Джаспера?

— К сожалению, с прошлого года не осталось ни одной подходящей лошади, но Джаспер может ездить на тех, что куплены недавно, дядя Адам. Они вполне годятся для верховых прогулок, хотя их еще многому надо научить. Джек уже катается на этих лошадях.

— Джеку очень повезло, — холодно заметил Адам.

Не понимая его недовольства Джеком, я не нашлась что ответить.

— А сможет ли Джек охотиться в этот сезон? — спросил Адам. — Ты говорила со Стивеном о его взносе в охотничий клуб?

— Нет. — Мы уже подошли к задней двери, и я ждала, когда Адам откроет ее. — Я решила сама заплатить за него.

Глаза Адама вспыхнули от гнева.

— Тебе не следовало так поступать, Аннабель. Это неприлично.

— Что?! — Я пришла в замешательство.

— Джек не должен был принимать от тебя такую сумму.

— Бог мой, дядя Адам, вы стали говорить, как мама! — Меня крайне раздосадовало, что он поучает меня, однако я не выказала недовольства.

— Ты уже внесла деньги за него?

— Да, и считаю, что это вполне оправданный расход, дядя Адам. Джек помогает мне обучать новых лошадей и отлично умеет обращаться с ними.

И куда только исчезла добродушная приветливость Адама?

— Не хочу обидеть тебя, Аннабель, но должен кое-что сказать в предостережение.

Я пришла в замешательство.

— Ты всегда была красавицей, дорогая, а теперь еще и богата. Тобою должен руководить твой проницательный ум, а не доброе сердце.

В моем проницательном уме блеснула наконец догадка:

— Уж не подозреваете ли вы, дядя Адам, что Джек охотится за моим состоянием?

Мой собеседник нахмурился:

— Джек отчаянно нуждается в деньгах, Аннабель. У него нет почти никаких доходов, и он распродает фермы, чтобы спасти свой дом в Рудли. Единственное спасение для Джека — выгодный брак.

— Он сам рассказал мне об этом. — Я уже не скрывала досады.

Брови дяди Адама вопросительно поднялись.

— Не думал, что Джек так умен.

— По его словам, именно вы посоветовали ему подыскать богатую невесту.

— Я дал ему разумный совет, но при этом и в мыслях не держал, что он остановит выбор на тебе, Аннабель.

Эти подозрения возмутили меня.

— Прошу вас оставить эту тему, дядя Адам. — Я открыла дверь и вошла в дом.

***

Ужин прошел ужасно. Мама меня раздражала, герцог злил. Оба они негодовали, что Стивен посадил меня в дырявую лодку.

— Вы правы, — согласился он. — Я недосмотрел, хотя должен был хорошенько проверить лодку. — По долгому опыту Стивен знал, что лучший способ отделаться от матери — это согласиться с ней, — Надеюсь, вы уволили тех, кто убирал лодки после праздника? — спросил герцог Адама.

— Тот, кто оставил на воде эту лодку, совершил грубую оплошность.

— Вчера гости катались на нескольких лодках, ваша светлость, — ответил Адам. — Когда Аннабель и Джайлз сели в лодку, в ней не было воды. Кто же мог предполагать, что в ней пробоина?

Герцог зловеще сдвинул свои черные брови:

— И тем не менее кому-то придется ответить за это, Грэндивил.

«Как мило, — подумала я. — Муж моей матери увольняет людей только потому, что кто-то должен понести наказание».

— Аннабель полагает, что один из мальчишек ради шутки отковырнул доску.

Я вздрогнула, догадываясь, что за этим последует.

— Ради шутки?! — взорвалась моя мать. — Граф и графиня Уэстон чуть не погибли.

Хороша шуточка!

Я, конечно, заметила, что она не назвала Джайлза и меня «своим внуком и дочерью».

Нет, мы были для нее графом и графиней.

— В лодке находился также я, дядя и опекун графа, Регина, — серьезно проговорил Стивен.

Мы с ним переглянулись.

Знакомые голубые глаза, как обычно, сказали мне: «Не огорчайся из-за нее». Я чуточку успокоилась.

— Если так, необходимо найти и наказать виновных в этом детей.

— Вчера дети катались в лодке весь день, ваша светлость. — Джаспер едва скрыл досаду. — Я сам видел это, потому что дежурил на озере. Даже если Аннабель права, виновников не удастся отыскать.

— Едва ли дети способны на такое, — встревожилась Нелл.

— Ты ведь знаешь, — возразила я, — что они не представляют себе возможных последствий своих поступков. Может, один из них просто решил позабавиться. Если бы кто-то оказался в воде вчера, его тут же спасли бы, поскольку на озере было многолюдно.

— Возмутительно! — бросил герцог. — Надо непременно найти виновных и примерно наказать их. Голубые глаза Джека лукаво блеснули.

— Приди мне такое в голову, когда я был ребенком, я ни за что не удержался бы.

— А я бы помог тебе, — усмехнулся Джаспер.

— Помнишь наш плот? — спросила я Нелл. — Пойди он ко дну, мы все утонули бы.

В этот миг лицо моей сестры стало почти таким, как прежде, и я узнала в ней любимую подругу детских игр.

— Совсем забыла про этот плот. — Она рассмеялась. — Ты чуть не потеряла сознание, когда мы наконец вытащили его на берег.

— Никогда этого не забуду.

— Какой еще плот, Аннабель? — спросила моя мать.

За все это время тетя Фанни не проронила ни слова, как бывало всегда при моей матери, но тут и она не выдержала:

— Какой еще плот?

— Скорее всего это было в то лето, когда мы устроили клуб, — предположил Стивен.

— Да, — кивнула Нелл.

— Ох уж эти клубы! — простонала тетя Фанни. — Из-за них вас все лето преследовали неприятности.

Все представители моего поколения украдкой обменялись взглядами.

— Тебе неинтересно слушать про плот, мама, — сказала Нелл.

— Что до меня, я решительно не хочу ничего знать об этом плоте, — заявил герцог. —

Какая-нибудь скучнейшая история.

Подумать только, герцог говорит о скуке!

Нелл так и не удалось подавить улыбку, а я, чтобы не расхохотаться, потупила взгляд.

Уже давно мне не было так весело.

— По-моему, дамам пора удалиться, — заметила моя мать.

Я поднялась, но тут Стивен удивил всех нас:

— Может, и джентльменам пора на покой?

Это было серьезное нарушение этикета, ибо после ужина джентльменам полагалось еще по меньшей мере полчаса попивать свой портвейн. Но Стивен, разумеется, не желал проводить время с герцогом.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Джаспер. — В Испании я отвык пить портвейн после ужина, а теперь и вовсе убедился, что он плохо на меня действует.

— Я обещал Джайлзу сыграть с ним в карты перед сном, — сказал Джек.

Я одарила его благодарной улыбкой:

— Как это мило с твоей стороны. Адам нахмурился, и я невольно вспомнила наш с ним разговор.

Джек никогда не проявлял особого интереса к Джайлзу. А что, если он пытается завоевать мое расположение?

Я тряхнула головой, стараясь избавиться от такой низменной мысли.

Герцог насупился:

— А вот я с удовольствием выпью портвейна.

— Я тоже, — сказал Адам.

— Тогда останемся и мы, — проговорил Стивен.

— Нет, молодые люди, мы с Сайе побудем вдвоем.

Адам говорил со Стивеном, Джаспером и Джеком как с десятилетними мальчиками!

— Мы будем рады составить тебе компанию, папа, — героически сказал Джаспер.

— Но ты же не хочешь пить портвейн, — возразил Джек.

Джаспер нахмурился.

Почувствовав, что не удержусь от смеха, оставшись хоть на минуту в столовой, я последовала за дамами.

— Возьми собак и приходи в павильон для рыбной ловли, — шепнул мне Стивен, после того как я пожелала всем спокойной ночи.

Не взглянув на него, я направилась в будуар, отпустила Марианну, накинула старую охотничью куртку на вечернее белое платье и, свистнув собакам, вышла через заднюю дверь.

Луна светила как бы сквозь долину, и я предположила, что это к грозе.

Собаки остановились и посмотрели на меня, не понимая, почему я не пошла, как обычно, к холмам, а направилась к озеру. Однако потом они весело побежали вперед. Я же шла медленно, стараясь не думать о предстоящем свидании.

Вспомнив про ужин, я осознавала, что в присутствии моей матери и герцога вся молодежь в доме сплачивается, как это нередко бывало и в детстве.

В годы замужества у меня появилось много знакомых, но кузены, — я называю их так, хотя это и не совсем точно, — всегда оставались моими лучшими друзьями. Нас связывали самые нерушимые узы — общие воспоминания о детстве.

Мысли мои вдруг обратились к Джеку. Как необычно он выглядел вечером, сидя в детской с Джайлзом и мисс Стедхэм, играя с ними в карты и смеясь. При этом личико моего сына сияло от счастья.

Хорошо зная Джека, я была убеждена: он не воспользуется чувствами ребенка, чтобы завоевать его мать. Меня возмущало, что Адам заронил в мою душу такое гнусное подозрение.

Порция и Мерлин с радостным лаем кинулись к павильону. При свете луны я увидела на крыльце белую сорочку Стивена.

— Как тебе удалось опередить меня?

— Я выскользнул через стеклянную дверь, как только ты удалилась.

Теперь мы с ним стояли на крыльце, освещенном призрачным светом луны, и смотрели друг на друга.

— Быть рядом с тобой и не прикасаться к тебе выше моих сил, — сказал он.

Услышав его голос, полный страсти, я едва подавила в себе желание:

— Все, что было между нами, кончилось пять лет назад, Стивен. Ты убил то, что связывало нас, покинув меня и уехав на Ямайку.

Его ноздри раздувались, глаза сверкали.

— Я не верю тебе. Не могу и не хочу поверить.

— Мне нет до этого дела. — Мой голос дрожал от гнева. — Ты покинул меня, сел на корабль и отправился на Ямайку, даже не вспомнив обо мне.

— Это не правда! — Длинные черные ресницы отбрасывали тень на его щеки. — Я ни на миг не забывал тебя и хотел написать сразу же, как только устроюсь на Ямайке.

Всеми силами души я пыталась преодолеть предательскую слабость, всегда охватывающую меня в его присутствии.

— Но, однако, не написал! — с горечью проронила я.

— Пойми, Аннабель, ты вышла замуж за моего брата. Что я мог написать тебе? Принести свои поздравления?

Ветер разметал мои волосы, и я, подняв одну руку, пригладила их. Стивен застонал и, не успев понять, что происходит, я оказалась в его объятиях.

Признаться, готовясь к этому, я собиралась оттолкнуть его. Мне доставило бы удовольствие отомстить ему за то, что он сделал пять лет назад.

Стивен прильнул к моим губам. Мою жалкую попытку высвободиться и оттолкнуть его он даже не заметил. Он неистово целовал меня, а когда моя голова запрокинулась, обхватил мою шею одной рукой, а другой коснулся моей груди.

Господи, я совсем забыла, какое непреодолимое чувство — страсть! Мой гнев бесследно исчез, как и желание мстить. Ответив на поцелуй Стивена, я вытащила из-за его пояса сорочку и начала ласкать широкую грудь. Он горел от моих прикосновений, а я жадно вдыхала его запах.

— Аннабель! — хрипло воскликнул Стивен. — В павильоне... есть... шезлонг...

Я расстегнула платье, позволив Стивену ласкать себя.

— Да, — отозвалась я.

Ноги мои подкосились, но Стивен подхватил меня на руки и внес в павильон.

Здесь лежали рыболовные снасти: удилица, лески, два пустых ведерка, четыре фонаря. В одном углу стоял низкий сундук, в трех других — лодки. Несмотря на открытые окна, я ощутила знакомый запах плесени и рыбы.

Мы вместе упали на шезлонг и начали торопливо сбрасывать с себя одежду. Стивен почти не отрывал губ от моего рта. Сердце мое неистово стучало. Волосы рассыпались по плечам, спине и груди.

Я изогнулась и подняла бедра. Стивен глубоко вошел в меня, наши тела слились в порыве страсти, и меня, как, вероятно, и его, захлестнула волна непреодолимо сильного, мучительного наслаждения.

Наконец я произнесла имя, которое пять тяжких лет нашептывала лишь наедине с собой:

— Стивен! Стивен, Стивен...

А потом снова ликующе закричала в экстазе: «Стивен!»

В комнате было слышно лишь громкое прерывистое дыхание.

Наши два тела казались сейчас одним. Мои ноги обвивали его поясницу, руки стиснули спину. Стивен тоже не разжимал объятий. Мы не могли насытиться друг другом.

Он шепнул:

— Вчера я пережил самое худшее испытание, оставив тебя одну посреди озера. Даже известие о твоём замужестве не причинило мне такой мучительной боли.

Закрыв глаза, я прижалась лицом к его груди и постаралась отвлечь его от тяжелых мыслей.

Но это всегда было очень непросто.

— Иногда, просыпаясь по ночам, я представлял себе тебя с Джералдом и в такие мгновения готов был убить его. — Стивен задрожал. — Нельзя питать такую ненависть к брату, но это было сильнее меня.

— Каждый раз, ложась с ним в постель, я воображала, что со мной ты.

— О Боже, Аннабель! — простонал он и еще крепче стиснул меня в объятиях.

Любовь к нему переполняла мое сердце. Я приблизила губы к его уху:

— Поцелуй меня!

Мы отчаянно нуждались друг в друге. Страсть вновь и вновь вспыхивала в нас. Усталые собаки, не дождавшись, когда мы наконец отправимся домой, уснули на полу.

Незадолго до рассвета меня разбудил вой Мерлина. Едва я открыла глаза, пес залился радостным лаем. Должно быть, он хорошо видел меня, хотя в предрассветных сумерках я не могла различить черной морды спаниеля.

Я протерла слипающиеся глаза. И как только мы со Стивеном провели ночь на этом узком шезлонге? Впрочем, мы не впервой спали на этом ложе.

Рука Стивена лежала на моей груди, не позволяя мне пошевелиться. Я не знала, который час.

— Стивен! Стивен! Проснись! Мне необходимо вернуться домой, пока меня не хватились.

Он не отвечал и не двигался. Мало кто спит так крепко, как Стивен.

Я попыталась высвободиться.

Мерлин вновь залаял, и теперь к нему присоединилась Порция. Собачий лай и мои попытки сбросить его руку все же разбудили Стивена. Он что-то пробормотал.

— Вставай, Стивен!

— Аннабель! — Открыв глаза, он сразу проснулся. — Мы задремали, — улыбнулся Стивен.

— Луна зашла. Должно быть, уже поздно. Я ничего не вижу, а между тем надо добраться домой.

— Не волнуйся. — Он убрал руку и ногу, после чего я села и стала на ощупь искать на полу, рядом с шезлонгом, одежду.

— Попробую зажечь фонарь, — сказал Стивен.

Под его шагами заскрипели половицы. Я ничего не различала во тьме, а он видел ночью, как кошка. Стивен поднял крышку сундука.

— Трутница здесь, — сказал он.

— Слава Богу!

Стивен зажег фонарь, и я, прищурившись от света, взглянула на него. Его тело было таким же, как в юности: плоский живот, узкие бедра. Однако в груди и плечах он сильно раздался. Торс покрылся темным тропическим загаром, но от поясницы до колен кожа осталась светлой.

— Неужели ты ходил на Ямайке полуодетый? Стивен улыбнулся:

— Я же тебе говорил, что много плавал. — Поставив фонарь, он подошел ко мне. — Пляжи на Ямайке великолепные. Мелкий белый песок и прозрачная до самого дна бирюзовая вода.

— Можно подумать, там земной рай, — заметила я.

Он опустился рядом со мной на шезлонг, заскрипевший под его тяжестью.

— Природа на Ямайке и в самом деле волшебная, а вот жизнь аборигенов совсем не похожа на райскую.

Я потянулась к нему и поцеловала его сурово поджатые губы. Затем поднялась, натянула платье, оправила его и нагнулась за курткой.

— Слава Богу, что не забыла взять ключ от задней двери.

Застегнув рубашку, Стивен с улыбкой посмотрел на меня.

Эта улыбка разозлила меня:

— Я взяла ключ вовсе не потому, что собиралась провести с тобой ночь. — Глаза мои затуманил гнев.

Он, видимо, не поверил мне. Да я и сама не очень-то себе верила. Зачем только я взяла этот проклятый ключ? Ходжес обычно запирает все двери в полночь, прежде чем лечь спать, а к этому времени я всегда возвращалась с прогулки. С чего же мне взбрело в голову снять ключ с крючка и сунуть его в карман куртки?

— Не взять ли с собой фонарь? — спросил Стивен.

«Если мы возьмем фонарь, — подумала я, — утром придется объяснять, почему он появился в доме».

— Надеюсь, доберемся и без него.

— Конечно.

— Тогда оставь его здесь.

Когда мы вышли из павильона, в полутемном парке уже пели птицы. Стивен обнял меня за плечи, а я прильнула к нему, стараясь приноровиться к его шагу. За нами следовали собаки.

Он спросил, словно продолжал прерванный разговор:

— Ты сможешь снова выйти замуж не раньше чем через год?

— Да.

— Придется ждать больше шести месяцев! — Стивен присвистнул. — Шесть месяцев — чертовски долгий срок, Аннабель.

Я промолчала.

На востоке небо посветлело, и окружающий мир начал обретать привычные очертания. Теперь я могла и сама найти дорогу.

— Джайлз — отважный мальчик, — заметил Стивен. — Не хотел оставлять тебя посреди озера, Аннабель. Можешь гордиться им.

— А я и горжусь. — Собравшись с духом, я сказала:

— Графом должен стать ты, Стивен, а не твой сын.

— Зачем мне это?

Сделав вид, будто не слышала его реплики, я продолжала:

— Нам надо с помощью адвокатов восстановить тебя в законных правах.

Стивен остановился и приподнял мой подбородок:

— О чем ты?

Я пристально посмотрела на него:

— Может, нам удастся добиться, чтобы Джайлза признали твоим сыном.

Он нахмурился, а его глаза вспыхнули.

— Ты что, рехнулась, Аннабель? — словно не веря своим ушам проговорил он. — Ведь тогда тебе придется признать, что твой сын — незаконнорожденный. Хорош бы я был, допустив такое!

По моим щекам потекли слезы.

— Перестань! — резко бросил Стивен и повел меня вперед. — Я не хочу быть графом, — повторил он. — Мой удел — сидеть в палате общин и агитировать за реформу.

Я легко коснулась губами его ключицы.

Дорожку перед нами пересекли два оленя. Я сделала знак спаниелям, чтобы они не бросились в погоню, и собаки послушались меня.

— Не понимаю одного, Аннабель, — проговорил Стивен, — почему Джералд назначил

именно меня опекуном Джайлза?

— Не знаю.

При свете раннего утра я уже различала крышу и трубы нашего дома.

— Мне всегда почему-то казалось, — признался Стивен, — что Джералд считал меня дураком.

Джералд и в самом деле с иронией относился к идеалистическим порывам брата и, конечно же, осудил его за бунт в Итоне. Сам он в это время учился в Оксфорде, но от всех слышал о безрассудстве Стивена и не мог простить его.

— Меня потрясло, что мистер Мак-Эллистер, оглашая завещание, назвал твое имя. Как и все, я ожидала, что Джералд назначил опекуном Адама.

Восток озарило восходящее солнце.

— Боже! — встревожилась я. — Скоро поднимутся слуги, и нас могут увидеть вместе.

— Логический выбор должен был пасть на Адама. Он человек прямолинейный, честный, к тому же без фанаберии.

— Возможно только одно предположение: Джералд подозревал, что ты — отец Джайлза, и хотел привлечь тебя к участию в его воспитании.

— Нет, — возразил Стивен. — Это противоречит всему остальному. Джералд попытался сбить меня с толку, назвав неверную дату рождения Джайлза. Так зачем же ему было назначать своего соперника опекуном?

— Пожалуй, в твоих словах есть свой резон. — Я не успела причесаться в павильоне, надеясь добраться до дома раньше, чем встанут слуги. — Подожди, Стивен. — Я остановилась, вынула из кармана гребни и закрепила волосы.

— Полагаю, — продолжал Стивен, наблюдая за мной, — Джералд подозревал, что уэстонские бухгалтерские книги не вполне точны.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду, и замерла от удивления.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Джералд не доверял Адаму?

— Не знаю, Аннабель. — Стивен пригладил пятерней свою шевелюру. — Почему же все-таки Джералд не назначил его?

— Джералд едва ли предполагал, что умрет так рано. Составляя завещание, он, вероятно, думал, что через несколько лет Адам состарится и не сможет выполнять обязанности опекуна. К тому же Джералд, возможно, хотел назначить опекуном более близкого родственника Джайлза.

— Не исключено, — сказал Стивен, — и все же я намерен досконально изучить бухгалтерские книги, которые вел Адам.

Я снова остановилась и посмотрела на него:

— Не понимаю твоей подозрительности.

Его лицо выразило знакомое мне упрямство.

— Речь идет о наследстве нашего сына, Аннабель! А что, если Адам проматывает его?

— Адам не мот.

— Надеюсь, ты права и я не обнаружу в книгах никаких неточностей. Но проверить необходимо.

Мы почти подошли к дому.

— Я войду первая и оставлю дверь незапертой.

Пожалуйста, выжди хоть четверть часа, прежде чем последовать за мной.

Он кивнул, и мы поцеловались.

— Кто бы мог подумать, что наша любовь возродится так быстро?

— Мне пора, — пробормотала я.

— Иди.

Я тихо позвала собак и направилась к двери, оставив Стивена возле большой каменной вазы с розовыми петуниями, в самом начале дорожки, ведущей к озеру.

Почти не спав в эту ночь, я чувствовала не усталость, а необыкновенную бодрость. Позавтракав с Джайлзом и избежав благодаря этому встречи с другими членами семьи, я пошла в свой кабинет, где стала ждать прихода сэра Мэтью. Мне предстояло обсудить кое-какие общие дела. Войдя, он тотчас сказал:

— У вас сегодня такой сияющий вид, Аннабель!

Его слова отнюдь не порадовали меня. Если уж сэр Мэтью заметил мое приподнятое настроение, оно, несомненно, не укроется от бдительного ока моей матери.

— Вероятно, так действует на меня погода, — слукавила я. — В воздухе уже чувствуется дыхание осени.

Упоминание об осени пришлось весьма кстати. Сэр Мэтью тут же вспомнил об охоте.

— В самом деле? — В его голосе послышалась надежда. Я улыбнулась:

— Как там щенята?

— Отлично! По-моему, у нас будет одна из лучших свор во всей Англии, Аннабель.

Поболтав о гончих, я перешла к тому, ради чего и пригласила его:

— Большинство фермеров вопреки нашим ожиданиям не могут внести свой взнос, сэр Мэтью.

Он с явным одобрением разглядывал картину, висевшую над моим письменным столом. Но при этих словах внимательно посмотрел на меня.

— Кто же именно не может внести деньги? — спросил он.

— Например, Роджер Уайтлоу.

— Уайтлоу не хочет уплатить свой взнос?

— Не то чтобы не хотел, сэр Мэтью, — уточнила я. — Просто у него туго с деньгами. После окончания войны цены на пшеницу упали.

— Это ужасно! — По тону сэра Мэтью я поняла, что восклицание относится отнюдь не к падению цен на пшеницу.

— Мы не можем исключить фермеров из членов охотничьего клуба, — заметила я. — Нам нужно их расположение.

— Понимаю, — обронил сэр Мэтью. — Но, черт возьми, ведь именно желание фермеров, вернее, их жен и вынудило нас увеличить сумму взноса.

Я вздохнула:

— Боюсь, это не привело ни к чему хорошему. Любопытно, и у других клубов тоже есть такие проблемы?

— Не знаю, как у больших, но у мелких, разумеется, есть. Вспомните, в каком трудном положении оказался в прошлом году Хартли из-за леса Олдсли.

Лорд Генри Хартли был распорядителем западно-сассекского клуба, а лес Олдсли, принадлежавший маркизу Хайдону, был в числе важнейших охотничьих угодий.

— Я ничего не слышала о лесу Олдсли.

Сэр Мэтью явно мне не поверил:

— Неужели вы никогда не слышали, что в лесу в качестве приманки положили отравленное мясо и две гончие Хартли подошли?

— Какой ужас! — ахнула я. — И почему никто не сообщил мне об этом?

Сэр Мэтью постучал своими длинными изящными пальцами по бархатному

подлокотнику.

— Кажется, помню, Аннабель, я и сам узнал об этом лишь в конце сезона, а у вас тогда были другие заботы.

Помолчав, мы подумали о Джералде.

— Расскажите, что же случилось? — попросила я. — Все знают, что лорд Генри регулярно охотится в лесу Олдсли. Кому пришла в голову дикая мысль положить там отравленное мясо?

— Генри думает, что это было сделано по приказу маркиза.

— Что?

Сэр Мэтью кивнул:

— Он подозревает некоего Эплби, который пожаловался ему, что в лесу расплодилось слишком много лис и они досаждают местным фермерам. Однако Генри сказал, что ему не попадаются лисы, поскольку лесничие не затыкают нор, а лисы — животные ночные, возвращаются в свои норы обычно по утрам. Если не затыкать нор, охотники, выезжающие днем, не найдут никаких лис. Большинство таких крупных землевладельцев, как маркиз Хайден, сотрудничая с членами местных охотничьих клубов, велят своим лесничим затыкать норы во время охотничьего сезона.

Если лесничие маркиза Хайдена не удосужились заткнуть норы, лорд Генри, естественно, не обнаружил никаких лис. Они мирно спали, тогда как гончие носились за ними по всему лесу.

— Почему лорд Генри полагает, что собак отравил человек маркиза?

— Получив весьма наглое послание от Эплби, который возмутился, что лис не истребляют, лорд Генри разгневался и написал маркизу письмо. Он обвинил его лесничих в том, что они не выполняют своих обязанностей. Ожидая ответа, лорд Генри продолжал охотиться в лесу Олдсли. Вот тогда-то и отравили его гончих. Представляете, в какое он пришел бешенство?

Я вообразила состояние лорда Хартли. В такой ситуации каждый жаждал бы мести, а лорд Генри не отличался спокойным нравом.

— Что же было потом? — спросила я.

— Хартли отправился в Лондон, чтобы повидать маркиза. Хайден старый человек и никогда не увлекался охотой, но он хорошо осознает свой долг перед людьми. Отказавшись уволить наглеца Эплби, он велел лесничим заткнуть норы в лесу Олдсли. — Аскетическое лицо сэра Мэтью просияло, как у монаха, узревшего откровение. — На месте Эплби, — добавил он, — я бы поостерегся попадаться на глаза Хартли.

Я кивнула.

— Однако вернемся к фермерам, — сказал сэр Мэтью. — Как я понимаю, никто из ваших фермеров не внес денег?

— Верно.

Сэр Мэтью фыркнул.

— Но мы не можем обойтись без фермеров, — сердито заметил он. — Полагаю, нам придется снизить взнос для тех, на чьих землях мы охотимся.

К такому же решению, независимо от него, пришла и я.

— Превосходная мысль, сэр Мэтью! — воскликнула я.

Он посмотрел на меня, прищурившись:

— Мы будем испытывать недостаток в деньгах, Аннабель.

— Возможно. После нашего с вами последнего разговора я получила деньги только от своих кузенов Джека и Джаспера.

— Вот уж не думал, что у них есть деньги, — удивился сэр Мэтью. — Известно, что у Джека нет ни пенса, а Джаспер живет только на свое офицерское жалованье.

— По словам Адама, Фанни получила наследство, — объяснила я, — и он купил Снэпа для Джаспера.

— Ну-ну.

Мы оба умолкли, и я, как обычно, обратила взгляд на картину Стаббса.

— А что Стивен? — спросил сэр Мэтью. — Он уже вступил во владение наследством своей матери? Удастся ли вам убедить его внести деньги?

— Боюсь, что нет.

Стивен ненавидел охоту и очень жалел лис. Я давно избегаю обсуждать с ним эту тему. Он заставляет меня раскаиваться в том, что я так люблю охоту.

— А не записать ли в члены нашего клуба герцога? — предложила я. — Он-то любит охотиться.

Сэр Мэтью вздрогнул.

— Не делайте этого, Аннабель, — взмолился он. — Лучше уж страдать от нехватки денег, чем охотиться вместе с Сайе.

Держась того же мнения, я не стала переубеждать его.

— Хорошо, — сказал сэр Мэтью. — Придется обойтись тем, что у нас есть.

— Видимо, не остается ничего иного.

Хотя разговор был исчерпан, сэр Мэтью не ушел, а поудобнее расположился в кресле с бокалом вина.

— Как там новые лошади? — поинтересовался он.

— Понемногу учатся. — Я кисло улыбнулась, ибо чистокровки оказываются совсем неопытными, когда мы начинаем их натаскивать.

— К концу сезона они станут послушными, как ягнята, — заверил меня сэр Мэтью.

— Пора их уже выводить, — заметила я. — Они должны привыкнуть скакать по лесам. К тому же к началу сезона мне надо потренировать и моих охотничьих лошадей.

— Мне тоже следует натаскивать своих гончих. — Сэр Мэтью подался вперед. — Может, начнем охотничий сезон немного пораньше? Вы способны вставать в четыре утра, Аннабель?

— Конечно.

Одна из главных трудностей сезона охоты на лис заключается в том, что погода все еще стоит теплая и приходится выводить гончих рано утром, пока еще прохладно и земля хранит запахи. Значит, в конце августа мне придется к пяти часам быть уже в конюшне, чтобы успеть встретиться в шесть с сэром Мэтью.

Из-за ранних вставаний охотиться на лис желали немногие.

— Вообще-то неплохо бы начать охоту без промедлений, — сказала я.

— У нас гостит Джек, он будет объезжать одну из новых лошадей.

Сэр Мэтью пристально посмотрел на меня:

— Вы так и не сказали, откуда у Джека деньги.

— Ему повезло за игорным столом. Мне почему-то не хотелось сообщать Мэтью, что это я уплатила взнос за Джека.

— Гм. — Мой собеседник скептически усмехнулся.

— Может, мне удастся убедить Стивена выезжать с нами, — сказала я.

— Ведь пока мы не будем убивать, поэтому ничто не потревожит его совести.

— Где он нахватался таких дурацких идей? Да лисы, черт побери, вредные животные!

Чтобы не спорить с ним, я тотчас сменила тему:

— Одна из моих новых лошадей внушает мне серьезные опасения. По-моему, она слишком возбуждима, и я хочу, чтобы на ней поездил Стивен. Он умеет успокаивать лошадей.

— Никогда не понимал этого, — заворчал сэр Мэтью. — Парень ничего не делает, просто сидит в седле, а лошади охотно выполняют его требования.

Конечно, сэр Мэтью не считал Стивена опытным наездником. Но у того был врожденный дар: он улавливал настроение лошади. Даже самые норовистые смирялись, как только Стивен брал поводья.

Дверь за спиной сэра Мэтью открылась, и в комнату заглянул Джаспер:

— Прости, Аннабель. Я не знал, что ты не одна. — Он хотел было удалиться.

— Входи, Джаспер, — пригласила я. — Мы с сэром Мэтью уже обсудили наши дела. Не сомневаюсь, наш гость с удовольствием выпьет с тобой вина.

— Заходи, пожалуйста, — обрадовался сэр Мэтью. — Я слышал, будто в этом году ты будешь охотиться с нами. Это приятная новость.

— Да, Аннабель записала меня в члены клуба. — Джаспер подошел к поставцу с вином и наполнил бокал.

— Ты уже вышел в отставку? — спросил сэр Мэтью.

Джаспер уселся на стул с высокой спинкой.

— Пока нет, сэр, но, вероятно, скоро выйду. Отец хочет передать мне небольшое поместье, унаследованное им.

Сэр Мэтью удивленно вскинул брови. Меня всегда поражало его сходство со средневековыми учеными, однако я знала, что он не читает ничего, кроме племенных книг и родословных.

— Впервые слышу, что Адам получил наследство.

Джаспер пожал плечами:

— Умер какой-то родственник моей матери.

— Вот оно что!

Джаспер бросил на меня внимательный взгляд:

— Ты сегодня просто сияешь, Аннабель.

Меня выручил сэр Мэтью.

— Мы только что решили начать охотничий сезон пораньше, мой мальчик, — сообщил сэр Мэтью. — А при одной мысли об охоте Аннабель расцветает.

Я одарила гостя признательным взглядом.

— А где Стивен? — любопытно спросил сэр Мэтью. — Я еще ни разу не видел его с тех пор, как он вернулся с Ямайки.

— Он вместе с моим отцом просматривает конторские книги, — ответил Джаспер.

— Неужели? И чего ради он это делает?

— Понятия не имею, — холодно отозвался Джаспер.

— Стивен — человек весьма ответственный, — не без иронии заметила я. — Джералд назначил его опекуном и доверенным лицом Джайлза, поэтому он считает необходимым ознакомиться с тем, как идет управление нашим хозяйством.

— Стивен вполне мог бы положиться в этом деле на моего отца, — заметил Джаспер.

— Конечно, — согласилась я. — Но, видишь ли, твой отец не бессмертен. Если завтра с ним, не дай Бог, что-то случится, никто не разберется в уэстонских бухгалтерских книгах. Я, во всяком случае, ничего в них не понимаю. Только записываю расходы по хозяйству. — Удовлетворенная основательностью своих доводов, я добавила:

— Полагаю, Стивен поступил разумно, попросив Адама объяснить ему все, связанное с управлением поместьем.

Взгляд Джаспера немного потеплел. Я улыбнулась ему самой обворожительной улыбкой:

— А ты примешь участие в охоте?

Его волевое лицо просияло от радости.

«Джаспер — очень привлекательный молодой человек, — подумала я. — На наших местных собраниях и балах он разобьет немало девичьих сердец».

— Буду счастлив охотиться с тобой, Аннабель, — ответил он.

— Когда начнем? — спросила я сэра Мэтью.

— Завтра утром, — весело откликнулся он.

— Вот это сюрприз!

— Но ты же сказала, что вам надо выезжать лошадей.

— Да, — со вздохом ответила я.

— Ложитесь сегодня пораньше спать, — посоветовал сэр Мэтью.

— Пожалуй, я не в восторге, — заметил Джаспер. — Когда надо вставать, Аннабель?

— В четыре.

Джаспер сделал вид, будто поперхнулся вином. Это был его старый трюк, отработанный еще в детстве. Меня это всегда смешило. Улыбнулась я и на этот раз.

— Ну, меня тебе не одурачить, мой мальчик, — проговорил сэр Мэтью.

— Все военные приучены вставать рано утром.

— Четыре часа еще не «утро», — возразил Джаспер.

— Ерунда! — бросил сэр Мэтью, допил вино и встал. — Что ж, мне пора. Я должен сообщить эту радостную новость Клинтону.

Мистер Клинтон жил за деревней Уэстон, в Уайтоуке, очень славном поместье, принадлежавшем его семье еще со времен составления кадастровой книги при Вильгельме Завоевателе. В течение многих лет он исполнял обязанности помощника распорядителя охоты.

— Встретимся на обычном месте, — сказала я. Обычным местом был Маркет-Кросс неподалеку от деревни Уэстон.

— На обычном месте! — радостно воскликнул наш гость.

— Сэр Мэтью — самый прямодушный человек, которого мне доводилось встречать, — с усмешкой заметил Джаспер, когда дверь захлопнулась.

— Он отнюдь не глуп, — вступилась я за своего друга.

— А я этого и не утверждал.

— Ничто не поколеблет моей привязанности к сэру Мэтью, — сурово отчеканила я. Джаспер нахмурился:

— Надеюсь, ты не собираешься стать леди Стэнхоуп, Аннабель?

— Что ты сказал?!

Он смутился:

— Прости меня, Аннабель. Но ты сказала о своей привязанности к нему, вот я и

подумал... — Мой взгляд заставил Джаспера покраснеть. — К черту все это, Аннабель. Я только опасался, как бы Стэнхоуп не воспользовался твоей к нему... привязанностью.

— Сэр Мэтью питает ко мне чисто отеческие чувства. — Эти слова, к вящей моей досаде, видимо, не убедили Джаспера. — Не забывай, что ты брат Нелл, а не мой, — обозлилась я.

Он вскочил и стиснул спинку стула с такой силой, что костяшки пальцев побелели:

— Тебе незачем напоминать мне, что я не твой брат, Аннабель. Я это и так хорошо знаю.

Поняв, что он обижен, я ощутила легкие угрызения совести: в конце концов, Джаспер хотел только защитить, а не оскорбить меня.

— Прости меня, Джаспер, — сказала я. — Уверена, что у тебя были хорошие побуждения.

— Во всем, что касается тебя, у меня всегда самые хорошие побуждения.

Я улыбнулась:

— Знаю и очень радуюсь, что мои кузены живут здесь, в Уэстоне.

Наш разговор прервало появление Нелл.

— Извини за вторжение, Аннабель, но Джаспера ищет мама. Она хочет показать нашей гостье миссис Клинтон своего сына-солдата.

Джаспер тяжело вздохнул.

— Лавры героя ко многому обязывают, — рассмеялась я.

Другой такой болтуни, как миссис Клинтон, не было во всем Сассексе.

— Не скажешь ли маме, что меня нет дома?

Нелл возмущенно посмотрела на брата:

— Ты хочешь, чтобы я солгала маме, Джаспер?

— Упаси Боже, — пробормотал он. — Где они?

— В гостиной.

Джаспер извинился и вышел с таким мрачным видом, точно отправлялся на виселицу.

— Сегодня я поеду в деревню, чтобы получить выписанные мною книги,

— сказала Нелл. — Не составишь ли мне компанию, Аннабель?

— С удовольствием. А какие книги ты выписала?

Расположившись в кресле, Нелл начала рассказывать. Я была бы счастлива, если бы возобновилась наша прежняя дружба.

Побывать в деревне и сделать кое-какие покупки было очень приятно. На обратном пути я спросила, собирается ли Нелл посещать осенние собрания и балы в Брайтоне, ибо меня огорчало, что из-за смерти Джералда тетя Фанни отменила второй выезд дочери в свет.

— Кажется, ты опасаясь, что я останусь старой девой, Аннабель.

— Нет, конечно.

В прошлом месяце Нелл исполнилось двадцать. Записывать ее в старые девы было еще рано, но откладывать замужество на год-другой явно не стоило.

— В первый сезон тебе сделали немало предложений, — заметила я. — Не сомневаюсь, что кто-то из претендентов окажется подходящим.

Однако встретить такого можно, только бывая в свете.

Нелл вздернула свой маленький подбородок:

— С чего ты взяла, будто я хочу замуж?

Какой абсурд! Каждая англичанка, живущая во втором десятилетии девятнадцатого столетия, несомненно, стремится выйти замуж. Иного выбора у нее попросту нет.

— Ты очень любишь детей, а для того чтобы завести своих, нужно вступить в брак.

Нелл вздохнула:

— Наверное, ты права.

— А чем были плохи те, кто просил твоей руки во время первого сезона?

— Ни один из них не вызвал у меня пылких чувств, а я считаю, что нет ничего хуже, чем жить с нелюбимым.

Я невольно натянула поводья, Монарх насторожился, а затем, повинуясь команде, направился вперед.

— Такого совета я тебе не давала. — Признаться, меня удивила ее реплика.

— Если я не выйду за того, кого люблю, то лучше вообще откажусь от брака.

Значит, есть кто-то, кого она любит!

Боже правый! Стало быть, Нелл влюблена в одного из обитателей Уэстона?

Пристально глядя на дорогу, я перебирала в уме возможные варианты.

Может, это сын одного из фермеров? Вероятно, она молчит, зная, что отец никогда не позволит вступить в неравный брак.

От залива ползли низкие грозовые тучи; почти задевая горный хребет, они двигались к долине.

— Дело идет к дождю, — заметила Нелл. — Фермеры обрадуются.

— Поскольку праздник уже состоялся, мне безразлично, будет ли дождь.

По обеим сторонам дороги расстилались фермерские поля. Я перебрала в уме всех молодых людей, живущих в долине, но ни один из них, по моему убеждению, не мог бы пленить Нелл.

Надвигался дождь, и я пустила Монарха рысью.

— Надеюсь, мы успеем добраться, — проговорила Нелл.

«Но если это не сын фермера, то кто же?» — продолжала размышлять я.

И вдруг меня осенила догадка.

Боже, Нелл влюблена в Джека!

Увы, любовь к нему не сулит моей маленькой кузине ничего, кроме душевных мук и

страданий.

Все знают, что Джек — заядлый повеса. Он способен очаровывать птиц и зверей, а уж скольких аристократок ему удалось завлечь в свою постель, я и сосчитать не возьмусь.

«Джек даже не платит за ласки. Зачем? Ведь они для него всегда доступны», — так однажды сказал мне Джералд после бала, на котором мы встретили Джека с любовницей, женой молодого графа.

Джек слишком опытен и бессердечен для такой девушки, как Нелл.

Но тут я припомнила кое-что еще. В городе поговаривают, будто Адам дает за дочь богатое приданое. Так сказал мне Джек, когда мы обсуждали перспективы замужества Нелл.

А ведь именно Адам посоветовал Джеку найти невесту с солидным состоянием. А вдруг по иронии судьбы Джек выберет его дочь?

Когда мы въехали в уэстонский парк, небо было сплошь затянуто тучами.

— Температура упала градусов на десять, — дрожа от холода, заметила Нелл.

— Надень шаль, которую ты купила в подарок матери.

— Верно. — Нелл начала рыться в свертках с покупками.

Ветер усиливался. Вдалеке раздался удар грома. Нелл достала из свертка красивую шаль цвета слоновой кости.

— А тебе не холодно, Аннабель?

— Я провожу много времени на воздухе, поэтому не зябну.

— Так было всегда, — с неожиданной нежностью проговорила Нелл. — Помню, мама однажды заметила: «Аннабель — это лошадь в человеческом обличье».

Я усмехнулась:

— Значит, черт побери, моя сокровенная тайна раскрыта?

— Аннабель, дорогая! — Нелл довольно удачно имитировала голос матери. —

Пожалуйста, следи за своим языком, особенно в присутствии молодой девушки.

Мы обе расхохотались.

Не желая нарушать гармонии наших возобновившихся отношений, я умолчала о своей догадке, однако решила быть начеку и воспрепятствовать корыстным планам Джека.

***

Едва мы подкатили к парадному крыльцу, как начал накрапывать дождь. Один из лакеев вынул наши свертки, другой, сев на кучерское сиденье, направился в конюшню.

Дождь припускал все сильнее. Первым, кого я увидела в холле, был Джек.

Сняв соломенную шляпу, я весело сказала:

— Мы обогнали дождь.

Ходжес взял у меня шляпу, а Джек мрачно проговорил:

— Прошу вас пойти со мной в гостиную.

— Что случилось? — встревожилась я. — Надеюсь, с Джайлзом все в порядке?

— Джайлз здоров, Аннабель, — заверил меня Джек. — В гостиной я вам все расскажу.

Он плотно закрыл за нами дверь и тут же сообщил:

— В Стивена стреляли.

Кровь в моих жилах застыла от ужаса.

— Стреляли?

— Да.

Нелл издала тихий стон.

Мои пальцы сжались в кулаки.

— Его ранили?

— Пуля оцарапала ему висок.

— Боже мой! — Я ошеломленно уставилась на Джека.

— Оцарапала висок, — повторил он. — Стивен счастливо отделался.

— И где же это произошло?

— На холмах, где он гулял с Джайлзом.

Я замерла.

— С Джайлзом действительно ничего не случилось?

— Да, он-то и сбегал за помощью.

«Стивен поправится, — подумала я. — С Джайлзом все в порядке».

Мой страх сменился слепой яростью:

— Какой идиот мог стрелять в этих лесах?! — Бешенство ослепило меня.

— Заметив, что пуля кого-то задела, стрелявший немедленно скрылся.

— Кажется, мне лучше сесть, — услышали мы срывающийся голос Нелл и лишь тогда посмотрели на нее. Бледная как полотно, она, казалось, вот-вот упадет в обморок.

Я бросилась к ней, но Джек, опередив меня, подхватил ее на руки, как перышко, и бережно опустил на диван. Я открыла дверь и велела лакею принести нюхательную соль.

— Я чувствую... себя... такой дурой, — тихо пробормотала Нелл.

— Что за ерунда! — Джек сел возле девушки и погладил ее по голове точно так, как я глажу своих спаниелей. Да, новость ошеломила нас с ней.

— Джайлз в детской? — спросила я Джека.

— Да, под присмотром Юджи... мисс Стедхэм. Не беспокойся о нем, Аннабель.

— А где тетя Фанни? Пусть она позаботится о Нелл.

В последний раз погладив девушку, Джек поднялся:

— Тетя Фанни наверху, со Стивеном и доктором.

— А мама?

— Герцогская чета, слава Богу, на весь день отправилась в Брайтон.

У меня как гора с плеч свалилась.

— Я поднимусь наверх и попрошу тетю Фанни прийти в гостиную, Джек. Ты пока останешься с Нелл?

— Конечно.

Выходя из комнаты, я услышала, как Нелл слабым голосом спросила Джека:

— Ты уверен, что со Стивеном все в порядке?

Дверь в комнату Стивена была открыта, я увидела, что он сидит на стуле. Доктор Монроуз бинтовал ему голову, тетя Фанни держала поднос в руках. Они были слишком заняты пациентом, поэтому первым увидел меня Стивен.

— Входи, Аннабель, — сказал он. — Мы уже почти закончили.

Услышав звуки его голоса, я ощутила неизъяснимое облегчение и подошла ближе к нему. На фоне темных волос и кожи бинт поражал своей белизной.

Меня охватила дрожь при мысли, что пуля могла попасть в цель.

— Я только что сказал Стивену, как ему повезло. — Доктор Монроуз словно отозвался на мою мысль. Этот старик знал Стивена с рождения, ибо сам принимал роды.

— Почему-то я не испытываю счастья, — заметил Стивен. — У меня зверски трещит голова. — У него и в самом деле был неважный вид.

— Надо выяснить, что за идиот стрелял в этих лесах, — гневно сказала я.

— Нам всем хотелось бы это знать, Аннабель, — ответил доктор Монроуз.

— Адам и Джаспер отправились на место происшествия взглянуть, не оставил ли преступник каких-нибудь следов, — сообщила тетя Фанни.

Только тут я вспомнила о Нелл.

— Спуститесь, пожалуйста, в гостиную, тетя Фанни. Нелл чуть не потеряла сознание, услышав от Джека, что в Стивена стреляли.

— Господи! Что это с ней? Она не из тех, кто падает в обморок. — Тетя Фанни встревожилась.

— Нелл внезапно побледнела и, вероятно, упала бы, если бы Джек не подхватил ее.

— Сейчас пойду к ней.

— Может, мне взглянуть на нее?

— Сделайте милость, доктор.

Тетя Фанни ушла.

— Позаботьтесь, чтобы этот молодой человек несколько дней полежал, Аннабель. Кажется, он всю ночь не сомкнул глаз.

Пораженные его наблюдательностью, мы со Стивеном смущенно переглянулись.

— Хорошо, доктор Монроуз, — сказала я. Проницательные карие глаза оглядели меня с головы до пят.

— У вас сегодня чудесный вид, дорогая. Вы вся сияете, как это бывало в детстве.

— Спасибо на добром слове, доктор.

Монроуз принимал Джайлза и знал меня очень хорошо. Я потупилась, опасаясь, как бы мои глаза не выдали ему тайну, — Что ж, желаю вам обоим всего доброго. Пойду посмотрю, как Нелл.

— Всего хорошего, — откликнулись мы со Стивеном. — Спасибо вам, доктор.

Проводив его до двери, я подошла к Стивену.

— Странно, — сказал он. — Ты и впрямь вся лучишься, а у меня утомленный вид.

Поглощенная своими мыслями, я не сразу поняла смысл его слов.

— Значит, не мне, а тебе следует делать комплименты? — В моем тоне прозвучало раздражение.

За окном ярко вспыхнула молния, а через мгновение прогремел гром.

— Тебе страшно, Аннабель? — ласково спросил Стивен. — Хочешь залезть ко мне под одеяло?

Я и в самом деле была напугана, но не грозой, а силой своего желания, поразившего меня, подобно молнии.

— Нет. — Голос мой дрогнул. — Я хочу услышать от тебя обо всем, что произошло на холмах.

Он вздохнул:

— Девочкой ты была куда веселее.

— Вы с Джайлзом пошли на прогулку... — подсказала я.

При очередной вспышке молнии я присела на подлокотник кресла возле камина и выжидательно посмотрела на Стивена.

— Да, — начал он. — Мы направились по тропе к заливу: я обещал Джайлзу показать

место, где в детстве мы с Джаспером построили хижину. Мы очень веселились с Джайлзом, Аннабель, шутили и покатывались со смеху. Отыскав нужную тропинку, я повернул голову, чтобы указать ориентир, которым мы всегда пользовались, как вдруг услышал звук выстрела и что-то обожгло мне висок. Однако только увидев кровь, я догадался, что ранен.

— Боже милостивый!

— Я толкнул Джайлза на землю, лег сам и крикнул: «Не стреляйте. Здесь люди».

— И никто не ответил?

— Никто. Я слышал только какой-то шорох в лесу, но он быстро смолк. Стрелявший, видимо, испугался, поняв, что пуля угодила не в оленя.

— Олени не разговаривают, не смеются и не шутят, — мрачно заметила я. — Что же было потом?

— Когда опасность миновала, я поднялся. Повторных выстрелов не последовало, и я разрешил Джайлзу встать. Мы направились в Уэстон. У меня, кажется, кружилась голова. Мне не хотелось отпускать Джайлза, но он не послушался меня, побежал к дому и очень скоро вернулся с Джеком.

Снова вспышка молнии и раскат грома.

— Каким образом Джайлз нашел Джека так быстро?

— Джайлз встретил его в парке. Мы обменялись взглядами.

— Где именно?

— Там, где кончается тропинка, ведущая от холмов.

Меня не удивило бы, если бы сын встретил Джека возле конюшни.

— Джек не стал бы стрелять в тебя, Стивен, — неуверенно пробормотала я.

Его голубые глаза пристально посмотрели на меня.

— Я тоже так думаю, Аннабель.

— Вероятно, это был браконьер, принявший тебя и Джайлза за дичь.

— Вполне правдоподобное объяснение.

Я посмотрела в окно. От сильного ливня поникли цветы.

— Что было бы с тобой, если бы ты, указывая Джайлзу на ориентир, не повернул голову? — со страхом спросила я.

Ответом мне было молчание.

— Если бы... кто-нибудь... в самом деле замыслил дурное, он воспользовался бы тем, что ты не вооружен. Убить тебя было так же просто, как сидящую утку.

— Вот и я так думаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы вновь обменялись взглядами, не желая высказывать вслух зародившиеся подозрения.

— Гроза проходит, — заметила я и тут же спохватилась:

— Боже! Адам и Джаспер, вероятно, попали под ливень.

— Находиться сегодня на холмах рискованно, — устало проговорил Стивен.

Я быстро подошла к кровати и взбила подушки:

— Доктор велел тебе немедленно лечь.

Его глаза блеснули.

— Но одному, — твердо добавила я. Стивен не скрыл разочарования.

— Ну ладно.

Я поглядела на поднос, оставленный тетей Фанни:

— Доктор Монроуз не оставил ничего от головной боли?

— По-моему, нет.

— Я весьма ценю доктора Монроуза, но он хочет, чтобы мы все вели спартанский образ жизни.

— Придется это пережить, — сказал Стивен.

— У меня есть немного опия, можешь принять его.

— Зачем тебе опий? — удивился он.

— И у меня тоже бывает головная боль.

— Раньше этого с тобой не случалось. — Стивен нахмурился.

— Теперь случается.

Он нахмурился еще сильнее:

— И от этого лечишься опиумом?

— Теперь уже нет. Я попросила доктора Монроуза выписать его, а он рассердился и прочел мне лекцию о непоправимом вреде, причиняемом опиумом. Это так меня напугало, что я больше не принимаю его.

— И я тоже не хочу, — сказал Стивен.

— Однократный прием вполне безопасен, — заверила его я, но, поняв, что он не уступит, добавила, направляясь к двери:

— Я пришлю к тебе Мэтьюза. — Услугами этого лакея Стивен пользовался еще в Лондоне.

— Может, хоть поцелуешь меня?

Я колебалась.

— Аннабель! — взмолился он.

Я склонилась над сидящим Стивеном, слегка коснулась щекой повязки, затем поцеловала его в губы.

Он ответил на мой поцелуй с такой жадностью, что меня пронзило желание, но я, сделав над собой усилие, отошла от Стивена.

— Ты неисправим. — В моем голосе прозвучала твердость.

— Пять лет — долгий срок, Аннабель.

Я отошла еще дальше:

— Нам надо поговорить, Стивен. Не воображай, что ты просто снова войдешь в мою жизнь и все начнется с того, на чем мы остановились. Это невозможно.

Его голубые глаза потемнели.

— Тогда начнем все сначала.

Сердце мое неистово колотилось, в висках стучало.

— Мне пора идти к Джайлзу.

— Я отниму у тебя совсем немного времени.

Мечтая уступить ему, я все же покачала головой:

— Ты должен отдохнуть, а я — повидать сына.

Стивен тяжело вздохнул:

— Ладно. Позови Мэтьюза, и я лягу спать. Но только вряд ли усну.

— Шантаж — дело скверное, — заметила я. И вдруг лицо его озарилось лучезарной улыбкой.

— Верно! Прости меня, Аннабель, и скажи Джайлзу, что он очень смелый мальчик.

— Весь в отца. — Я плотно закрыла за собой дверь.

Джайлз сидел в детской с мисс Стедхэм и пил чай с пирожками. Мне страстно хотелось схватить его в объятия и прижать к груди, но я боялась испугать его, а потому лишь поцеловала его в макушку и как бы мимоходом заметила:

— Говорят, ты пережил еще одно приключение.

— Кто-то ранил дядю Стивена, — серьезно сообщил он. — Ты видела его, мама? Он здоров?

— Я только что от него. С ним все в порядке, дорогой. Он попросил передать тебе, что ты очень отважный мальчик.

— Его ранили в голову, — уточнил Джайлз.

— Знаю, но это не рана, а скорее царапина. По словам доктора, он скоро поправится.

Джайлз начал размешивать чай, в который всегда клал очень много сахара.

— Мне было очень страшно, мама, — признался он. — Дядя Стивен толкнул меня на землю, прикрыл своим телом и долго не разрешал мне встать.

— Он проявил разумную предусмотрительность, — пояснила я. — Если это был браконьер, он вел себя весьма глупо и неосторожно.

— А ты не думаешь, что он нарочно стрелял в дядю Стивена?

— Конечно, нет! — Я отвергла его предположение с излишней горячностью.

— Ну что ты, Джайлз, — вставила мисс Стедхэм, — зачем кому-то стрелять в дядю Стивена.

Не поднимая глаз, мальчик сосредоточенно помешивал чай.

— А может, этот человек стрелял в меня?

Мы с мисс Стедхэм изумленно переглянулись.

— Едва ли стреляли в тебя, Джайлз, — возразила я, стараясь говорить спокойно и убедительно. — Кому бы пришлось в голову такое?

Мальчик пожал плечами.

— По мнению дяди Стивена, — поспешила уточнить я, — кто-то из браконьеров охотился на оленя.

Джайлз кивнул.

— Не хотите ли чашечку чая, леди Уэстон? — предложила мисс Стедхэм.

— С удовольствием.

За чаем мы с мисс Стедхэм прикидывались оживленными и веселыми, тогда как Джайлз был непривычно молчалив.

Я ушла из детской встревоженная. Поведение сына свидетельствовало о том, что он не верит, будто в Стивена стрелял браконьер.

***

Моя мать и ее супруг вернулись к ужину, и нам пришлось объяснить им отсутствие Стивена и Нелл.

— Всех браконьеров надо отправлять на виселицу, — решительно сказал герцог. — Высылка — недостаточное наказание для них. Вздерните нескольких, и, уверяю вас,

браконьерство сразу пойдет на убыль.

Джаспер и Джек обменялись взглядами, убеждающими в том, что они не испытывают расположения к моему дорогому отчиму.

— Однако несколько тетеревов не стоят человеческой жизни, ваша светлость, — спокойно возразил Адам.

— Дело в принципе, — обронил герцог. — Начнут с твоих тетеревов, а кончат тем, что отнимут у тебя дом. Посмотрите, что стало с французами.

— Вы не нашли ни следов, ни улик? — спросила я Джаспера.

— К сожалению, нет, Аннабель. Сильный ливень смыл все.

— У меня теплилась надежда, что Стивен повзрослеет за пять лет, проведенные на Ямайке, но он остался прежним возмутителем спокойствия,

— с горечью заметила моя мать.

Все с крайним недоумением посмотрели на нее.

— Неужели, Регина, ты обвиняешь Стивена за то, что в него стреляли? — нерешительно спросил Адам.

— Я знаю одно: сейчас он наверху, с пулей в голове, а вчера пошла ко дну лодка, в которой он сидел. Почему-то ни с кем, кроме него, такого не происходит. — Мать бросила на меня взгляд. — По-моему, ты не должна допускать, чтобы Джайлз и Стивен проводили время вместе. Это опасно, Аннабель.

— О чем ты, мама?

— Скажу прямо: у Стивена куриные мозги, Аннабель. Поэтому с ним и случаются разные несчастья. Стивен не удосужился хорошенько осмотреть лодку, и она утонула. Он шлялся по лесу, отыскивая детскую хижину, и угодил под пули. Господи! — Красивое лицо мамы выражало брезгливость.

— Если уж люди отправляются в лес, то непременно с оружием. И если уж кто-нибудь стреляет, то они сами, а не в них.

Никому, кроме матери, не удастся так быстро привести меня в ярость.

— Кажется, тебе не по душе люди, живущие в моем доме, — заметила я. — Что ж, на твоём месте я не осталась бы здесь. — Резкий тон выдавал мои чувства.

В столовой воцарилась тишина. Я решительно посмотрела матери в глаза, не желая более терпеть, чтобы Стивена так поносили при мне.

Герцог с изумлением понял, что говорить дерзости умеет не только он.

— Сейчас же извинись перед матерью, — потребовал Сайе.

— И почему только у меня родилась такая глупая дочь! — патетически воскликнула его супруга.

— Кого-кого, а Аннабель глупой не назовешь, — возразила тетя Фанни, почти никогда не вступавшая в споры с моей матерью.

— Конечно, Аннабель — дура, — резко повторила мать, и я поняла, что она заметила происшедшую во мне перемену.

— Ты ведь знаешь, Регина, что Аннабель не выносит нападок на Стивена. Они всегда были как брат и сестра, — сказал Адам. — Не лучше ли нам прекратить неприятный спор и вернуться к ужину?

Джек и Джаспер вновь переглянулись.

— Намерения у тебя хорошие, Адам, но ты такой же дурак, как и моя дочь. — Мать встала. — Пошли, Сайе. Мы уезжаем.

— Но я еще не поужинал, Регина, — возразил герцог.

— Тебе незачем уезжать, мама, — сказала я.

— Не желаю быть нежеланной гостьей в твоём доме, — надменно заявила мать.

Разумеется, произнося слова «мой дом», я прекрасно знала, что задену ее за живое.

Когда моя мать встала, поднялись все мужчины и встревоженно наблюдали, как мы с матерью выясняем отношения.

— Я буду рада, если ты останешься, мама, но, пожалуйста, воздержись от оскорбительных замечаний по поводу других гостей.

Эти слова еще больше задели мать, никогда не считавшую себя гостьей в Уэстоне.

— Сайе! — раздраженно повторила она.

— Куда же мы отправимся в такой час? — растерялся герцог.

— В какую-нибудь брайтонскую гостиницу.

— Но, Регина... позволь мне хотя бы покончить с ужином.

Тут тетя Фанни попросила мою мать остаться, бросив при этом на меня умоляющий взгляд. Я сидела как каменная, не произнося ни слова и украдкой наблюдая за удаляющейся четой.

Все вдруг посмотрели на меня. Джек поднял бокал:

— За победительницу! — И лукаво улыбнулся.

— Аннабель, дорогая, — обратилась ко мне добрая тетя Фанни. — Неужели ты даже не попрашаешься с матерью?

Я сделала знак лакею, и он налил мне вино.

— Таково ее решение, — заметила я, поднимая бокал.

— Странный поступок для такой доброй девушки.

— Аннабель порой проявляет не меньшую расчетливость и холодность, чем Регина.

Насмешливый тон Джека раздосадовал меня.

— Перестань, Джек, — одернул его Джаспер. Но тот продолжал:

— Как жаль, что Нелл не видела поражения Регины. Пропустить такую потрясающую сцену!

Я поставила бокал:

— Если ты не замолчишь, Джек, я и тебя попрошу уехать.

— Это невозможно, Аннабель, — весело возразил он. — Кто, кроме меня, сумеет объезжать твоих новых лошадей?

Воспользовавшись паузой, Адам спросил:

— А правда, что сэр Мэтью начинает в этом году сезон раньше обычного?

Я ответила на этот простой вопрос слишком пространно, делая вид, будто не замечаю шуточек Джека.

С ним сладу нет, когда на него нападает такой стих.

Когда ужин закончился и мы с тетей Фанни оставили джентльменов за бутылкой портвейна, выяснилось, что мама и герцог уже уехали.

Я не испытывала угрызений совести, напротив, вновь обретенное чувство безопасности успокоило меня.

Покинув мужчин, мы с тетей Фанни поднялись наверх проведать наших больных.

Нелл читала книгу в кровати, но при нашем появлении она положила ее на тумбочку.

— Как ты себя чувствуешь, моя девочка? — Тетя Фанни положила руку на лоб дочери.

— Хорошо, мама. — Нелл посмотрела на меня и смущенно добавила:

— Сама не пойму, что со мной случилось, Аннабель. Я никогда еще не падала в обморок.

Короткие светлые локоны девушки блестели в свете свечей. Сейчас, в своей красивой ночной сорочке она так напоминала ту малышку, которую я знала с детства, что мне не удалось сдержать улыбку:

— Новость, конечно, ошеломила нас, но с Джайлзом и Стивеном все обойдется, Нелл.

— Да, я недавно заходила к Стивену; по-моему, нет никаких оснований для опасений.

— Тебе не следовало заходить в спальню к джентльмену, — наставительно заметила тетя Фанни.

— О, мама, Стивен в таком состоянии, что вряд ли станет посягать на меня, — раздраженно отрезала Нелл.

Вспомнив жадный поцелуй Стивена, я подумала, что она явно недооценивает его.

— Я никогда и не думала, что Стивен будет посягать на тебя, — возразила шокированная тетя Фанни.

— Просто Нелл не видит ничего неприличного в том, что навестила Стивена.

— В ночной сорочке?

— Она выглядит очень мило и в ночной сорочке, — сказала я. — Совсем как маленькая девочка.

Лицо тети Фанни просветлело. А вот Нелл насупилась.

— Я тоже хочу навестить Стивена, — проговорила я. — Вы составите мне компанию, тетя Фанни?

— Он, наверное, спит.

— Тогда мы не станем его будить, но мне надо удостовериться, что с ним все в порядке.

— Почему Аннабель можно заглядывать в спальню Стивена, а мне нет?

— раздраженно спросила Нелл.

Эти слова повергли тетю Фанни в полное замешательство.

— Аннабель — хозяйка дома, — спокойно ответила она. — И к тому же вдова, а не молодая незамужняя девушка.

Нелл выпятила нижнюю губу, что придавало ей еще большее сходство с ребенком:

— Но ведь сейчас она не замужем.

Служанка принесла ведерко воды для Нелл и, увидев нас, остановилась на пороге.

— Не обращай внимания на ее выходку, — попросила меня тетя Фанни.

— Надеюсь, к утру она вспомнит о хороших манерах.

Нелл вспыхнула, и я с сочувствием посмотрела на нее. Редкие укоры всеми уважаемой тети Фанни всегда причиняли большую боль, чем прямые оскорбления моей матери.

— Спокойной ночи, Нелл.

— Спокойной ночи, Аннабель, — ответила она, не поднимая глаз.

— Войдите, Мэри, — сказала я служанке, а мы с тетей Фанни направились в спальню Стивена.

Я тихо постучала, однако никто не отозвался. Мы заглянули в комнату, освещенную лишь лунным светом.

— Стивен?

Молчание.

Со свечой в руках я подошла к кровати. Лежа на спине, он спал глубоким сном. Волосы его блестели, щеки и подбородок заросли щетиной. Никогда я не видела такого красавца.

— Бедняжка! — шепнула тетя Фанни.

Я подавила острое желание прикоснуться к нему:

— Пусть отдыхает. Доктор считает, что сон для него — лучшее лекарство.

Мы тихо вышли из комнаты.

К моему удивлению, тетя Фанни пригласила меня в свою гостиную выпить с ней чашечку чаю.

Я согласилась, стараясь не выказывать любопытства. Когда они с дядей Адамом поселились у нас в доме, им отвели две большие смежные спальни. Одну из них тетя Фанни и превратила в гостиную. Я с удовольствием помогла ей осуществить это, ибо хорошо понимала, что супругам нужно уединение.

В гостиной мы расположились в удобных креслах, и тетя Фанни велела горничной принести чай.

— Я хочу извиниться за Нелл. — Тетя Фанни пригубила чай. — Не знаю, что на нее нашло в последнее время, Аннабель. В детстве она никогда не дерзила мне.

— Не извиняйтесь, тетя Фанни. Нелл для меня как младшая сестренка, а сестры имеют право высказывать друг другу все, что думают.

— Откровенность и грубость — разные вещи, дорогая Аннабель.

Я отпила чай.

— Дерзкие слова слетают и с моего языка. Так что вам не о чем беспокоиться, тетя Фанни.

— Честно говоря, я хотела бы посоветоваться с тобой, Аннабель. В последнее время Нелл совсем не считается со мной.

— Я этого не заметила.

Тетя Фанни поставила чашку и сложила руки на коленях:

— Пожалуй, это и в самом деле сильно сказано. Однако Нелл уже не прежняя девочка, старавшаяся всем угодить. Когда мы отправили ее в Лондон, что стоило немалых денег, она держалась очень замкнуто. Ты слышала, ей сделали четыре предложения! И все достойные люди, уверяю тебя.

— Не сомневаюсь. — Я и в самом деле знала всех претендентов на руку Нелл и считала их чрезвычайно достойными. — По ее словам, ни один из них не пробудил в ней чувства, — продолжала я. — Но ведь выйти замуж по любви — вполне законное желание, тетя Фанни. Вы сами вышли замуж за дядю Адама, потому что полюбили его?

— Он был очень милым молодым человеком. Добрым, красивым, с хорошими манерами. Я обрадовалась его предложению, готова была его полюбить и скоро действительно полюбила. Если молодой человек приятен, мил и нравится девушке, любовь обычно приходит. Беда, однако, в том, что Нелл не понравился ни один из молодых людей, предлагавших ей руку и сердце. Вероятно, она знала, что так и будет. — Тетя Фанни с беспокойством поглядела на портрет юной Нелл. — Боюсь, она в кого-то влюблена.

— Неужели?

— Интересно, кто бы это мог быть? — задумчиво проговорила тетя Фанни.

Я приняла сосредоточенный вид. Мне совсем не хотелось упоминать о Джеке и беспокоить добрую женщину.

— Может, она влюбилась в Лондоне? Ведь вы знаете лишь тех, кто делал ей предложение.

— Едва ли. Нелл вообще не хотела выезжать в свет и говорила отцу, чтобы он не

выбрасывал деньги на ветер. А как по-твоему, с чего вдруг такая молодая девушка, как Нелл, отказывается выйти в свет?

— Увы, я бессильна помочь вам. В детстве мы с Нелл были очень близки, но с некоторых пор она перестала делиться со мной.

— А что, если Нелл тайно влюблена в Стивена?

Я открыла рот от удивления:

— В Стивена?

— Да, пока Стивен был на Ямайке, Нелл каждый месяц писала ему.

Я об этом не подозревала.

— Нелл было всего пятнадцать, когда Стивен уехал. В таком возрасте обычно не возникает прочная привязанность.

— Я и не говорила о прочной привязанности.

У меня не хватило духу заявить тете Фанни, что она ошибается.

— Нелл упала в обморок, услышав, что в Стивена стреляли.

— О Господи, Господи, Господи! — застонала тетя Фанни. — Что же мне делать?

Мысль о том, что Стивен может стать ее зятем, явно приводила тетю Фанни в ужас, и я ринулась на его защиту:

— Разве вы не считаете Стивена подходящей для нее партией, тетя Фанни? Вы же знаете, он отнюдь не беден. И я полагала, что Стивен нравится вам.

— Нравится, и даже очень. Не любить его просто невозможно. Но как муж для Нелл — нет, нет и нет!

Я бы убила Нелл, вздумай она и в самом деле выйти замуж за Стивена, но меня возмущало, что тетя Фанни так решительно отвергает его.

— По-моему, о Стивене нельзя сказать ничего плохого.

Только тут тетя Фанни поняла, что обидела меня.

— Я ничего не имею против Стивена, Аннабель. Тебе незачем так ревностно защищать его. Однако, несмотря на все его достоинства, не могу считать его подходящим мужем для Нелл.

Упоминание о достоинствах несколько смягчило меня.

— Почему же? — любопытствовала я.

— Потому что главное место в сердце Стивена всегда будешь занимать ты, Аннабель.

Я растерянно смотрела на нее, не зная, что сказать.

— Нелл всегда была второй скрипкой, дорогая. Поэтому-то я и хотела отправить ее в Лондон, подальше от Уэстона, где, рядом с тобой, она всегда будет в тени. По этой же причине я отказалась от твоей помощи в подготовке ее первого выезда в свет. И мне страшно, что Нелл будет страдать из-за своей любви к Стивену.

Я прижала руку к груди. Сердце мое разрывалось.

— Разве я плохо отношусь к Нелл?

— Нет, я знаю, что ты искренне любишь ее, как, впрочем, и она тебя.

Мои глаза задержались на портрете двенадцатилетней Нелл, серьезно смотревшей на меня. Она сидела в бриджах на мохнатом пони. Я хорошо помнила то лето, когда был написан этот портрет.

— Ты ничуть не виновата, Аннабель, в том, что являешь собою недостижимый образец для всякой молодой девушки.

— Красивая внешность — далеко не все, — энергично возразила я.

Тетя Фанни пожала плечами:

— Я говорила не об этом.

Меня охватило замешательство.

— Тогда о чем же?

Она улыбнулась мне с искренней нежностью:

— Как соперница, ты чрезвычайно опасна, особенно потому, что не признаешь этого.

Крайне смущенная, я попыталась вернуть разговор в его прежнее русло:

— Всю зиму в Брайтоне будут ассамблеи и балы. Нелл следует посещать их. Надеюсь, там она встретит человека, который понравится ей больше, чем лондонские светские львы.

Тетя Фанни вздохнула:

— На это надеюсь и я и даже хочу снять дом на зиму в Брайтоне, Аннабель. Нелл необходимо увезти из Уэстона, тем более теперь, когда вернулся Стивен.

Мне оставалось лишь согласиться.

В кого бы ни влюбилась Нелл, в Стивена или Джека, ее не ждет ничего, кроме страданий. Да, для Нелл лучше всего уехать с матерью в Брайтон.

Расставшись с тетей Фанни, я пошла в свои апартаменты. Марианна ужаснулась, услышав, что меня надо разбудить в половине пятого.

— Мне предстоит встретиться с сэром Мэтью, — объяснила я. — А до Маркет-Кросс полчаса езды. Поэтому придется встать спозаранку.

— Слушаюсь, миледи.

— Не изображай из себя мученицу. После моего ухода можешь лечь спать.

При этих словах она немного успокоилась.

— Прикажете приготовить ваш охотничий костюм сейчас, миледи?

— Не в половине же пятого искать его!

Как только Марианна ушла, я легла и зарылась в подушку. Несмотря на усталость, сон не шел ко мне, и я вновь и вновь проигрывала в уме вчерашнюю сцену.

«Шесть месяцев — чертовски долгий срок».

Эти слова Стивена недвусмысленно свидетельствовали о его намерениях.

Да, теперь единственное препятствие на нашем пути — необходимость полгода соблюдать траур.

«Начнем все заново», — предложил он.

Я легла на бок и уставилась во тьму. Страницы книги, оставленной мною на столике у окна, шелестели под легким ветерком.

Нет, нам со Стивеном не удастся начать все заново. Его предательство, как тень, омрачило нашу любовь.

Однако я выйду замуж за Стивена, потому что всегда любила его, люблю и буду любить.

Но ничто не вернет те светлые, точно озаренные солнцем годы, когда я черпала душевный покой в уверенности, что Стивен принадлежит мне, а я — ему.

«Главное место в сердце Стивена всегда будешь занимать ты, Аннабель».

Некогда я, как и тетя Фанни, не сомневалась в этом. Но теперь у меня появились сомнения, и этого я никогда не смогу простить ему.

Казалось, я только заснула, а Марианна уже разбудила меня и помогла мне одеться. В столовую я вошла ровно в пять. К этому времени Ходжес, да благословит его Господь, подал на стол кофе и булочки. Сонные Джек и Джаспер уже завтракали.

Я налила себе кофе и выпила его с таким наслаждением, будто это был божественный нектар.

В пять пятнадцать едва начало светать, и мы втроем отправились в конюшню. Вскочив на оседланных лошадях, мы в пять тридцать поскакали на встречу с сэром Мэтью.

Охота на лис — дело благодарное, хотя и не слишком азартное. Каждая молодая гончая сэра Мэтью была в паре со старшей и таким образом перенимала ее повадки. В это приятное утро мы проделали большую часть пути пешком, ведя лошадей на поводу.

Терпение и выдержка, как ничто другое, помогают лошадям привыкнуть к собакам и лесистой местности. Снэп участвовал в охоте весь прошлый сезон, поэтому в отличие от меня и Джека Джаспер чувствовал себя вольготно.

Мы же, сидя на необученных чистокровках, были все время начеку, опасаясь, как бы нервные лошади не лягнули копытами одну из гончих.

Мне всегда очень нравилось охотиться с Джеком. Проявляя ужасное нетерпение к

людям, он был исключительно терпелив с лошадьми, и я с удовольствием наблюдала за ним. Молодой жеребец, на которого он сел в это утро, пришелся ему очень по душе, и Джек то и дело повторял: «Этот Аладдин — суцая находка, Аннабель».

Джаспер, также превосходный наездник, еще не избавился от повадок кавалерийского офицера. Впрочем, его властность ничуть не смущала Снэпа, поэтому, глядя на них, я радовалась, как сводня, их взаимной симпатии.

Молодые гончие прекрасно справлялись со своим делом, лошади тоже неплохо проявили себя, и к девяти часам сэр Мэтью объявил, что, по его мнению, обучение прошло очень хорошо. Мы расстались в нескольких милях от Стэнхоупа, сэр Мэтью и мистер Клинтон повели гончих на псарню, а мы направились в Уэстон-Холл.

Мы с Джаспером зашли в столовую и увидели завтракающего Стивена.

— Разве тебе можно вставать? — спросил Джаспер тем грубоватым тоном, которым мужчины обычно выражают свое сочувствие.

— Со мной уже все в порядке. — Стивен взглянул на меня.

Его взгляд глубоко взволновал меня. Чтобы не выказать своих чувств, я направилась к буфету, положила на тарелку еды и лишь потом села рядом со Стивеном.

— Проголодалась? — чуть насмешливо спросил он.

— В отличие от тебя я встала в четыре тридцать.

— У меня совсем нет сил, — с укором ответил он, и мне стало ясно, что он говорит вовсе не о последствиях своего ранения.

Я молча взяла кусок бекона.

Тут появился Адам:

— Никто не хочет посмотреть «Пост»?

Джаспер взял у отца газеты, собираясь почитать за столом.

Вошел Ходжес и подал Стивену конверт:

— Письмо пришло вчера вечером, сэр. Простите, что не принес вам сразу. Была такая суматоха.

Стивен посмотрел на печать.

— Спасибо, Ходжес. — Бросив на меня взгляд, он спросил:

— Не возражаешь, если я прочту?

— Конечно, нет.

В столовой воцарилось молчание, поскольку Стивен читал письмо, а Адам и Джаспер — газету.

Склонившись над тарелкой, я размышляла, почему задержался Джек.

Стивен аккуратно сложил исписанный лист бумаги:

— Завтра в Брайтон прибывает Том Кларксон. Меня просят приехать туда и принять участие в митинге за отмену рабства.

Адам отложил газету:

— Но ты не можешь отправиться в Брайтон, Стивен. Ведь только вчера тебя ранили!

— Я уже хорошо себя чувствую, дядя Адам. — Стивен рассеянно похлопал письмом по столу. Его мысли витали очень далеко отсюда.

— Разве Кларксон собирается не на Венский конгресс? — спросила я.

— Он непременно поедет туда и отвезет петиции с просьбой об отмене рабства. Под ними подписалось более полутора миллионов людей.

Джаспер оторвал взгляд от газеты.

— Цифра, конечно, внушительная, Стивен, но убедят ли в необходимости такого шага петиции одних англичан? Ведь другие народы не высказывались по этому поводу.

Покончив с беконом, я взяла себе чашку кофе.

— Многочисленные митинги и петиции заметно повлияли на наших министров, поэтому отмена рабства станет приоритетным вопросом на мирных переговорах. Кларксон утверждает, что страна с небывалым единодушием высказалась по поводу работорговли.

Слова Стивена, однако, не убедили Джаспера.

Адам же твердо повторил:

— Тебе нельзя отправляться завтра в Брайтон.

Зная упрямство Стивена, я решила не спорить с ним.

— А Кларксон не предлагал тебе отправиться с ним в Вену? — спросила я.

— Нет. По его мнению, я принесу больше пользы нашему делу, находясь в Англии. К тому же такой молодой человек не произведет должного впечатления на венских делегатов.

В его голосе прозвучала знакомая мне горечь.

«Ну почему я так молод?» — с детства повторял Стивен.

— Молодость не мешает занять место в парламенте, — возразила я. — Посмотри на Питта. Он стал премьер-министром в двадцать четыре года.

— Ты собираешься выставить свою кандидатуру на парламентских выборах? — удивился Джаспер.

— Да.

— Вот уж не предполагал, что у тебя такие честолюбивые замыслы, — нахмурившись, заметил Адам. — Вот уже пятнадцать лет депутат от Уэстона Петтигрю, но если хочешь, мы можем выдвинуть его от какого-либо другого избирательного округа.

— Я не хочу быть кандидатом от Уэстона, дядя Адам, и ни за что не стану представителем тори в парламенте. Уэстон же, насколько мне известно, всегда был вотчиной тори.

— Уэстон проголосует за Грэндвила, к какой бы партии он ни принадлежал. Я понимала, что Адам прав.

— Я выдвину свою кандидатуру от кентского поместья дяди Фрэнсиса. А он всегда был последовательным вигом.

— И к тому же крайне немногословным, — усмехнулся Джаспер. — Надеюсь, что новый сменивший его депутат обретет голос. Готов держать пари, что у тебя уже написана первая речь.

— Да, я знаю, что именно сказать, — серьезно ответил Стивен.

Я налила ему и себе кофе из серебряного кофейника:

— Но содержание твоей речи пока секрет?

— Ничуть нет. Я выступлю в защиту билля о регистрации рабов.

— И какая же польза в регистрации рабов? — удивилась я.

— Перепись поможет оценить последствия отмены работорговли на аборигенов, живущих на островах. Мы выясним, не ввозят ли карибские плантаторы новых рабов на острова, нарушая тем самым законы. Уверяю тебя, Аннабель, регистрация рабов даст нам данные, необходимые для освобождения всех черных рабов в британских колониях.

— Плантаторы никогда не примут билля о регистрации, — спокойно проговорил Адам.

— Их принудят к этому, — бросил Стивен. Я поднялась, жестом попросив мужчин не вставать.

— Куда ты? — спросил Стивен.

— В детскую. Повидать Джайлза.

Он одобрительно кивнул.

Бросив взгляд на Джаспера, я заметила необычно мрачное выражение его лица и спросила, что с ним.

Он тотчас просветлел:

— Ничего. Наша утренняя прогулка доставила мне большое удовольствие, Аннабель. Спасибо, что пригласила меня.

— Вы не могли бы уделить мне немного времени, дядя Адам? — Стивен поставил чашку на стол.

— Неужели ты собираешься сегодня просматривать папки? Ведь у тебя, наверное, болит голова?

— Не очень.

— Ты уж извини, но я обещал Чарли Хатчинсону поглядеть утром его крышу. Во время вчерашней грозы она протекла.

Я вышла и затворила за собой дверь столовой.

Меня удивило, что в детской до сих пор завтракают. Увидев же, что с моим сыном и мисс Стедхэм разделяет трапезу Джек, я пришла в недоумение. Особый завтрак для детей подавали в Уэсто-не с давних пор: он состоял из горячего шоколада, булочек с маслом и джема. По сравнению с этим в столовой было настоящее пиршество.

— Неужели ты пьешь горячий шоколад? — спросила я Джека.

— Да, и нахожу его очень вкусным. — Он непринужденно улыбнулся.

— Джек обещал отвезти сегодня нас с Джени в Уэст-Хейвен, мама. Мы купим там змею и будем запускать его на берегу бухты.

Уэст-Хейвен — небольшой портовый городок на берегу залива, к западу от Уэстона.

— Если вы, конечно, позволите, леди Уэстон, — быстро вставила мисс Стедхэм.

Заметив, что ее щеки порозовели, а глаза сияют, я перевела взгляд на красавца Джека.

Интересно, что за игру он затевает. Меня смущала его лукавая улыбка. Более того, настораживала.

— Мне можно поехать, мама? — спросил Джайлз.

— В Уэст-Хейвен — да, но прошу тебя держаться подальше от бухты.

— Но я хочу пускать змея!

Услышав упоминание о бухте, Джек нахмурился. Ему явно хотелось вступить за мальчика, но он лишь заметил:

— Можно пускать змея и на пляже в Уэст-Хейвене, Джайлз. Совсем не обязательно ходить к бухте.

— Но бухта нравится мне больше, чем пляж в Уэст-Хейвене, — упрямылся тот.

— Может, лучше всего остаться дома? — прозвучал спокойный, рассудительный голос гувернантки.

Поняв, что обещанная прогулка под угрозой, Джайлз испугался.

— Нет, Джени. Мама ведь не просила нас остаться дома.

— Я разрешила тебе отправиться в Уэст-Хейвен, Джайлз. Но не к бухте.

— Но ведь Джек обещал, что мы не пойдем к бухте. Верно, Джек?

— Верно.

— Видишь, Джени, — настаивал мой сын. — Мы пойдем только в Уэст-Хейвен.

Выйдя из детской, я попросила Ходжеса принести кофе в мой кабинет, села за стол и склонилась над домашней книгой расходов.

Изучив меню, составленное на следующую неделю нашим поваром, я начертала на нем слова одобрения, однако заменила нелюбимый Стивенем рыбный суп на другой. Затем принялась за счета. Все домашние счета оплачивал Адам, но учет вела я. Это занимало довольно много времени, но каждую неделю мне приходилось исполнять свой долг и проверять все домашние расходы: жалованье слугам, налоги, счета молочной фермы и т.д. Для каждой статьи расхода была предназначена своя месячная, квартальная и годовая счетная книга, где фиксировались траты на питание, закупку лекарств и благотворительные дела.

Взяв перо, я взглянула на первый же оплаченный счет и внесла сумму в счетную книгу.

Минут через пять мои глаза рассеянно уставились в счет за восковые свечи, тогда как мысли унеслись очень далеко от хозяйственных обязанностей.

Джек, несомненно, что-то замышляет. Не может быть, что он находит удовольствие в общении с Джайлзом и потому оказывает ему такое внимание. Болтовня пятилетнего мальчика неинтересна взрослому мужчине.

Поразмыслив, я нашла несколько возможных объяснений странного поведения Джека.

Возможно, Адам прав: Джек пытается заслужить мое расположение и понимает, что легче всего для этого подружиться с Джайлзом.

Но тогда почему он сказал мне о том, что ему надо искать себе богатую невесту? Едва ли Джек стал бы делиться этим со мной, если бы имел на меня виды.

Откинувшись на спинку кресла и скользнув взглядом по картине Стаббса, я вернулась к своим размышлениям.

Если Джек проявляет такое внимание к Джайлзу не ради меня, то почему?

И тут я догадалась. Мисс Стедхэм — вот кто нравится Джеку.

Но поскольку гувернантка еще беднее, чем он, у него вряд ли благородные намерения.

Я вспомнила, как сияла мисс Стедхэм в детской.

Бедняжка, конечно же, очарована Джеком, и ее трудно в этом винить.

Уж он-то, если захочет, умеет быть неотразимым. К тому же Джек очень хорош собой, как и все Грэнвиллы. А мисс Стедхэм весьма неопытна.

Вздыхнув, я мрачно подумала, что только, этого мне и не доставало. Будто своих забот мало!

Однако чувство долга заставило меня вернуться к счетам и вписать в счетную книгу сумму, израсходованную в июле на покупку свечей.

Мисс Стедхэм светилась сегодня утром, как свеча, пришло мне на ум неожиданное сравнение.

Положив перо, я откинулась назад и уставилась на любимого Стаббса. Нет, нельзя допустить, чтобы Джек соблазнил бедную девушку!

Но как предотвратить беду? Не увольнять же мисс Стедхэм. Эта работа ей жизненно необходима.

Но, кроме того, мисс Стедхэм нужен муж. К сожалению, гувернантки почти лишены возможности встретить достойного человека, готового составить их счастье. А Джек, вне всякого сомнения, не женится на девушке еще более бедной, чем он сам.

Вот Джаспер ей подошел бы. Если он решит обосноваться в Нортгемптоншире, ему нужна жена, а лучше мисс Стедхэм ему все равно не найти. Она, как и Джаспер, любит сельское уединение.

В блестящем замысле было, впрочем, одно слабое место: я ни разу не замечала, чтобы прелестная гувернантка хоть немного интересовалась Джаспером.

Взглянув на маленькие настольные часы, я с удивлением осознала, что утро уже кончилось, и я взялась за следующий счет.

Взглянув на итоговую сумму счета на сахар, я подумала, что, если бы все английские хозяйства поглощали так много сахара, ямайские плантаторы наживали бы миллионы.

«Следует сказать Джайлзу, — решила я, — чтобы он не пил такой сладкий чай».

Записав сумму, я приступила к другому счету.

Может, сделать так, чтобы мисс Стедхэм и Джаспер почаще встречались?

Я недовольно покачала головой, заметив, что на обновление драпировок в одной из комнат ушло слишком много денег.

Дядю Адама, конечно, не обрадует, если его сын женится на бедной девушке, но я бы приветствовала этот брак. Мисс Стедхэм, прелестная, добрая девушка, составит счастье любого мужчины.

Однако прежде чем приступить к осуществлению этого плана, мне придется под благовидным предлогом отослать куда-нибудь Джека. Я не призналась даже себе, что у меня есть и другие причины желать избавиться от Джека.

Я опять положила перо и подняла взгляд на скачущих лошадей. Нет, нет, нельзя подозревать, что Джек способен причинить вред Стивену и Джайлзу.

Отдохнув после обеда, я решила съездить в деревню Уэстон и купить кожаные перчатки, которые накануне видела в лавке мистера Уайта. Собаки радостно прыгнули на сиденье фаэтона.

В лавке я встретила Сьюзен Фентон, и мы зашли поболтать в чайную миссис Комптон. Она была ошеломлена, узнав от меня о ранении Стивена.

— Но ведь в этих лесах никто не браконьерствует, миледи!

— Кстати, Сьюзен, не называй меня больше миледи, прошу тебя.

Вообще только желание Джералда заставило ее так официально обращаться ко мне.

— Хорошо, — сказала она, улыбнувшись, и убежденно повторила:

— В этих лесах никто не браконьерствует, мисс Аннабель.

— Не знаешь, контрабандная торговля в бухте еще продолжается? — спросила я. — Ведь Джем Уошберн вернулся.

— Он никогда не стал бы стрелять в мистера Стивена, — не раздумывая ответила Сьюзен, хотя и не отрицала, что Джем занимается контрабандой.

— А я и не утверждаю, что в Стивена выстрелил Джем. Возможно, кто-то из контрабандистов прятал в лесу товар и испугался, что Стивен застанет его за этим занятием.

Сьюзен задумчиво помешала чай.

— Не знаю...

— Вам ничего больше не нужно, миледи? — спросила меня хозяйка чайной.

На лице миссис Комптон сияла умиленная улыбка. Эта женщина радовалась моему приходу и непременно усаживала меня у переднего окна, на виду у всех.

— Спасибо, все хорошо.

Улыбка обнажала щербатые зубы миссис Комптон, придавая ей сходство с озорным мальчишкой.

— Я только что испекла булочки, миледи.

— У вас чудесные булочки, миссис Комптон. Я всегда обожала их, особенно когда сверху они посыпаны лесными орехами.

Улыбка хозяйки стала еще шире.

— Я помню, вы с детства любили мои булочки с орехами.

Миссис Комптон отошла, а мы вернулись к нашей беседе.

— Я знаю, что в этих краях все еще промышляют контрабандисты, Сьюзен. Джералд, как и его отец, получал от них коньяк.

Это крайне угнетало меня. Граф и Джералд пришли в неистовство, выяснив, что Стивен связан с контрабандистами, но сами не гнушались покупать товар у этих людей.

— Боб все еще кое-что получает от них, — призналась Сьюзен. — Но едва ли они прячут свой товар в здешних лесах, которые, как всем известно, принадлежат вам.

— Стивена застали на тропе, ведущей к холмам, — напомнила я.

— Возможно, эти джентльмены и пользовались тропой для доставки прибывающих в бухту товаров, но уверена, они никогда ничего не прятали в здешних лесах.

— Может, кто-то из контрабандистов перетаскивал свой товар, когда услышал шаги Стивена, и страх заставил его выстрелить?

— Едва ли, мисс Аннабель. Что делать здесь контрабандистам днем?

Насупившись, я усталилась в свою чашку. Жаль, что Сьюзен не согласилась со мной. Впрочем, вероятно, права она, а не я.

В чайную вошел сэр Мэтью, и мы обменялись приветливыми улыбками.

Я рассеянно отщипывала кусочки булочки, а Сьюзен молча пила чай. Она умела держать язык за зубами, и я решила выложить ей все начистоту:

— Мне не хотелось бы, чтобы об этом судачили, но Стивена не убили только потому, что в момент выстрела он повернул голову.

Рука Сьюзен, потянувшаяся к чайнику, застыла.

— Трудно поверить, что такой меткий выстрел — случайность, — добавила я дрогнувшим голосом. — Видимо, кто-то хотел убить Стивена.

Сьюзен, сложив руки на коленях, посмотрела на меня расширившимися от ужаса глазами:

— О, Аннабель!

— Сама понимаешь, как это тревожит меня.

Сьюзен покачала головой:

— Не стану утверждать, что контрабандисты бросили свои дела, но никто из них не стал бы стрелять в Стивена.

— Может, они не знали, что это Стивен. — Я все еще цеплялась за свое предположение. — Контрабандисты увидели в лесу человека, испугались и выстрелили.

— Вряд ли стрелявший не знал, в кого целился. Ведь на тропе могли оказаться вы, мисс Аннабель, а уж на вас-то никто не поднял бы руку.

Простая логика ее слов сразила меня. До сих пор мне и в голову не приходило, что опасности подвергаюсь и я.

— Все это очень странно, — заметила я. — Кстати, Стивен был не один, а с Джайлзом.

— С Джайлзом?! — ужаснулась Сьюзен. — Надеюсь, с ним ничего не случилось?

Мои пальцы превратили булочку в крошево. Бедная миссис Комптон огорчится.

— Мальчик испугался, но не верит, что это был случайный выстрел.

— Уж в вас-то никто не посмеет выстрелить, мисс Аннабель, — повторила Сьюзен.

— Тот, кто боялся быть застигнутым на месте преступления, выстрелил бы в меня. Особенно если бы знал, что я не питаю к нему расположения. — «Как, например, к Джему Уошберну», — мелькнуло у меня в голове.

Мне очень не хотелось расставаться с версией о причастности к этому контрабандистов. Как ни скверно это предположение, оно предпочтительнее других.

— Не верю, чтобы через наши леса проносили контрабанду, — возразила Сьюзен. — Но даже если и так, убеждена: никто, спасая свою шкуру, не выстрелил бы ни в вас, ни в мистера Стивена.

Увы, я и сама в такое не верила.

Ощувив себя в тупике, я все же выдвинула еще одно предположение:

— Допустим, это была не случайная встреча. А что, если кто-то из контрабандистов, с которыми Стивен имел дело пять лет назад, устроил на него засаду? — Магистрат требовал особо сурового наказания для Стивена, потому что он отказался назвать своих сообщников. — Вдруг они опасались, что теперь Стивен назовет их?

— Мисс Аннабель, всякий человек, мало-мальски знающий Стивена, поймет, что он не способен на это.

Я удрученно поглядела на нее:

— Значит, по-твоему, это не контрабандист?

Она покачала головой.

— И не браконьер?

— Нет.

— Стало быть... ты думаешь, что кто-то покушался на Стивена?

Глаза Сьюзен казались огромными на ее побелевшем лице.

— Похоже на то.

— Но если Стивена вознамерились убить, то почему не сделали этого? Ведь он был безоружен.

— Однако стрелявший этого не знал, — заметила Сьюзен. — Отправляясь в лес, джентльмены обычно берут с собой оружие. Вполне возможно, что Стивен и Джайлз знали этого человека, и он боялся, как бы они не увидели его.

Как только Сьюзен высказала вслух мои худшие предположения, ужас сковал мне сердце.

— Это мог быть неизвестный им человек, — в отчаянии возразила я. — Сейчас, после войны, в эти края возвращаются многие и скрываются в лесах. А что, если одного из них испугали голоса Стивена и Джайлза?

Сьюзен посмотрела на меня с жалостью:

— Предупредите мистера Стивена, чтобы он был осторожнее.

К нам подошла Эмили Стэнхоуп, незамужняя сестра сэра Мэтью, и любезно осведомилась:

— Как прошла сегодняшняя охота, Аннабель?

— Очень хорошо. Спасибо, мисс Стэнхоуп. Сэр Мэтью, кажется, остался доволен.

— О, Мэтью всегда готов подняться среди ночи и скакать по лесам следом за любимыми гончими> — иронически заметила мисс Стэнхоуп, никогда не принимавшая участия в охоте.

Я не стала уточнять, что, охотясь на лис, лошадей не пускают вскачь, а только добавила:

— У сэра Мэтью есть основания гордиться своими гончими.

— Он рожден для охоты, — столь же иронично проговорила мисс Стэнхоуп.

Вскоре она ушла, а мы со Сьюзен, не сговариваясь, решили сменить прежнюю тему.

— Надеюсь, вчерашняя гроза не причинила вам ущерба? — спросила я.

— У нас затопило только хлев, но не все отделались так легко.

— Да, мистер Грэндвил сказал, что у Хатчинсонов протекла крыша. Надеюсь, это поправимо.

— Эмма говорит, что у них по всему дому расставлены горшки. Чарли вот уже четыре года просит починить ему крышу. Может, теперь сделают новую.

— Надеюсь.

Заметив, что я собираюсь уйти, Сьюзен сказала:

— У меня есть интересная для вас новость, мисс Аннабель.

Ее глаза так загорелись, что я поняла: новость и впрямь необычная.

— Мариэтта Адаме выходит замуж за Джема Уошберна.

— Не может быть!

— Они стали встречаться через несколько недель после возвращения Джема.

— Неужели Джордж Адамс дал согласие на этот брак? — У Джорджа Адамса единственного во всей долине кузнеца, дела шли весьма недурно, поэтому его дочь

считалась завидной невестой.

— Видимо, Джем вернулся домой не с пустыми руками. Он уплатил все долги, висевшие на ферме, и хочет сам обрабатывать землю. Мистер Грэндвил сдал ему ферму в аренду.

— Интересно, откуда у Джема деньги?

— Не все ли равно, — возразила Сьюзен. — Теперь он стал честным человеком. Конечно, ферма запущена, но земля очень хорошая. Джем собирается выращивать на ней хмель, поскольку цена на пшеницу падает. Боб тоже подумывает об этом.

— Когда свадьба?

— Как только Джем вернется.

— Он уехал?

— Да, отправился в Кент посмотреть, как там выращивают хмель.

Джем в Кенте? А может, он занимается какими-нибудь контрабандными делами поближе к дому?

Я всегда была уверена, что именно Джем пять лет назад втянул Стивена в грязные дела. Из-за него Стивену и пришлось уехать на Ямайку.

Я не доверяла Дjemu, не любила его и в отличие от Сьюзен не считала, что он дружески расположен к Стивену.

***

Вернувшись домой, я первым делом заглянула в детскую. Джайлз и мисс Стедхэм пили чай. Одни, без Джека. Загоревший за этот день мальчик подробно рассказал мне, как запускал змея в Уэст-Хейвене. Он явно был доволен.

Перед уходом я пригласила мисс Стедхэм на ужин, решив устроить так, чтобы дядя Адам повел в столовую тетю Фанни и меня, Джек — Нелл, а Джаспер — гувернантку.

Затем я зашла сказать миссис Нордлем, чтобы она поставила прибор для мисс Стедхэм, и застряла здесь на добрых полчаса, выслушивая отчет об ущербе, нанесенном грозой.

Миссис Нордлем была закадычной подругой экономки миссис Клинтон, и от них все обитатели долины узнавали о том, что происходит в усадьбе, на фермах и в деревне.

Мисс Стедхэм явилась к ужину в том же платье, в котором всегда спускалась в столовую, и я решила позаботиться о гардеробе бедной девушки. Впрочем, она была обворожительна, и я радовалась, видя, что Джаспер с явным удовольствием беседует с ней.

Джек, напротив, не скрывал раздражения и не сводил с Джаспера хмурого, вызывающего взгляда. Тот явно удивился, перехватив его взгляд.

— Вчерашняя гроза наделала немало бед, — сказала я.

— На клумбах побило цветы, но мы не понесли серьезного ущерба, — отозвался Адам.

— Я имею в виду фермы, дядя Адам. Миссис Нордлем рассказала мне, как пострадали арендаторы.

— Какие именно, Аннабель? — спросил Стивен, сидевший напротив меня в торце стола.

— У Хатчинсонов прохудилась крыша, а у Бенингтонов и того хуже. Речка, протекающая за их домом, вышла из берегов и затопила весь первый этаж.

Стивен уже снял повязку, наложенную доктором, и залепил ранку пластырем.

— Я думал, что эту речку давно осушили, дядя Адам.

— Так и было, но, очевидно, не полностью. Я прослежу, чтобы работу довели до конца, мой мальчик.

— Наверное, у Бенингтонов пострадала мебель. Передайте Флори, что мы возместим убытки. — Стивен сказал это спокойно и дружелюбно, но дядя Адам вдруг почему-то побагровел.

— Хорошо, — мрачно ответил он.

Я обвела всех взглядом, интересуясь, заметил ли кто-нибудь необычное напряжение между Адамом и Стивеном.

Джек смотрел на мисс Стедхэм, но та даже не подавала виду, что замечает это. Нелл не сводила глаз со Стивена. Тетя Фанни с аппетитом ела жареную телятину. Только Джаспер нахмурился и внимательно уставился на отца.

Мысль о том, что я подозреваю в покушении на Стивена членов моей семьи, горячо любимых мною, угнетала меня. Однако мне не удавалось избавиться от подозрений. В том, что случилось накануне, меня очень настораживало одно обстоятельство, о котором я не упомянула никому, даже Стивену.

О том, что он собирается с Джайлзом в лес, знали только домочадцы.

После ужина я пригласила мисс Стедхэм в гостиную и спросила, не играет ли она на фортепьяно.

— Играю, леди Уэстон.

Я ободряюще улыбнулась ей. Гувернантка держалась спокойно, без напускной скромности и жеманства. Мне вдруг захотелось подружиться с ней.

— Мы с удовольствием послушаем вас, — сказала я.

Она села к роялю, и Джек тут же направился к ней, но я, преградив ему путь, обратилась к Джасперу:

— Не сможешь ли мисс Стедхэм переверачивать ноты?

— С радостью. — Он опустился на стул возле гувернантки.

Джек бросил на меня гневный взгляд и слегка оттолкнул в сторону.

— Прости, Аннабель, — раздраженно проговорил он и совсем иным тоном обратился к гувернантке:

— Может, принести сюда ваши ноты, мисс Стедхэм?

— К сожалению, у меня нет нот, мистер Грэндвил, — улыбнулась она.

— Мне придется положиться на память. — Мисс Стедхэм посмотрела на меня:

— Что вы хотели бы послушать, леди Уэстон?

— Я всегда любила моцартовскую Сонату ля-мажор. — Это произведение запомнилось мне с тех пор, когда меня обучали музыке.

— Вы знаете эту вещь? — спросил Джаспер.

— Да, капитан Грэндвил, — ответила мисс Стедхэм.

Она оказалась превосходной пианисткой. У меня посредственный слух, однако отличить хорошее исполнение от плохого я могу.

Стивен сидел на диване рядом с Нелл, полузакрыв глаза и слушая с напряженным вниманием. Он очень любил музыку.

Почувствовав на себе мой взгляд, Стивен посмотрел на меня, чуть улыбнулся и снова сосредоточился на музыке.

Мое сердце было переполнено любовью к нему и страхом за него.

Неужели кто-то из собравшихся здесь замысливает убить Стивена?

Моя душа кричала «нет», но рассудок говорил «да».

Когда мисс Стедхэм закончила, все попросили ее исполнить что-нибудь еще. Она охотно согласилась.

Наконец, бросив взгляд на каминные часы, я поняла, что бедная девушка играет уже больше часа, и извинилась перед ней:

— Мы слишком утомили вас, но ваш талант заставил нас забыть о времени.

— Для меня это большое удовольствие, — ответила гувернантка.

— Такой талантливой пианистке необходим инструмент. — Джаспер взглянул на меня:

— Нет ли в доме пианино, которое можно поставить в детской, Аннабель?

Обрадованная вниманием Джаспера к гувернантке, я одарила его теплой улыбкой:

— К сожалению, нет, но мисс Стедхэм может играть в гостиной.

Бедная девушка побледнела от волнения, и только тут до меня дошло, как много значит для нее музыка.

— Я не могу злоупотреблять вашей любезностью, леди Уэстон, — промолвила она.

— Гостиная пустует до самого вечера, — заметил Джек. — Вы никому не будете мешать.

— Джек прав, — сказала я. — Только Нелл иногда садится за рояль, но она наверняка не будет возражать против ваших занятий музыкой.

— Конечно, нет, — быстро откликнулась Нелл. — Я с удовольствием буду слушать вас, мисс Стедхэм, и, надеюсь, чему-нибудь научусь.

Музыка явно привлекала гувернантку куда больше, чем верховая езда. Она приняла мое предложение:

— Благодарю вас, леди Уэстон. Я с огромной радостью буду играть в те минуты, когда не нужна Джайлзу.

— Мальчику было бы полезно слушать музыку каждый день, — заметил Стивен.

— Не распорядиться ли, чтобы подали чай, дорогая Аннабель? — спросила тетя Фанни.

Я позвонила в колокольчик. Мисс Стедхэм встала из-за рояля и, извинившись, направилась к двери, но я удержала ее. Она грациозно опустилась в кресло. Джаспер сел на диван, рядом с Нелл, а Джек расположился напротив гувернантки.

Принесли чай, и я, наполняя чашки, подумала, когда же Стивен придет ко мне ночью.

Кто-то уже лежал в моей постели, но явно не Стивен, ибо я сама видела, как он пошел в библиотеку с Джаспером и Джеком.

— Джайлз? — тихо спросила я. Одеяло зашевелилось, и из-под него выглянула светловолосая головка.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась я.

— Мне приснился плохой сон, мама, а Джени поблизости не оказалось, поэтому я спустился к тебе.

Поняв, что мальчик испуган, я опустилась на постель и обняла его:

— Что тебе приснилось?

— Будто за мной кто-то гонится. — При свете лампы казалось, что голова его окружена нимбом. Потемневшие серые глаза выдавали волнение.

— У того человека было ружье, — тихо добавил Джайлз, — и я знал, что он хочет меня убить.

У меня сжалось сердце.

— Дорогой, это все из-за вчерашнего происшествия.

— Знаю, — прошептал он. Я погладила его по голове.

— Это была случайность, Джайлз. Кто-то целился в оленя.

— Вряд ли, мама. — Мальчик все еще не успокоился. — Мы с дядей Стивеном разговаривали и смеялись. Нас не могли не заметить.

Я глубоко вздохнула:

— Дорогой, по-твоему, кто-то хотел убить дядю Стивена?

— Да, — ответил Джайлз и, помолчав, добавил:

— А может быть, и меня тоже.

Я обвила его руками и прижала к себе. Он прильнул к моей груди.

— Ты маленький мальчик, Джайлз, — рассудительно заметила я. — Кому же придет в голову причинить тебе боль?

— Не знаю, но я чуть не утонул, а потом кто-то выстрелил в меня.

Я зарылась лицом в его светлые волосы и закрыла глаза.

— Мне страшно, — признался Джайлз. Неужели его опасения обоснованны?!

— Можно мне остаться сегодня с тобой, мама?

— Но в твоём доме ты в полной безопасности. — Я не сомневалась, что так оно и есть. — Мисс Стедхэм уже у себя. Если хочешь, я пришлю к тебе собак.

— Позволь мне остаться с тобой. — Джайлз еще теснее прижался ко мне.

— Спи пока здесь, а когда уснешь, я попрошу дядю Стивена отнести тебя наверх.

— А нельзя спать здесь всю ночь?

— Нет, — ответила я, — нельзя.

— А вдруг мне опять приснится страшный сон?

— Тогда Джени даст тебе теплого молока и ты опять заснешь.

Мальчик, казалось, немного успокоился. Я зашла в свой будуар, где Марианна помогла мне надеть ночную сорочку и халат. Затем послала ее в детскую, велев предупредить мисс Стедхэм, что Джайлз пока у меня. Когда я легла, мальчик вцепился в мою сорочку.

— Спокойной ночи, дорогой. — Поцеловав его, я откинулась на подушки и стала ждать

Стивена.

Библиотека была рядом с моей спальней, но сквозь толстые стены сюда не доносилось ни звука.

Через полчаса дверь спальни отворилась и вошел Стивен, но увидев рядом со мной Джайлза, остановился.

— Ничего, — тихо сказала я, — он спит.

Стивен подошел к кровати. Он был в белой рубашке, без шейного галстука, в тех же темных брюках, что и за ужином. Посмотрев на спящего сына, Стивен перевел взгляд на меня:

— Что случилось?

— Ему приснился кошмар. — Я пересказала ему сон Джайлза. — Он думает, что кто-то хочет убить его и тебя.

— Если бы этот человек хотел убить Джайлза, он последовал бы за нами, — возразил Стивен.

Эти слова доставили мне невероятное облегчение.

— Ты и правда так думаешь? Он кивнул и сел на край кровати, не сводя глаз с мирно спящего Джайлза.

— Однако этот человек, возможно, не преследовал вас, опасаясь, что ты вооружен. Не исключено, что Джайлз тут совершенно ни при чем.

— Всем, кто знает меня, известно, что я никогда не беру с собой оружия.

— По-твоему, кто-то пытается убить тебя?

— Я не вполне уверен в этом.

Меня охватила дрожь.

— Стивен, ведь, случись что с тобой и Джайлзом, Джек унаследует и графский титул, и Уэстон. А он отчаянно нуждается в деньгах.

— Не думаю, что Джайлзу что-то угрожает, — повторил Стивен.

— Он уже дважды попадал в переделки.

— Вероятно, потому, что был со мной.

Когда я сердито произнесла слова, услышанные мною от конюхов, Стивен расхохотался.

— Не вижу ничего смешного!

— Прости, Аннабель. Поверь, я и сам знаю, что тут нет ничего смешного. Надеюсь, мое расследование скоро принесет результаты, а пока лучше воздержаться от предположений.

— А ты не хочешь поделиться со мной?

— Хочу, но предпочитаю подождать, чтобы не огорчать тебя напрасными подозрениями.

Я и сама не знала, стоит ли Стивену называть мне определенное имя. Ведь мне не удастся вести себя по-прежнему с подозреваемым.

— Ты обещала Джайлзу оставить его здесь на всю ночь? — Уныние Стивена рассмешило меня.

— Я сказала, что, когда он уснет, ты отнесешь его в детскую.

Стивен просиял:

— Я сделаю это с радостью.

— В этом у меня не было никаких сомнений. — Я насмешливо улыбнулась.

— Бедняжка! — сказал Стивен. Теперь, убедившись, что маленький соперник ему не помеха, он чувствовал к нему искреннюю жалость.

— Джайлз уверен, что кто-то хотел убить тебя, — сумрачно повторила я. — Он также подозревает, что опасность угрожает и ему.

— Я буду держаться подальше от мальчика, пока... все не выяснится, Аннабель.

Стивен осторожно взял сына на руки, но Джайлз открыл глаза.

— Где мама?

— Я здесь, дорогой, сейчас мы отнесем тебя в твою постель. Спи спокойно. С тобой будут Джени и собаки.

Джайлз закрыл глаза и положил голову на плечо Стивена. Открыв дверь будуара, я позвала спаниелей, и они последовали за нами в детскую.

Стивен уложил спящего мальчика в постель, а я укрыла его одеялом. Мы посмотрели на сына. Стивен сжал мою руку.

На душе у меня потеплело, хотя я до сих пор не могла простить того, что он покинул меня на целых пять лет.

— Эта комната навевает так много воспоминаний, — шепнул Стивен.

— Да.

Прежде эта спальня принадлежала Стивену. Вполне возможно, что и зачали его на той же кровати, где сейчас спал Джайлз.

Меня охватила горечь от того, что нам не дано вернуть прошлое и нашу невинную юношескую страсть. Когда-то мы пылко обнимались в этой детской и она казалась нам очень надежным прибежищем.

Нет, нельзя вспоминать о прошлом! Надо хоть на сегодняшнюю ночь забыть о предательстве Стивена и думать лишь о том, что он, слава Богу, жив, рядом со мной, и о моей любви к нему.

— Пойдем вниз, — предложил он.

— Хорошо.

В полной тишине мы спустились по лестнице и вошли в мою комнату. На тумбочке возле кровати горела лампа, в открытое окно лился лунный свет. Мы разделись, и я уже хотела лечь, когда Стивен повернул меня лицом к себе.

Я не выносила, когда Джералд смотрел на меня таким взглядом. В такие минуты мне казалось, будто он оценивает свою собственность. Но я знала, что Стивен относится ко мне иначе.

— Я думал о тебе постоянно. — Его голос дрогнул. — Но удивительнее всего то, что ты еще красивее, чем я воображал.

— Ты тоже очень хорош собой.

Это была чистая правда. Стоило мне бросить взгляд на него, как меня словно обдало жаром. Склонив голову, он поцеловал меня, и наши обнаженные тела прильнули друг к другу. Я ощутила сталь его мускулов, и меня охватила сладкая истома.

— Аннабель, — прошептал он и приник к моим губам.

Я затрепетала. Стивен подхватил меня на руки, опустил на кровать и начал целовать мои груди.

— Я люблю тебя, — повторял он, целуя меня.

Мое сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Мои губы шептали его имя, а пальцы, скользя по рукам Стивена, останавливались всякий раз, как только натыкались на знакомый шрам. Стивену было одиннадцать, когда Джаспер случайно ранил его стрелой. Страсть Стивена отозвалась во мне неистовым желанием, и я подалась навстречу ему.

Он сразу же вошел в меня, я застонала от облегчения и радостного ожидания и, расслабившись, словно вобрала его в себя. Крепко ухватившись за его плечи, я обхватила ногами спину Стивена, желая, чтобы он еще глубже проник в меня.

Он вскрикнул, и его лоб покрылся испариной.

— Боже! — выдохнул Стивен. — Аннабель!

Я судорожно всхлипнула и еще крепче вцепилась в его плечи. Он входил в меня вновь и вновь. Двигаясь в едином с ним ритме, я постепенно подавалась вперед, пока не уперлась в переднюю стенку кровати. Наконец невыразимо сладостное ощущение заставило забыть меня обо всем. Я закричала.

Стивен напрягся, и в тот же миг я поняла, что его охватило то же чувство, что и меня, — сладостная истома. Наши ослабевшие, беспомощные тела сплелись. Постепенно напряжение покинуло Стивена. Ощущая жар его тела, слыша его тяжелое дыхание, громкие, частые удары сердца, я испытывала блаженство. Мои руки обвили его шею, и мы долго лежали неподвижно.

Наконец сердце Стивена перестало стучать как молот.

— Я, наверное, придавил тебя своей тяжестью.

— Да, ты стал гораздо тяжелее, чем раньше.

Он скатился с меня и положил мою голову себе на плечо. Вздохнув, я заметила, как контрастируют мои светлые волосы с его загаром.

— Ты навсегда останешься темным? — Я коснулась губами его груди и почувствовала соленый вкус пота.

Стивен засмеялся:

— Загар постепенно сойдет.

Я обрадовалась: тогда ничто уже не будет напоминать мне о его пребывании на Ямайке.

— Неужели нам придется ждать целых шесть месяцев, Аннабель?

Я ответила не сразу, хотя давно уже решила, что выйду за него замуж:

— Н-не знаю.

— Тебе же безразлично, что подумают люди, — вкрадчиво проговорил он.

Я села в постели, и волосы упали на мои плечи и грудь.

— Почему ты не предупредил меня, что уезжаешь на Ямайку?

— Отец запер меня в моей комнате, а на следующий день отправил в Саутгемптон, где меня посадили на корабль. Ты же знаешь это, Аннабель.

Я знала, но вместе с тем понимала, что он увиделся бы со мной, если бы очень захотел. В конце концов мог бы сообщить мне о своем отъезде через кого-нибудь. Сама я не пыталась встретиться с ним, поскольку полагала, что он проведет дома не одну ночь. Но Стивен-то все знал, но даже пальцем не шевельнул, чтобы связаться со мной.

Заглянув в его бездонные голубые глаза, я увидела в них желание, нежность и любовь.

Как мог он так поступить со мной?

Мне хотелось бросить эти слова ему в лицо, но я была уверена, что не добьюсь от него ответа.

Стивен погладил мои волосы.

— Бог свидетель, — сказал он, с трудом подавляя сильное волнение.

— Когда я гляжу на тебя, Аннабель, мне кажется, будто я умираю от жажды посреди Сахары и испытываю лишь одно желание — пить, пить и пить....

Стивен нежно ласкал мою грудь, но я догадывалась, что он едва сдерживается.

— Стивен, — удивилась я, — неужели ты уже готов снова заниматься этим?

— После пяти лет воздержания я мог бы любить тебя всю ночь.

Я поклялась себе не спрашивать, были ли у него женщины на Ямайке.

Если и были, зачем мне знать об этом? Однако у меня против воли вырвалось:

— Ты хочешь сказать, что за все пять лет ты не имел ни одной связи?

Он слегка коснулся моего соска.

— Да, ни одной.

Я поверила ему, хотя любого другого мужчину заподозрила бы во лжи. Стивен никогда не лжет, поэтому мне было страшно задавать ему этот вопрос.

— И почему же? — полюбопытствовала я. — Уж, конечно, не из верности мне, ведь ты же знал, что я вышла замуж на Джералда.

— Все белые женщины на острове были замужем, а черные, не имея свободы выбора, не могли бы отказать мне. Поэтому я никогда не стал бы навязывать себя им.

Я сомневалась, что на свете есть женщина, способная отказать Стивену, однако его ответ обрадовал меня.

Я улыбнулась, склонилась над ним и покрыла быстрыми поцелуями его щеки и подбородок. Стивен поцеловал меня в губы, провел рукой по моей талии, по бедру и слегка раздвинул мне ноги.

Я затрепетала от желания.

— Начнем все сначала, — прошептал он и, прежде чем я успела понять, что он собирается сделать, опрокинул меня навзничь.

Я обвила его руками и ногами и вновь ощутила невыразимое блаженство.

— Господи! — воскликнул Стивен. — До чего же хорошо!

Я выгнулась навстречу ему.

— Я люблю тебя, Стивен!

Страсть опалила меня, и из груди моей вырвался стон.

— Только ты и я, — сказал он. — Только ты и я, Аннабель.

— Навсегда, — откликнулась я. — Навсегда.

Когда Стивен поднялся, чтобы уйти от меня, оставался всего час до рассвета.

— Не знаю, что подумает моя горничная. — Я наблюдала, как он застегивает рубашку при свете лампы, которую мы так и не погасили. — Постельное белье скомкано и измято.

Стивен так и не заправил рубашку в штаны.

— Нам с тобой куда пристойнее обвенчаться, Аннабель, — твердо проговорил он.

«Только ты и я, Аннабель. Только ты и я».

Когда-то я верила, что так оно и есть. Вот если бы снова поверить!

— Придется об этом подумать, — сказала я.

— По-твоему, Джайлз будет против?

— Не знаю, Стивен. Возможно, и так. А не разумнее ли повременить?

Он вздохнул:

— Сегодня я поеду в Брайтон на встречу с Томом Кларксоном. Когда вернусь, поговорим.

Я прикрыла грудь простыней.

— Мы успели бы поговорить и этой ночью.

Стивен улыбнулся:

— Сегодня ночью мои мысли были заняты другим.

— Если ты считаешь, что кто-то хочет убить тебя, стоит ли ехать в Брайтон?

— Я буду осторожен, Аннабель, обещаю.

Волосы упали ему на лоб. Глаза выражали глубокую нежность. Однако я знала, что никакими мольбами Стивена дома не удержать.

— Поговорим, когда я вернусь из Брайтона, — повторил он.

Этим мне и пришлось довольствоваться.

Через пять часов, встретив Стивена за завтраком, я поздоровалась с ним так же спокойно, как с Джаспером и Нелл. Затем принялась за еду.

— Кажется, ты очень проголодалась, — насмешливо заметил Стивен, сидевший рядом со мной.

— Я занималась гимнастикой.

Он улыбнулся еще шире.

— А где Джек? — спросил Джаспер. — Я заглянул к нему в комнату, но его там нет.

— Он завтракает в детской с Джайлзом и мисс Стедхэм, — ответил Стивен.

Черт возьми! Когда я заходила в детскую, его там не было.

— Интересно, а что ты делал в детской? — спросил Стивена Джаспер.

— Проведал Джайлза. — Стивен налил сливки в кофе. — Мальчику было не слишком приятно оказаться под прицелом.

— Да, — ответил бывший кавалерийский капитан. — Я знаю.

Очевидная неприязнь Джаспера к Стивену подзадорила меня.

— Джайлз пользуется особым вниманием с тех пор, как у него появилась хорошенькая гувернантка.

Нелл тут же бросила взгляд на Стивена, невозмутимо наслаждавшегося кофе, а я отметила про себя необычную мрачность Джаспера, радуясь при этом, что он не остался равнодушен к чарам мисс Стедхэм.

— Я обещала Джайлзу и мисс Стедхэм отправиться с ними на Даунз. — Мой взгляд задержался на Джаспере. — Ты не хочешь поехать с нами?

Лицо Джаспера посветлело.

— С удовольствием, Аннабель.

— И я бы не отказался. — Стивен поставил чашку на стол.

Джаспер снова нахмурился, и я подумала, что все идет как задумано. Но не тут-то было.

— Не возражаешь, если я тоже поеду с вами? — нерешительно спросила Нелл.

Я перехватила взгляд, брошенный ею на Стивена.

— Конечно, нет. — Однако про себя я вновь чертыхнулась.

Видимо, тетя Фанни права: Нелл питает слабость к Стивену. Я обратилась к нему:

— Но ведь ты собирался сегодня в Брайтон на аболиционистский митинг?

— Я уезжаю после полудня, а утром могу позволить себе верховую прогулку. Полагаю, с вами я буду в полной безопасности.

— Опасность? О чем ты? — удивилась Нелл.

— Ну что ж, тогда я сама выберу тебе лошадь.

— Какую лошадь ты предназначаешь для него, Аннабель? — спросил Джаспер.

— Жеребца по кличке Ворон, купленного у лорда Карлтона.

— Странная кличка, — пробормотал Джаспер.

— Ворон — тот черный конь с белым пятном, что сбросил конюха? — спросила Нелл.

— Конь немного норовистый, — согласилась я.

— Немного норовистый? Я слышала, как этот конюх говорил Граймзу, что трижды чуть не угодил под колеса экипажа.

Нелл явно встревожило, что Стивен поедет на Вороне.

— Скорее всего Ворон шараялся в сторону от встречных экипажей, — заметил Стивен. — Чи-стокровки весьма пугливы.

— Верно, — отозвался Джаспер, — но пугливые лошади не годятся для охоты. — Он обратился ко мне:

— Диву даюсь, зачем ты купила такого коня, Аннабель?

— Иногда я позволяю себе рискнуть. Этот жеребец на редкость красив и хорошо обучен.

— Если так, почему же лорд Карлтон постарался избавиться от него?

— любопытствовала Нелл.

— Ворон легко возбудимый, — ответила я.

— У меня с ним не будет хлопот, — заметил Стивен.

Нелл взглянула на него с такой тревогой, что я уже в третий раз мысленно помянула врага рода человеческого.

— Что имел в виду Стивен, сказав, что с нами он в безопасности? — спросил меня Джаспер, когда мы с ним направлялись к конюшне, находящейся в полумиле от дома.

К чему скрывать правду от кузена?

— Видимо, кто-то покушался на Стивена. Джаспер остановился.

— Чушь! — Он бросил на меня суровый взгляд. — Кому бы взбрело в голову стрелять в Стивена?

Я рассказала ему все, что слышала от сына.

— Джайлз убежден, что выстрел был не случайный.

— Ну и ну! Если так, надо искать не браконьера, Аннабель, а убийцу.

Убийца! По моей спине побежали мурашки.

— Меня не покидает тревога, — призналась я.

— А ты не думаешь, что тут замешаны контрабандисты, с которыми Стивен был связан несколько лет назад?

— Вполне возможно. — Я с благодарностью посмотрела на своего спутника, испытывая облегчение оттого, что он тоже подозревает контрабандистов.

— Они — народ отчаянный, Аннабель. Окажись Стивен у них на пути, контрабандисты без колебаний пристрелили бы его. Не знаю только, чем мог помешать им Стивен.

— В долину вернулся Джем Уошберн, виновный в том, что случилось тогда со Стивеном.

Джаспер задумчиво посмотрел на меня:

— Но почему Джем должен замысливать дурное? Ведь они со Стивеном — друзья.

— Я не утверждаю, что именно Джем стрелял в него. Однако после возвращения Джема контрабандисты, возможно, вновь стали перетаскивать грузы из бухты по лесной тропе. Возможно, Стивен спугнул одного из них.

Джаспер сдвинул брови. Я не сводила с него пристального взгляда, поэтому вскоре споткнулась и упала бы, если бы он не поддержал меня.

— Спасибо. — Я оценила его расторопность, но тут же попыталась отстранить сильную руку, обхватившую меня за талию. Однако Джаспер руку не убрал. — Не беспокойся, я буду внимательно смотреть под ноги и сегодня же велю садовникам расчистить дорожку. После грозы она завалена ветками.

Наконец он освободил меня, я с облегчением вздохнула, и вскоре мы перешли через мост.

— Я была бы очень тебе признательна, если бы ты присмотрел за Стивеном, Джаспер.

Ты ведь знаешь, он всегда пренебрегает опасностью.

Он отшвырнул в сторону валявшийся на дороге камень.

— Признаюсь, меня удивляет твоя тревога о Стивене. Я полагал, что вы разошлись до того, как он уехал на Ямайку. Кстати, в регулярных письмах ко мне ты ни разу не упомянула его имени.

— Да... конечно... меня раздосадовала опрометчивость Стивена, приведшая к таким печальным последствиям, но я не хочу, чтобы с ним случилась беда.

Джаспер промолчал.

Мы вошли на конюшенный двор, и я увидела Джайлза, мисс Стедхэм, Нелл и Стивена. Здесь оказался и Джек, что меня весьма удивило.

Заметив мою холодность, он дружелюбно спросил:

— Что-то не так, Аннабель?

Еще бы! Ведь я догадалась, что Джек хочет соблазнить мою гувернантку. Но не говорить же ему об этом при всех.

— Все в порядке, — бросила я.

— А где собаки, мама? — спросил Джайлз, но тут грум вывел из конюшни Ворона. Джек изумленно уставился на меня:

— Уж не собираешься ли ты сесть на этого чумного коня? По-моему, ему самое место в Бедламе.

— На нем поедет Стивен, — сухо ответила я. И, повернувшись к сыну, добавила:

— Собаки остались дома, Джайлз.

— Какой красавец, мама! — с благоговением воскликнул мой сын.

— Да, отменно хорош, — согласился Граймз, одобрительно улыбнувшись Джайлзу.

Мы все с восхищением смотрели на Ворона.

Он и в самом деле бы отменно хорош: длинноногий, стройный, поджарый, с гладкой и блестящей, как эбеновое дерево, шерстью. На умной морде красовалась белая звезда. Но, увы, этот великолепный конь не годился для охоты.

— Судя по всему, он с норовом, — заметила Нелл.

Ворон громко фыркнул и замотал головой.

— Сколько ему лет? — спросил Стивен.

— Четыре года, — ответила я. Конь между тем нетерпеливо рыл землю копытом.

— Видимо, он превосходный скакун. — Джаспер погладил Ворона по холке.

— По словам лорда Карлтона, он обгоняет ветер. — Я улыбнулась.

— Почему этот конь не принимает участия в бегах? — поинтересовался Джаспер.

— В первых же скачках он сбросил жокея, перепрыгнул через ограду и много часов бегал по нью-маркетской вересковой пустоши, — сказала я. — То же повторилось на вторых и третьих бегах. Ворон мог бы получать первые призы, но не желает скакать по трековой дорожке. Лорд Карлтон решил продать его мне, пока он не покалечился.

— Жокеи, вероятно, слишком дергали поводья, — предположил Стивен.

Я оглядела родственников, желая понять, не осуждают ли они меня за это приобретение.

— Может, тебе не стоит садиться на него, Стивен? — спросила я.

— Не беспокойся, все будет хорошо. — Стивен спокойно подошел к Ворону и предложил ему морковь. Когда он вскочил в седло, конь задвигал ушами, однако не встал на дыбы.

Вскоре кавалькада из семи всадников выехала с конюшенного двора.

Ворон скакал впереди рядом со старой охотничьей лошадью Нелл. Зная мирный нрав этой лошади, я надеялась, что она сохранит спокойствие, как бы ни вел себя конь.

Ворон, однако, не проявлял своего норова. Правда, несколько раз он, казалось, готов был рвануться вперед, но Стивену удавалось успокоить его.

Чуткий наездник всегда угадывает, когда лошадь может испугаться. Мирное общение с лошадью вдруг нарушается. Вот тут-то и следует проявить волю, прежде чем лошадь успеет что-нибудь выкинуть.

Отмечу, что такой чуткостью обладают лишь избранные наездники. Только они способны предугадать намерения лошади и помешать их осуществлению. Сама я знала лишь четырех таких наездников, хотя имела дело с лучшими в Англии.

— Смотри, мама, как Ворон слушается дядю Стивена! — удивился Джайлз, ехавший рядом со мной на пони.

— Дядя Стивен может укротить любую лошадь.

— Но ты все-таки лучшая наездница, чем он, — заметил мой преданный сын.

Сзади донесся голос Джека, ехавшего в паре с мисс Стедхэм:

— Никто не умеет управляться с охотничьими лошадьми так, как твоя мать, Джайлз. Никто.

Обернувшись, мальчик спросил:

— Даже дядя Стивен?

— Дядя Стивен вообще не любит охотиться, — ответил Джек.

— Не любит охотиться? — изумился Джайлз.

Боясь, как бы Стивен не начал жалеть бедных лис, я попросила его помолчать. Однако он, взглянув на сына, пояснил ему:

— Я не умею преодолевать препятствия.

Из моей груди вырвался вздох облегчения.

Мы мчались галопом по Даунзу, и Ворон вел себя почти так же смирно, как старая лошадь Нелл. Я с удовольствием поглядывала на широкую спину Стивена, прислушиваясь к болтовне Джаспера с Джайлзом. Солнце, пробиваясь сквозь листву, отбрасывало на тропинку причудливые тени. В воздухе ощущалось первое дыхание осени. Я с удовлетворением заметила, что черная шерсть Ворона блестит от пота, но на губах у него нет пены — верного признака волнения.

Только теперь до меня дошло, что этот вороной красавец самой судьбой предназначен для Стивена. Не успел Стивен, вернувшись домой, пообедать, как к парадному крыльцу для него подали коляску. Я не хотела этой поездки, ибо боялась за его жизнь, но знала, что он ни при каких условиях не откажется от выполнения своего долга. Как только коляска отъехала, я извинилась и ушла к себе в спальню, где прилегла, мучаясь от головной боли.

Марианна поставила мне на лоб холодный компресс, и я пролежала до самого вечера. В висках у меня стучало, и я неотвязно размышляла о романтических чувствах, казалось, охвативших всех членов нашей семьи.

Через несколько часов головная боль стала проходить, но я все же велела передать тете Фанни, что ужинать не буду, и пошла в детскую перекусить с Джайлзом и гувернанткой.

Джека с нами не было, сегодня он наслаждался в столовой изысканными блюдами нашего повара. На ужин в детскую подали овощной суп, холодный ростбиф и хлеб.

Сидя за старым деревянным столом перед тарелкой супа, я озабоченно присматривалась

к мисс Стедхэм. Ее сияющее лицо убедило меня в том, что гувернантка влюблена.

Мы старались говорить о том, что было понятно и Джайлзу: о лошадях, о красоте Даунза, о том, стоит ли мне подарить сыну щенка из следующего помета Порции.

После того как мы поужинали и лакеи унесли посуду, я попросила мальчика отвести собак в кухню и там покормить их. Мисс Стедхэм сидела за столом напротив меня. Подождав, когда в коридоре все стихнет, я начала:

— Юджиния, надеюсь, вы не обидитесь, если я буду называть вас просто по имени.

— Конечно, нет, леди Уэстон.

— Пожалуйста, зовите меня Аннабель. Узнав вас, я поняла, что хочу быть не только вашей работо-дательницей, но и подругой. Мне было бы очень приятно, если бы вы разделяли мое желание.

— Благодарю вас... леди Уэстон, — изумленно отозвалась мисс Стедхэм.

— Аннабель, — решительно поправила я.

— Ну... если вам угодно...

— Да. Если вы полагали, что я держусь с вами несколько отчужденно, то это объясняется лишь тем, что мне не легко сходиться с людьми. Только при длительном знакомстве я чувствую себя свободно.

— Конечно. Ведь красота не всегда бывает благословением, а порой тяжким бременем, верно?

— Немногие это понимают, — заметила я, удивленная ее пронизательностью. — Вы ведь и сами очень красивы.

— Спасибо на добром слове. — Она чуть улыбнулась. — Но моя внешность не из тех, что «тысячу подвигнет кораблей Отправиться в их многотрудный путь».

Я сразу вспомнила строки Марло о Елене Прекрасной: «Так вот оно лицо, Что тысячу подвигло кораблей Отправиться в их многотрудный путь И гордые спалило башни Трои».

И тут, внезапно для себя самой, сказала мисс Стедхэм то, чего не говорила никому, даже Стивену:

— В суждениях о людях я пользуюсь одним критерием: «Если бы мое лицо обезобразила оспа, как отразилось бы это на их чувствах ко мне?»

— Вы руководствуетесь этим критерием и выбирая себе друзей? — поинтересовалась Юджиния.

— Да. К примеру, я знаю, что сэр Мэтью в любом случае будет с удовольствием охотиться со мной, а Сьюзен Фентон разделять мое общество и... Вы понимаете, о чем я? — Тут я подумала: «И любовь Стивена ко мне не угаснет, несмотря ни на что».

— Конечно, — сказала она. — А я соответствую этому критерию?

— А как вы сами думаете?

— Надеюсь, да, Аннабель.

Я вздохнула:

— Боюсь, мои слова не понравятся вам, Юджиния, но поверьте, они продиктованы дружбой.

Юджиния насторожилась.

— Меня тревожит особое внимание к вам моего кузена Джека.

— А... — Она сразу замкнулась.

— Я сомневаюсь в благородстве его намерений.

Ее красивые брови взлет удивленно поднялись:

— Неужели?

— Юджиния, мне кажется, он хочет соблазнить вас, а я не желаю вам ни беды, ни позора.

— Разве вы не допускаете, что у него могут быть благородные намерения? — Ее голос дрогнул.

— Джек беден, Юджиния. Ему нужна богатая жена.

— Я знаю, что он беден. Он сам мне это сказал.

— Что ж. — Я подалась к ней. — Тогда вы должны понять причину моей озабоченности.

— Уверяю вас, леди Уэстон, я не позволю мистеру Джеку Грэндвилу соблазнить меня.

— Итак, я снова стала для вас леди Уэстон. — Вероятно, мои глаза выразили печаль. Она промолчала.

— Видели бы вы, что творится с вами в его присутствии. Вы вся сияете, — уточнила я. Юджиния прикусила губу.

— Такая сияющая женщина способна на самые безрассудные поступки.

— Неужели у меня такой же вид, как у вас в присутствии мистера Стивена Грэндвила? — любезно осведомилась она.

— Это так бросается в глаза? — спокойно спросила я.

— Мне — да.

— Стало быть, вы понимаете: я хорошо знаю, о чем говорю.

Мои слова несколько озадачили ее.

— В свое время я совершила много безрассудных поступков и не хочу, чтобы вы пошли по тому же пути.

Не глядя на меня, Юджиния провела пальцем вдоль длинной царапины на столешнице.

— По какому же пути вы советуете мне идти, Аннабель?

— Вам нужен муж, а Джек вряд ли подойдет для этой роли.

— Он хочет жениться на мне. — Побледневшая Юджиния не отрывала глаз от столешницы. — Будь у него регулярный доход, он женился бы на мне.

— Так он говорит?

— Да.

— И вы верите ему?

Подняв глаза, она встретила мой взгляд:

— Верю.

В ее больших карих глазах я не увидела и тени сомнения. Видимо, Джек настроен более серьезно, чем можно предположить.

— А как насчет Джаспера? — спросила я. — У него есть приличный доход, и, по моему, для вас не составит труда увлечь капитана.

— О, Аннабель, — улыбнулась она. — Но ведь Джаспер любит вас!

— Что за ерунда! — Я нахмурилась. — Мы с Джаспером с детства дружны. Полагаю, вы неверно истолковали его привязанность ко мне. Вы, несомненно, ошибаетесь.

— Нет, не ошибаюсь.

Ее слова встревожили меня.

— Вы наверняка ошибаетесь, — повторила я.

— Это видят все, кроме вас, — заметила Юджиния. — Джек рассказал мне, что он сам, Джаспер и Джералд были влюблены в вас с детства, но вы обращали внимание только на

Стивена.

— Но ведь замуж я вышла за Джералда!

— И были счастливы?

Мы обменялись взглядами — женщины, неожиданно открывшие сердца друг другу.

— Нет.

— Вот и меня ждет разочарование, если выйду не за Джека. Ведь я люблю его и надеюсь быть ему хорошей женой.

— Тогда Джеку следует подумать о регулярном доходе.

— Очень боюсь, как бы он не сел за игорный стол, — призналась Юджиния. — Он рискует потерять Рудли, а это сломит его.

Тут мы услышали стук собачьих когтей по паркету, а затем и шаги Джайлза. Через миг в классную комнату вбежал мой сын. За ним следовали спаниели.

— Мерлин и Порция поужинали, мама. А меня повар угостил пирогом, — громко и возбужденно проговорил мальчик.

— Мы рядом с тобой, Джайлз, — заметила я. — Так что кричать незачем.

— Прости, мама. Ты не поиграешь со мной в бирюльки?

— С удовольствием. Неси их сюда.

Я надеялась, что игра с Джайлзом поможет мне избавиться от ужасного подозрения, завладевшего мною после признания Юджинии.

Неужели Джек так отчаянно влюблен в гувернантку, что пойдет даже на убийство ради денег?

«Нет, — сказала я себе, когда Джайлз вернулся к столу с маленькими деревянными игрушками. — Нет, Джек не захочет такой ужасной ценой получить титул графа Уэстона».

— Готова, мама? — спросил Джайлз. Я заставила себя сосредоточиться на игре:

— Готова, дорогой.

В двенадцать часов ночи, так и не дождавшись возвращения Стивена, я легла и забылась беспокойным сном. Ужасные страхи и подозрения не покидали меня и в ночных кошмарах. Проснувшись от громкого стука в дверь спальни, я едва не крикнула: «Входи, Стивен», — но, к счастью, опомнилась и тихо сказала:

— Войдите!

— Доброе утро, мама!

Услышав голос Джайлза, собаки залаяли в будуаре, требуя, чтобы их тоже пустили. Мой сын открыл им дверь, и они, виляя обрубками хвостов, вбежали в спальню. Я села, опершись на подушку:

— Господи, Джайлз! Почему ты не в детской?

— Джени разрешила мне отдохнуть. Мы поедем кататься на лошадях. — Он улыбнулся. — А ты не поедешь с нами, мама?

— Спасибо за приглашение, но, боюсь, ничего не получится, дорогой.

— Почему? — Его личико вытянулось.

Мне хотелось дождаться возвращения Стивена, но признаться в этом Джайлзу я не могла, поэтому слукавила:

— Я что-то неважно себя чувствую. Джайлз недоверчиво присвистнул, забрался на постель и посмотрел мне в глаза:

— Ты же любишь верховые прогулки, мама.

— Да, но сегодня не поеду.

— У тебя болит голова?

— Нет. — И вдруг меня обожгло подозрение. — Вас кто-то будет сопровождать?

— Да, Джек.

— Ладно, тогда поеду и я. Джайлз просиял:

— Я знал, что ты согласишься, и просил Джека и Джени подождать тебя в конюшне. — Он соскочил с кровати. — Кататься с ними — небольшое удовольствие, — доверительно сообщил сын. — Они все время разговаривают друг с другом, а не со мной. — И Джайлз поспешил к двери.

«Надо радоваться, — подумала я, — что Джек внушает моему сыну не ужас, а только скуку».

— Возьми с собой собак, — крикнула я вдогонку.

— Хорошо, мама. — Джайлз свистнул спаниелям, и они последовали за ним.

Марианна помогла мне одеться и причесаться. Выпив кофе, я отправилась в конюшню, где нашла Джека, Юджинию и Джайлза. Они стояли, разговаривая с Граймзом, мрачным как туча. «Что привело его в такое настроение?» — удивилась я. Из-за каретного сарая вышел конюх, ведя в поводу Мальборо, одну из моих новых охотничьих лошадей. Заметив, что лошадь грязная, Граймз остановил конюха.

— С ней все в порядке? — спросил он. — Тогда вымой ее и накорми.

— В чем дело, Граймз? — спросила я.

Джайлзу, видимо, хотелось ответить, но, быстро взглянув на грума, он промолчал.

Мне оставалось только надеяться, что лошади не пострадали.

— Что же случилось? — повторила я.

— Сегодня утром пони его светлости убежал из стойла. — Граймз явно что-то утаивал.

— Крекер удрал?

— Да.

— Какой озорник!

Граймз печально посмотрел на меня:

— Мало того что сбежал сам, но открыл еще двери всех стойл.

— Не может быть!

— Он это сделал, мама! — У Джайлза загорелись глаза.

— Открыл наружные двери? — Мое изумление было беспредельно.

— Да, все наружные двери, мисс Аннабель, — с огорчением подтвердил грум.

Наружные двойные двери вели из стойл в конюшенный двор, а внутренние выходили в проход между двумя рядами стойл. Достаточно было открыть засовы, чтобы лошади выбежали во двор.

Я посмотрела на большие деревянные ворота. Их всегда закрывали и запирали на ночь.

— Им далеко не убежать, Граймз. Ведь ворота были закрыты?

— Закрыты, мисс Аннабель, — с отчаянием проговорил старик. — Но Джорджи забыл запереть их на засов.

Я поняла, что рассеянного Джорджи не ждет ничего хорошего:

— Лошади удрали через ворота?

— Да. — Наконец Граймз сообщил мне и утешительную новость:

— Мы уже нашли всех и загнали обратно. Кажется, ни одна из них не пострадала.

— Хорошо. — Я бросила взгляд на Джека и Юджинию. Но их лица были непроницаемы. — Проследите, чтобы пони привязывали более надежно, Граймз.

— Не беспокойтесь, — заверил меня грум. — Теперь он будет сидеть под замком, мисс Аннабель.

Тут из конюшни вывели взнузданного и оседланного Крекера.

— Ах ты, шалунишка. — Джайлз потрепал его по холке.

Крекер скосил глаза на Граймза, и я не сдержала улыбки.

— Его нашли в розарии, Аннабель, — уточнил Джек.

— Он весь пропах розами, — добавил Граймз.

По двору застучали подковы. Конюхи вывели лошадей для Джека, Юджинии и для меня. Граймз помог мне сесть в седло.

— Только не убейте Джорджи, — сказала я, когда он отошел от моей Феи. — Помните, что у него есть мать.

— Ничего не могу обещать, — мрачно ответил Граймз.

— Готова, Аннабель? — спросил Джек. Я кивнула и пустила Фею вперед.

Джайлз поехал рядом со мной, собаки бежали впереди, а Джек и Юджиния следовали за нами.

— Я и не думал, мама, что Крекер такой умный, — весело заметил мой сын.

— Представляю себе, как этот проказник ходил вдоль стойл, открывая мордой засовы.

Мы все рассмеялись.

Крекер шел так спокойно, словно ничего не произошло.

На главной аллее я спросила Джека:

— Куда вы собирались?

— На озеро, — ответил он.

Я кивнула и натянула поводья.

На северном берегу мы спешили. Джайлз заметил какую-то необычную птицу и пошел с Юджинией искать ее, а мы с Джеком сели на ствол упавшего дерева. Не выпуская из рук поводьев, мы наблюдали, как Джайлз и Юджиния пробираются через подлесок к берегу.

— Я слышал, ты говорила обо мне с Юджинией? — недовольно заметил Джек.

— Да. — Я бросила на него быстрый взгляд. От меня не укрылось жесткое и мрачное выражение лица Джека.

— Ты, вероятно, осуждаешь меня за то, что я посмел ухаживать за такой девушкой, как Юджиния? Да, мне нечего предложить ей. Но знай: у меня честные намерения, какими бы смешными они тебе ни казались.

Я перебирала поводья Феи. Обернувшись, Джайлз увидел, что я наблюдаю за ним, и помахал рукой. Юджиния тоже улыбнулась нам.

— Она любит тебя, Джек, — сказала я. — А любишь ли ее ты?

— Да. — Помолчав, он добавил:

— Чертовски люблю, Аннабель.

Юджиния и Джайлз наконец добрались туда, где мой сын видел птицу. Мы с Джеком молча смотрели на стройную девушку с золотисто-рыжими волосами. Она что-то сказала Джайлзу, и они сели на большой камень.

— Мне больно видеть ее в роли гувернантки, — признался Джек. — Конечно, ты очень добра к ней, Аннабель, но она создана не для того, чтобы быть в услужении. Юджинии надо иметь свой дом и своих детей.

— Только муж может дать ей все это, — заметила я. — При этом она говорит, что хочет замуж лишь за тебя, Джек. Поэтому я решила помочь тебе жениться на ней.

— Ты способна вершить чудеса, дорогая Аннабель?

— Нет, но я торгую лошадьми и в последнее время подумываю о расширении своего дела. При желании ты мог бы принять в этом участие.

Джек, видимо, натянул поводья, потому что лошадь Юджинии повернула к нему морду.

— Объясни, что ты имеешь в виду, Аннабель. Хочешь, чтобы я обучал охотничьих лошадей?

— Нет, не это. — Я размышляла, как лучше объяснить ему мою мысль.

— Обратил ли ты внимание, Джек, что никто не выращивает охотничьих лошадей на продажу?

Он впервые с начала нашего разговора посмотрел на меня:

— Что это значит?

— А то, что все большие конные заводы выращивают рысаков-чистокровок, но покупатели, как правило, предпочитают лошадей для охоты, а не для бегов.

Джек внимательно слушал меня.

— Все это время я неплохо зарабатывала, обучая охоте рысаков-чистокровок, но теперь подумываю, не завести ли ферму для выращивания охотничьих лошадей. Это дело может оказаться еще более выгодным.

Голубые глаза Джека засверкали, как кристаллы.

— Ферму для выращивания охотничьих лошадей? — благоговейно повторил он. Я кивнула:

— Большинство чистокровок непригодны для охоты. Мне приходится очень тщательно отбирать их, учитывая размеры и норы.

— А что, если попытаться скрестить чистокровок с другими породами? Вырастить таких жеребят, которые сочетали бы быстроту и проворство чистокровок с выносливостью и упорством ирландских лошадей? Я вновь кивнула.

— Просто блестящая мысль, Аннабель, — сказал Джек.

Меня обрадовал его энтузиазм.

— Надеюсь, это принесет неплохие плоды. Я не могу удовлетворить спрос на переученных лошадей. К тому же многие с удовольствием купили бы охотничьих и, как я полагаю, заплатили бы за них хорошую цену.

— Не сомневаюсь. — Джек не сводил с меня напряженных глаз. — Ты хочешь, чтобы я помог тебе организовать такой конный завод?

— Нет. — Я решительно покачала головой. — Я хочу дать тебе деньги, чтобы ты устроил все сам. Джек побледнел.

— Это невозможно.

— Ты ведь только что назвал это блестящей мыслью. — Я изобразила изумление.

Он тряхнул головой, словно стараясь преодолеть растерянность.

— Но ты не сможешь дать мне такую сумму!

— Почему?

— Ни Адам, ни Стивен не захотят рисковать деньгами Джайлза, отдав их на осуществление такого проекта. — На его скулах проступили красные пятна. — И они будут правы, Аннабель.

— Ни Адам, ни Стивен не имеют права распоряжаться моими деньгами. Признаюсь, за последние несколько лет я получила солидный доход от продажи охотничьих лошадей и собираюсь вложить эти деньги в проект, который будешь осуществлять ты.

Джек вспыхнул:

— Я не позволю тебе рисковать своими деньгами.

— Поверь, эти деньги ничего для меня не составляют. И, пожалуйста, не беспокойся.

— Я не могу принять этих денег от тебя, Аннабель. — Его голос дрогнул.

Мне очень хотелось убедить Джека и рассеять его сомнения:

— Я решила вложить свои деньги в какое-то дело, Джек. Сейчас они мне не нужны. — Испытав минутное замешательство, я добавила:

— Второе замужество не позволит мне заниматься осуществлением этого проекта. И прошу тебя, не считай, будто отнимаешь последние крохи у бедной вдовы. Поверь, я женщина обеспеченная. Даже если проект потерпит неудачу, это не поставит меня в трудное положение.

Помолчав, Джек спросил:

— Кажется, Стивен получил неплохое наследство от матери? — Не дождавшись от меня ответа, он твердо проговорил:

— Я не подведу тебя, Аннабель.

— Не сомневаюсь, Джек, — улыбнулась я. На колени мне упал лист.

— Хватит ли в Рудли места для конного завода?

— Думаю, да. Конюшню придется, конечно, расширить, но я не предвижу никаких затруднений. У меня нет таких выгонов, как в Уэстоне, но, полагаю, это поправимо.

Видимо, узнав, что я собираюсь замуж за весьма состоятельного Стивена, Джек преодолел последние сомнения.

— Если дело пойдет успешно, — сказала я, — ты сможешь купить себе большое

поместье, пока же тебе лучше ограничиться минимальными издержками.

Он невесело усмехнулся:

— Бог с тобой, Аннабель. Сколько воды утечет, прежде чем появятся деньги на другое поместье?

— Чтобы ты сразу же начал работу, я дам тебе Аладдина. Ворон, по-моему, недостаточно вынослив для этой цели. К тому же мне хотелось бы оставить его для Стивена.

Услышав мои слова, Джек онемел. Он был без ума от Аладдина.

Джайлз и Юджиния уже направлялись к нам.

— Не знаю, как благодарить тебя, Аннабель, — с трудом проговорил Джек.

— Ты член нашей семьи и поэтому ничего не говори.

— Я выплачу тебе все деньги с процентами, — пообещал он.

— Вот и хорошо, — ответила я.

Джайлз и Юджиния остановились возле нас.

— Мы так и не нашли ее, мама, — сказал мой сын.

Юджиния переводила взгляд с меня на Джека, догадываясь, что у нас состоялся серьезный разговор. Он чуть улыбнулся ей, и девушка успокоилась.

Сев в седло, я впервые за долгое время ощутила покой. Как приятно обеспечить будущее Джека! Ведь он мне очень дорог, и именно привязанность к нему надоумила меня, как это сделать. О второй побудительной причине своего поступка я старалась не задумываться.

Теперь перед Джеком открылись широкие возможности.

«Любопытно, — промелькнуло у меня в голове, — прекратятся ли неприятные происшествия со Стивеном и Джайлзом?»

Вернувшись в Уэстон, мы вновь стали свидетелями переполоха в конюшне. При нас туда ввели взмыленного Ворона. — Разве вы утром отловили не всех лошадей, Граймз? — сердито спросила я. — Почему Ворон в таком виде?

— Через четверть часа после вашего отъезда, мисс Аннабель, вернулся домой мистер Стивен. Узнав, где вы, он решил присоединиться к вам, сел на Ворона и ускакал. Конь только что вернулся сюда — с седлом под брюхом и без хозяина.

Я похолодела от страха.

— Вы отправили людей на поиски Стивена? — Во рту у меня так пересохло, что я с трудом выговаривала слова.

— Только что собирался сделать это, мисс Аннабель.

Объятая ужасом, я попыталась собраться с мыслями:

— Он сказал, что поищет нас?

— Да.

— А Стивен знал, что мы поехали на озеро?

Граймз покачал головой:

— Я и сам этого не знал, мисс Аннабель. Мистер Стивен хотел поискать вас сначала на Даунзе.

— Ладно. Тогда я сейчас же отправлюсь туда.

— Я поеду с тобой, Аннабель, — вызвался Джек. — Если он ранен, тебе понадобится помощь.

— А собак вы не возьмете с собой? — спросила Юджиния.

— Нет, — ответила я. И велела спаниелям идти с Джайлзом.

Мой сын спешил и, опустившись на колени, обнял Порцию.

— Не беспокойся, мама. Они останутся со мной.

Кивнув, я тронула поводья. Фея заартачилась, явно недовольная тем, что ее не отвели в стойло, не почистили и не дали сена. Я ударила ее хлыстом, и она понеслась вперед. Я пользуюсь хлыстом лишь в особо важных случаях, и мои лошади знают это.

Как только мы выехали из ворот, я пустила Фею в галоп, понимая, что Стивена не может быть там, где мы только что проезжали.

Джек скакал на Топпере, держась рядом со мной.

Добравшись до главной аллеи, мы свернули на боковую тропинку, но не ту, что вела к озеру, а другую, и Джек предложил перейти на рысь.

— Если Стивен лежит под деревом, мы можем проскочить мимо.

Он был, несомненно, прав, и я, подавив желание скакать во весь опор, попридержала Фею. Я смотрела вправо от тропы, а Джек — влево.

Проехав весь уэстонский парк и не обнаружив Стивена, мы в мрачном молчании свернули к Даун-зу, через одну-две мили выехали на открытое место, а еще через четверть мили увидели, что к нам приближаются двое людей и ведут за собой лошадь.

Один из них был без рубашки и поддерживал другого, который шел с трудом.

Этот второй был Стивен.

От радости у меня закружилась голова. Еще бы! Ведь все это время я боялась увидеть безжизненное тело, распростершееся на тропе.

Мужчины остановились, ожидая, когда мы с Джеком подъедем ближе. Только соскочив с седла, я рассмотрела спутника Стивена.

Это был Джем Уошберн.

— Ты! — с презрением процедила я.

— Не заводись, Аннабель, — сказал Стивен. — Просто не знаю, что делал бы, не приди Джем мне на помощь.

Его голос звучал глухо, волосы упали на лоб, правая щека и подбородок были перепачканы.

— При падении он ударился головой, — объяснил Джем. — Когда я подошел, Стивен лежал в беспамятстве на тропинке. Я разорвал рубашку, перевязал ему рану и стал ждать, когда он очнется.

Мои глаза были прикованы к Стивену.

— Со мной все в порядке, — сказал он все тем же глухим голосом.

— Сомневаюсь. — Я осторожно откинула волосы с его лба. Ранка, оставленная пулей на виске, уже начала заживать, но теперь вновь открылась и выглядела довольно скверно. Тем не менее она явно не имела отношения к слипшимся от крови волосам.

— Что случилось, Стивен? — спросил Джек.

— Должно быть, я упал с Ворона.

— Вероятно, так оно и было, — подтвердил Джем. — Я ехал с противоположной стороны, когда услышал, как заржал конь. Потом он проскакал мимо меня, один, без всадника. Тут я смекнул, что случилась какая-то беда. Поскакал по дорожке и увидел Стивена. Он лежал что твой мертвец. Минут пятнадцать не приходил в себя. Я только-только повел его домой.

— Почему ты не посадил его на свою лошадь? — вскинулась я. — Он же не в состоянии идти.

— Мне не удалось бы сесть в седло, — сказал Стивен. — Ноги как ватные, плохо слушаются.

— Я боялся, что он опять упадет и расшибет голову. — Джем обращался только к Джеку.

— Думаю, что вдвоем мы посадим его на Топпера. Ты, Аннабель, поддержи коня под уздцы, а мы с Джемом поможем Стивену.

Больно было видеть, как слаб Стивен: он еле стоял. Мужчины посадили его на лошадь.

— Не свалишься? — спросил Джек.

— Нет. — Бледное лицо Стивена приобрело землисто-серый оттенок.

— Я поведу Топпера, а вы оба присматривайте за раненым.

Путь через уэстонский парк казался бесконечно долгим. Джек вел на поводу Фею. За все это время он нарушил молчание только раз, спросив Джема, что могло так напугать Ворона.

— Не знаю, — отозвался Джем. — Я ничего не видел.

По пути домой мы встретили Адама, также отправившегося на поиски Стивена.

Он испытал явное облегчение от того, что Стивен с нами.

— Срочно пошлите за доктором, дядя Адам, — попросила я. — Стивен упал и, боюсь, у него сотрясение мозга.

Адам тотчас поскакал к дому.

***

Мы подвели Топпера к двери. Джек и Джем сплели руки и отнесли Стивена в его комнату. Вскоре в холл прибежала тетя Фанни:

— Я приготовила горячую воду.

— Нам понадобится и лед.

Тетя Фанни пошла наверх, а я спросила Адама:

— Вы послали за доктором?

— Да. Джаспер уже поехал.

— Хорошо. — Я направилась к лестнице.

— Боже! — воскликнул Адам. — Вот не повезло бедняге: ушиб раненую голову!

Я была очень напугана, ибо не раз видела, какими серьезными последствиями оборачиваются ушибы головы. Ведь такое частенько случается на охоте.

Стивен сидел в том же кресле, что и в прошлый раз. Джем стягивал с него сапоги. Тетя Фанни держала миску с теплой водой, собираясь сама заняться больным.

Стивен встретился со мной взглядом. Его широко открытые глаза потемнели. Все лицо было в ссадинах. Я через силу улыбнулась:

— Похоже, кто-то вознамерился вышибить у тебя мозги, Стивен.

Я приблизилась к его креслу.

— Кажется, да. — Язык Стивена заплетался.

Как только Джем стащил сапоги, к Стивену подошла тетя Фанни и начала осторожно перебирать ему волосы, полагая, что он ранен в голову.

— Лучше, вероятно, сбрить волосы, — посоветовал Джем. — Рядом со Стивеном валялся здоровенный сук.

У меня слегка отлегло от сердца. Слава Богу, что сук, а не камень.

— Ты помнишь, что случилось, Стивен? — спросил Джем.

— Я услышал в лесу какой-то странный звук, будто щенок скулит, привязал Ворона и пошел посмотреть, в чем дело, но ничего не нашел. Вернувшись, я отвязал коня и... Дальше в моей памяти полный провал.

— Хорошо, хорошо, — тихо пробормотала я и незаметно коснулась губами его уха. — Ничего страшного, если не помнишь. Не волнуйся.

— Пожалуй, джентльмены могут уйти, — заметила тетя Фанни.

— Ладно, не будем мешать, — ответил Джек. — Идем, Джем, я одолжу тебе сорочку, не то все красотки онемеют при виде твоего мускулистого тела.

Молодые люди направились к двери, а тетя Фанни, оставив миску, вооружилась маленькими ножницами. Уже в дверях, Джем обернулся и спросил:

— А не помнишь, Стивен, ослабил ли ты подпругу, когда вернулся к лошади?

— Кажется, нет.

Джем последовал за Джеком, но Стивен, подняв голову, спросил:

— Почему тебя это интересует? Подпруга была ослаблена?

— Пожалуйста, не дергайся, Стивен, — одернула его тетя Фанни. — Иначе я уколую тебя ножницами.

Я жестом попросила Джема уйти и ответила на вопрос сама:

— Когда Ворон прискакал в конюшню, седло болталось у него под брюхом. Значит, подпруга была ослаблена. Когда ты сел, конь, вероятно, попытался сбросить болтающееся седло, а заодно и тебя.

— Не помню, чтобы я ослаблял подпругу, но может, так оно и было.

Я сильно сомневалась в этом. Подпругу ослабляют лишь в тех случаях, когда спешиваются надолго. Однако мне не хотелось волновать его, и поэтому я сказала:

— Возможно.

Между тем тетя Фанни уже очистила место вокруг раны, еще кровоточащей, но, видимо, не слишком серьезной. Гораздо большие опасения внушал ушиб на виске, чреватый сотрясением мозга.

Мы с тетей Фанни решили не накладывать повязку до прибытия доктора. Я завернула лед в полотенце и приложила к виску Стивена. Он вздрогнул от боли.

— Холод — лучшее средство от ушиба. Когда лошади начинали прихрамывать, я всегда лечила им ноги холодной водой.

Стивен заметно слабел, и мы с тетей Фанни, решив уложить его, послали за лакеем. Однако раньше Мэтьюза появился запыхавшийся доктор Монроуз.

— Что вы с собой делаете, молодой человек? — Доктор подошел к Стивену. Тот криво улыбнулся. Доктор осмотрел рану.

— Отличная работа, Фанни. Мне остается только наложить пластырь.

— Я старалась выстричь как можно меньше волос.

— Хорошо, что я не из тех, кто заботится о внешности, — пошутил Стивен.

Его шутка приободрила меня. Пока мы хлопотали над ним, он был таким тихим, что я испугалась.

Бросив взгляд на висок Стивена, доктор заметил:

— То же самое место, что и в прошлый раз.

— Да, — подтвердила я.

Приподняв подбородок пациента, Монроуз заглянул ему в глаза:

— Гм... Стивен теряет сознание, Аннабель?

— Да, Джем Уошберн сказал, что он не приходил в себя минут пятнадцать.

— Голова сильно болит, Стивен? — спросил доктор.

— Адски. И к тому же ужасно гудит в ушах. Доктор поднял два пальца:

— Сколько пальцев вы видите?

— Четыре?

— У него сотрясение мозга. Уложите его в постель, Аннабель, дня на три.

— Я не могу так долго лежать.

— Можешь и будешь, — решительно проговорила я.

— А это опасно? — спросила тетя Фанни.

— Если не соблюдать назначений, очень опасно. Спросите Аннабель. Она знает, что случилось с Генри Марфилдом.

— Кто такой Генри Марфилд? — спросила тетя Фанни.

— Друг сэра Мэтью, который несколько лет назад охотился вместе с нами, — объяснила я. — Перепрыгивая через дерево, он свалился с лошади, ушиб голову и какое-то время пролежал без сознания. Так же, как Стивен. Доктор Монроуз назначил ему постельный режим, но он не послушался, а через два дня, возвращаясь домой из Стенхоупа, умер в фаэтоне. Упал на сиденье — и все.

— Апоплексия, — пояснил доктор.

— Какой ободряющий пример, — заметил Стивен.

— Вот поэтому ты и проведешь в постели три дня, — сказала я.

Вошел лакей и почтительно спросил:

— Миледи, вам что-то угодно?

— Да, Мэтьюз. Раздень и уложи мистера Стивена.

— Зайдите ко мне перед отъездом, Мартин, — обратилась к доктору тетя Фанни. — Я

угощу вас стаканчиком портвейна.

— Не могу, Фанни. Мне предстоит посетить еще нескольких пациентов.

— Тогда выпейте чаю.

— С удовольствием.

— Ты присоединишься к нам, дорогая Аннабель?

— Непременно, но чуть позже. Где вас найти?

— В столовой.

Когда тетя Фанни и доктор ушли, я сказала лакею:

— Останься с мистером Стивенем и не отлучайся ни на минуту.

Мэтьюз посмотрел на меня своими рыбьими голубовато-серыми глазами:

— Слушаюсь, миледи.

— Полагаю, в этом нет никакой необходимости, — пробормотал Стивен.

— Позволь мне самой судить об этом, — ответила я.

Его ужасный вид испугал меня.

— Пожалуйста, успокойся и отдохни. Постарайся ни о чем не думать.

— Я ласково обняла его за плечи. — Мне будет гораздо спокойнее, если с тобой останется Мэтьюз. Прошу тебя, не упрямясь.

— Ладно, — устало согласился Стивен.

Внизу я увидела Джема Уошберна. В сорочке Джека и хорошо начищенных сапогах он выглядел вполне прилично, несмотря на неопрятные черные лохмы. Однако его худое лицо выражало настороженность.

— Хотелось бы знать, что ты делал в это утро на той тропинке, где нашел Стивена. — Я старалась скрывать неприязнь к нему.

— Я шел повидаться с Мариэттой Адаме. — В его голосе прозвучала такая же враждебность, как, вероятно, и в моем. — Вы, может, слышали, что мы скоро венчаемся.

— Слышала. Удивительно, Джем, что ты так преуспел за те пять лет, что Стивен провел на Ямайке. Даже Джордж Адаме считает тебя подходящим женихом для своей дочери.

При свете, проникавшем в небольшое круглое окошко над задней дверью, я хорошо видела Джема. Услышав мои слова, он сильно побледнел.

— Вы считаете, Стивена сослали на Ямайку из-за меня, мисс Аннабель? — Охваченный волнением, он называл меня так, как прежде.

Я подошла ближе к нему:

— А разве ты не виноват в этом?

— Да, виноват, — признался он.

— Ведь это ты шел с контрабандным товаром в ту ночь? Стивен никогда не занимался контрабандой.

— Да, — повторил он, — я. — Тряхнув головой, Джем откинул назад волосы, и этот знакомый жест воскресил в моей памяти прежнего юношу.

— Он же был твоим другом, единственным другом, Джем! Как же ты мог предать его?

Джем потупился:

— Стивен принудил меня поступить так.

Я недоверчиво фыркнула.

— Это правда, мисс Аннабель. Он кажется таким мягким и уступчивым, но вы же сами знаете, как все оборачивается, если что-то взбредет ему в голову. Из него это и молотком не вышибешь.

Мне пришлось согласиться с ним. И вдруг Джема прорвало:

— Стивен знал, что я связан с контрабандистами, и слышал, будто властям донесли об очередной партии коньяка. Он нашел меня в лесу и велел идти домой, сказав, что сам позаботится о коньяке. Я не хотел этого делать, но он все долбил и долбил свое... в конце концов я подчинился.

Так я и предполагала!

— Как благородно с твоей стороны, — презрительно заметила я.

— Я поступил как трус, сам знаю. Но Стивену... удалось меня убедить, что это разумное решение. Он сказал, что, если попадусь я, меня сошлют, а может, даже повесят, тогда как он, сын графа, отделается лишь предупреждением. И я поверил ему. Поэтому, когда я узнал, что его ссылают на Ямайку, меня будто обухом по голове огрели.

— Однако ты почему-то не явился с повинной, не взял на себя ответственность.

Джем запустил пальцы в волосы, а потом я увидела у него под ногтями запекшуюся кровь Стивена.

— Видите ли, он тайно передал мне письмо с одним лакеем.

Я молча уставилась на него:

— Тайно передал тебе письмо?

Джем кивнул.

Меня ослепил гнев. Стивен послал ему письмо! Ему, а не мне!

— И что же он тебе написал?

— Велел мне помалкивать и угрожал назвать меня лжецом, если я явлюсь с повинной.

— Стивен послал тебе письмо уже после того, как его посадили под замок? — уточнила я. Джем снова кивнул.

— Он написал, что его высылают всего на один год. — Глубоко посаженные глаза Джема сверлили меня, а в его голосе звучали воинственные нотки. — Он оставался на Ямайке так долго только потому, что вы вышли замуж за его брата.

— Что ты сказал? — в ужасе спросила я.

— Он оставался на Ямайке так долго потому...

— Нет! Ты сказал, что Стивена выслали на год?

— Так он написал.

«По меньшей мере пять лет», — сообщила мне мать. Слова Джема потрясли меня.

— Почему вы так поступили с ним, мисс Аннабель? — продолжал он. — Да, я был его другом, но любил он вас. Ведь вы со Стивеном были... ну просто водой не разлить. Как вы могли так поступить, мисс Аннабель? Как?

Отпрянув назад, я отвела глаза от Джема:

— То, что происходило или происходит между Стивеном и мной, — не твое дело. — Я уставилась на медную стойку для зонтов.

— То, что касается вас, и впрямь не мое дело. А вот за Стивена я очень беспокоюсь. Уверен, мисс Аннабель, кто-то подкарауливал его в лесу.

Я быстро посмотрела на Джема:

— Почему ты так считаешь?

— А потому, что сам Стивен не мог ослабить подругу. К тому же в лесу не было никакого щенка. Да, я слышал звуки, стоя на коленях возле Стивена, но то позвякивала уздечка. Кто-то удалялся на лошади в лес.

— Так и знала, — выдохнула я. — О Господи! Пока Стивен искал щенка, кто-то ослабил

его подругу.

— Бьюсь об заклад, что так оно и было. Не подоспей я вовремя, тот, кто охотился за Стивеном, трахнул бы его по голове, и делу конец.

Лицо Джема вдруг расплылось перед моими глазами. Мне стало дурно, но все же я почувствовала, что мои плечи обвила сильная рука. Очнулась я в старом, эпохи короля Иакова, дубовом кресле, предназначенном для посетителей, входящих в дом через заднюю дверь.

— Может, позвать кого-нибудь? — своим грубоватым тоном спросил Джем.

— Нет. — Сделав несколько глубоких вдохов, я поглядела на Джема:

— Со мной все в порядке. Просто меня потрясло то, что мои худшие опасения сбываются.

— Господи, мисс Аннабель, но кто же хочет его убить? Ведь он вернулся совсем недавно, с ним некому сводить счеты.

— Не знаю, Джем, но будь я проклята, если не выясню, кто это.

— Конечно, узнаете, мисс Аннабель. Вы ведь такая же упрямая, как и Стивен. Его нельзя оставлять одного, — добавил Джем. — Даже в спальне. Хотите, я посижу с ним?

— Я оставила со Стивеном лакея.

— Да что он может, этот ваш лакей? — презрительно фыркнул Джем. — Вот схожу домой, переоденусь, а потом вернусь и постерегу Стивена.

Я призналась себе, что Джем нужен мне как надежный союзник. Вероятно, он прав: его неожиданное появление на лесной тропинке спасло Стивену жизнь.

Мне также стало ясно, что случай с подругой не имеет никакого отношения к контрабандистам.

— Думаешь, на него покушается кто-то из домочадцев?

— Боюсь, что так.

Я облизнула пересохшие губы.

— Но почему, Джем?

— Поняв причину, вы узнаете, кто этот подлец. Но как мучительно выяснять! Подумать только, что кто-то из нашей семьи...

— Так мне вернуться? — спросил Джем.

— Да.

Он уже отворил дверь, когда я окликнула его:

— Джем!

Он обернулся.

— Захвати все, что нужно. Возможно, тебе придется остаться у нас.

Джем вернулся и всю вторую половину дня просидел, сложив на груди руки и настороженно глядя на дверь. Заглянув в спальню около пяти, я сказала ему, что ужин подадут в отведенную ему комнату, а пока я сама подежурю у Стивена.

— Я могу поесть и здесь, мисс Аннабель, — возразил он.

— Всю ночь просидеть трудно. — Поняв, что не убедила Джема, я добавила:

— Мне хотелось бы побыть с ним наедине.

— Хорошо.

Через распахнутые окна спальни доносился запах свежескошенной травы. Стивен лежал неподвижно, и, стоя у кровати, я внимательно наблюдала за ним.

Мне показалось, что он дышит слишком часто и поверхностно, и меня охватил страх. Спит Стивен или лежит в беспамятстве? А вдруг он никогда не проснется?

— Стивен! — позвала я. — Проснись!

Он не пошевелился, но его ресницы слегка затрепетали. Я положила руку ему на плечо и встряхнула его:

— Ты должен проснуться! Стивен приоткрыл глаза, и я сразу поняла, что у него разламывается голова.

— Аннабель?

Его язык по-прежнему заплетался, но он очнулся и даже узнал меня. Я склонилась над ним:

— Прости, что разбудила тебя, Стивен. Все в порядке. Спи.

Он закрыл глаза. Ноги у меня подкашивались, и я опустилась в кресло возле кровати, очень неудобное, с резным львом на тяжелой дубовой спинке. «Придется поменять его», — подумалось мне.

Устроившись так, чтобы лев не упирался мне в голову, я размышляла над тем, что узнала от Джема.

Как низко поступила моя мать, солгав, что Стивена ссылают на пять лет. «Пять лет — или ему будет предъявлено обвинение в контрабандной торговле».

Нагнувшись, я прильнула губами к руке Стивена, лежавшей поверх одеяла. Затем прижалась щекой к его теплой ладони и закрыла глаза.

И вот мне снова семнадцать лет, моя мать только что заподозрила, что я беременна.

Это случилось на другой день после отплытия Стивена. Едва притронувшись к ужину, я извинилась и ушла к себе в комнату. Через десять минут ко мне явилась мама и тут же высказала свое ужасное подозрение.

Я была потрясена.

— От кого этот ребенок, Аннабель? — спросила мама.

Я словно потеряла дар речи.

— От Джералда?

Я молча покачала головой.

Мать поджала губы:

— Нет, это, пожалуй, было бы слишком хорошо, на такое нечего и надеяться. Значит, от Стивена?

Похолодев, я обхватила себя руками:

— Д-да. От Стивена.

Когда мне исполнилось шестнадцать, мама перевела меня из детской в мою новую спальню, расположенную в середине коридора на втором этаже. Это затрудняло наши контакты со Стивеном, ибо мне приходилось следовать по коридору к одной из двух лестниц. Только на третьем этаже, где помещались детская и комната Стивена, я чувствовала себя в относительной безопасности. Глаза мамы холодно сверкнули.

— Мы слишком долго оставляли тебя и Стивена без присмотра, Аннабель. — Она побелела от гнева. — Мы с Уэстоном всегда считали, что вы как брат и сестра. Именно это вы и старались нам внушить.

Я облизнула губы.

— Да.

Мама ломала руки:

— Когда сегодня в столовой я увидела твои глаза... — Она умолкла, онемев от ярости, огляделась, схватила со стола фарфоровую статуэтку и вдребезги разбила ее о камин.

Я вздрогнула.

— Боже мой! — воскликнула мать, видимо, ощутив облегчение. — Да ты же повела себя как дура, Аннабель!

Вздернув подбородок, я дерзко заявила:

— Я люблю Стивена, мама, и он любит меня.

— О да! — саркастически фыркнула моя мама. — Он любит тебя так сильно, что связался с контрабандистами и, спасая свою шкуру, удрал на Ямайку. — Она взглянула на меня холодным, бездушным взглядом. — Стивен сообщил тебе о своем отъезде?

Я опустила голову.

— Значит, не сообщил. — В голосе матери прозвучало удовлетворение. Я посмотрела на нее:

— Ты даже не позволила мне увидеться с ним и нарочно заперла его!

— Такое условие поставили власти Уэстону. Было необходимо предотвратить возможность общения Стивена с его сообщниками-контрабандистами.

— Но я же не его сообщница!

— Стивен мог бы связаться с тобой, если бы захотел, — презрительно бросила мать. — Увидеться — нет, а написать записку мог... — Мать пристально взглянула на меня. — Но он даже этого не сделал, верно? — Мать бессовестно использовала свое преимущество:

— Как ты оправдаешь такое поведение?

Как оправдать то, чему нет оправдания?

Я молча покачала головой.

По обе стороны камина в моей комнате стояли кресла с решетчатыми спинками. Мама села в одно из них и жестом пригласила меня сесть в другое, что я охотно сделала, ибо ноги мои подкашивались, а к горлу подкатывала тошнота.

— Очень милое положение, — презрительно процедила она. — Моя дочь беременна, а отца ребенка сослали на Ямайку за сообщничество с контрабандистами.

— Сколько времени Стивен пробудет на Ямайке? — спросила я дрожащим голосом.

Мама оттолкнула ногой обломок статуэтки.

— Кто знает. Власти предупредили, что арестуют Стивена, если он вернется в Англию. Уэстон полагает, что пройдет по меньшей мере пять лет, прежде чем нам удастся испросить милости для него.

— Пять лет? — Мне такой срок показался вечностью.

— Тебе придется выйти замуж за другого.

— Я не могу этого сделать. — Меня охватил ужас.

— Ты хочешь произвести на свет незаконнорожденного ребенка?

Я закрыла лицо руками:

— Нет, не хочу.

— А может, отправишься на Ямайку? — безжалостно продолжала мать. — Выдержишь ли ты двухмесячное плавание, Аннабель? Заслужил ли такую жертву человек, который уехал, даже не предупредив тебя?

Я хорошо знала ответ на этот вопрос, поэтому выпрямилась и вздернула подбородок:

— Нет, мама, не заслуживает.

— Тогда тебе придется выйти замуж за другого.

Я вцепилась в мягкие подлокотники и закусил губу.

— Никогда этого не делай, — одернула меня мать. — Ничто так не отталкивает мужчин, как эта привычка.

Я устремила на нее испуганный взгляд:

— Ты убеждаешь меня выйти замуж, но кто женится на мне, зная, что я ношу под сердцем ребенка Стивена?

— Твоему будущему мужу совсем не обязательно знать, что ребенок не от него.

Голова у меня раскалывалась от боли.

— В твоих словах нет никакого смысла, мама.

Она презрительно усмехнулась:

— Иногда, Аннабель, ты кажешься мне слишком глупой для этой жизни. Послушай меня. Я объясню тебе, что следует делать.

***

Я подняла голову и еще раз нежно поцеловала руку Стивена.

«Мне надо было последовать за тобой на Ямайку».

Если бы не мама, вероятно, прошло бы много времени, прежде чем я поняла бы, что со мной. Тогда было бы поздно думать о замужестве и мне осталось бы одно — отправиться на Ямайку.

И ведь все это время она знала, что Стивена выслали всего на один год!

Если меня и раньше приводило в негодование ее вмешательство в мои дела, теперь, узнав обо всем, я чувствовала ненависть к матери.

Подняв голову, я взглянула на спящего Стивена, с болью размышляя о том, почему он не поговорил со мной перед отъездом. Ведь это избавило бы нас от стольких страданий!

Через пятнадцать минут вернулся Джем, а я спустилась в свой будуар.

***

Стивен проспал сутки. Боясь, как бы он не умер во сне, я каждые четыре-пять часов будила его, желая убедиться, что Стивен узнает меня.

Джем не позволил Мэтьюзу сменить его, и я велела поставить в спальне еще одну кровать, чтобы он мог хоть немного вздремнуть.

Нелл, очень волновавшаяся за Стивена, слонялась неподалеку.

Состояние дочери тревожило тетю Фанни, и она резко поговорила с Нелл, попросив ее держаться подальше от Стивена.

Теперь та не скрывала враждебности к матери.

На следующий вечер, когда Стивен оправился настолько, что мог уже сидя есть, Джайлз испуганно сказал мне:

— Мама, кто-то и правда хочет убить дядю Стивена.

Я читала сыну книгу, сидя в большом кресле-качалке. Он уже слишком вырос, чтобы сидеть у меня на коленях, однако, прижимаясь ко мне, наслаждался моим теплом.

Я подняла глаза от «Робинзона Крузо». Теперь я поняла, почему все это время мальчик слушал меня вполуха.

— Ты так думаешь, Джайлз? Водя пальцем по корешку кожаного переплета, он старался не встречаться со мной взглядом.

— Да.

«Боже! — подумала я. — Как объяснить пятилетнему мальчику, что кто-то пытается убить его дядю?»

— Такие происшествия кажутся иногда подозрительными, Джайлз, но...

— исподволь начала я. Он посмотрел на меня исподлобья:

— Не лги мне, мама. Я уже не маленький. Глядя в его глаза, так похожие на мои, я поняла, что, солгав сейчас, навсегда утрачу его доверие:

— Ну, если хочешь знать правду, дорогой, кто-то и в самом деле пытается убить дядю Стивена. Джайлз затрепетал и теснее прижался ко мне:

— Я боюсь, мама. Кто позаботится о нас, если с дядей Стивеном что-то случится?

— С дядей Стивеном не случится ничего плохого, а заботиться о тебе всегда буду я.

Джайлз уткнулся лицом мне в плечо:

— Ты любишь дядю Стивена, мама?

— Конечно, люблю.

— А как ты его любишь? Очень-очень?

Я насторожилась:

— Да, очень люблю.

— Больше, чем меня?

Не спуская глаз с сине-белых изразцовых плиток камина, я тщательно обдумывала свой ответ. Ведь от моих слов зависят отношения между Стивеном и его сыном.

— Я никогда никого не буду любить больше, чем тебя. Дядю Стивена я люблю совсем по-другому. Самая главная любовь моей жизни принадлежит только тебе, никому больше.

— У тебя такой счастливый вид, когда ты бываешь с дядей Стивеном,

— заметил Джайлз, как мне показалось, с укором.

Я поцеловала его светлую головку:

— Мне и в самом деле приятно бывать с дядей Стивеном. Мы очень дружили в детстве, и я, конечно, скучала без него.

Джайлз все так же судорожно прижимался ко мне. Очевидно, мои слова не успокоили его.

— Когда подрастешь, Джайлз, ты полюбишь какую-нибудь девушку и женишься на ней.

Неужели тогда ты станешь любить меня меньше?

Он оторвал голову от моего плеча:

— Конечно, нет, мама.

— Ты занимаешь главное место в моем сердце, а я — в твоём, и это место никогда не будет принадлежать никому другому. Согласен?

— Да. Пожалуй. — В тоне мальчика не было особой уверенности, но напряжение явно спало. — Ты собираешься замуж за дядю Стивена, мама?

Боже праведный! Да я же не готова к таким вопросам!

— А тебе этого не хочется? — осторожно поинтересовалась я.

— Но ведь ты, наверное, все равно выйдешь за кого-нибудь. Пусть уж лучше это будет дядя Стивен. Он хоть слушает, что я говорю. Не то что Джек. Тот слушает только Джени.

— Мы еще ничего не решили, Джайлз. Поэтому, пожалуйста, не говори никому, что мы со Стивеном собираемся пожениться.

— Все и так уже это знают.

Я оцепенела:

— Кто эти все?

— Миссис Нордлем, Ходжес и наш повар, мама. Вчера они говорили об этом на кухне.

Я пришла в ужас.

Джайлз, видимо, почувствовав мое волнение, поспешил успокоить меня:

— Они все радовались этому, мама, потому что любят дядю Стивена.

— Приятно слышать.

Джайлз так и не уловил скрытой в моих словах иронии.

— Но ведь если дядя Стивен умрет, ты не сможешь выйти за него замуж, мама, — заметил он. — Мы должны найти того человека, который хочет его убить.

— Превосходная мысль, дорогой.

— Но как это сделать, мама? Уэстонский парк такой большой. Кто знает, где он прячется.

Значит, мой сын не предполагает, что враг может прятаться в доме.

— Думаю, никому из нас не надо выходить, пока его не поймают, — заметил Джайлз. — Это опасно.

— Тебе ничто не угрожает, когда ты не с дядей Стивеном.

— Но мне не нравится, что кто-то охотится на дядю Стивена.

— Мне тоже не нравится, дорогой. Совсем не нравится.

Несколько минут мы молча покачивались в кресле, затем я стала читать «Робинзона Крузо» дальше.

***

Позднее, размышляя о разговоре с сыном в тиши моего будуара, я вдруг подумала, что Джайлз вел себя довольно странно. Почему его не смутило, что кто-то вскоре займет место Джералда?

***

В течение двух дней после происшествия со Стивеном в доме было очень тихо. Дауэр-Хаус уже почти привели в порядок и обставили заново. Тетя Фанни проводила теперь много времени в своем доме, завершая последние недоделки. При ней, хотя и против воли, находилась Нелл.

Адам большую часть дня проводил в разъездах и брал с собой Джаспера, желая дать ему представление о том, как управлять поместьем.

Мы с Джеком часами сидели в моем кабинете, в подробностях обсуждая наш проект.

Оставаясь все это время под присмотром Джема, Стивен слабо протестовал, но все же не поднимался с постели, что явно свидетельствовало о его дурном самочувствии.

Думаю, повлиял на него и мой рассказ о Генри Марфилде. На третий день у Стивена прекратился шум в ушах. На следующее утро он спустился к завтраку, но ел без особого аппетита.

— Этот шум в ушах доводил меня до исступления, — признался Стивен.

— Голова все еще болит?

— Не так сильно.

— Но боль не прошла?

— Нет. Однако мне гораздо лучше.

Он и выглядел весьма сносно, хотя на лбу была безобразная шишка, а под глазами — темные круги. Зато бледность, к счастью, прошла, а глаза, как прежде, сияли голубизной.

— Просто чудо, что на этот раз ты не разбил себе носа, — заметила я.

— Поверь, я предпочел бы разбить нос, а не лоб.

Кроме нас, в столовой находился только лакей, стоявший возле буфета.

— Джеймс, — сказала я, — принеси, пожалуйста, еще булочек.

Серебряная хлебница на буфете была полна булочек, однако Джеймс невозмутимо ответил:

— Слушаюсь, миледи.

— И не забудь закрыть за собой дверь.

— Слушаюсь, миледи.

Как только Джеймс удалился, Стивен насмешливо спросил:

— К чему такие предосторожности?

— Не хочу давать слугам повод для сплетен.

— Что ты имеешь в виду?

— Не важно.

Я не хотела говорить с тобой, пока ты чувствовал себя так плохо, но нельзя допустить, чтобы охота на тебя продолжалась. Следующее покушение может оказаться роковым.

Он вздохнул:

— Понимаю, Аннабель.

— Кто покушается на тебя, Стивен? Ты знаешь?

— Да.

— Тогда скажи мне.

Выслушав его, я прикрыла глаза ладонью.

— У меня была надежда, что мои подозрения не оправдаются, — добавил Стивен. — Но чем старательнее я проверял, тем очевиднее становилась его вина.

Я кивнула.

— Когда человек, которого я послал в Нортгемптоншир, вернулся, последние мои

сомнения рассеялись.

Я снова кивнула.

— И что... что ты собираешься делать?

— Я должна была бы прийти в ярость, Стивен. Ведь он пытался убить тебя. Но я не чувствую ничего, кроме глубокой печали.

Стивен потер лоб, словно желая избавиться от боли.

— Понимаю.

— А что ты предлагаешь? — спросила я.

— Устроить что-то вроде очной ставки.

— А что потом?

— Потом нам придется удалить его из Уэстона, Аннабель. Ты ведь не хочешь, чтобы его арестовали? Я покачала головой.

— Я с ним поговорю, — сказал Стивен. — Тебе необязательно при этом присутствовать.

— Я готова разделить с тобой эту неприятную обязанность.

— Ну что ж. Тогда поговорим с ним сегодня же. Мы услышали робкий стук в дверь. Бедный Джеймс, видимо, не решался войти.

— Входи, — крикнула я. Джеймс принес полную корзинку булочек и поставил ее рядом со столь же полной хлебницей:

— Вот ваши булочки, миледи. Мне было так плохо, что я не притронулась ни к одной.

Я дала поручение Ходжесу, и мы со Стивеном пошли в библиотеку. Мне пришлось занимать его рассказом о новых охотничьих лошадях, а ему делать вид, будто это очень интересует его. Однако нам казалось, что время тянется очень долго.

Дверь библиотеки осталась открытой, и мы одновременно услышали приближающиеся шаги.

Воцарилось напряженное молчание. Я сидела в кресле за столом, а Стивен справа от меня. Напротив нас стояло еще два кресла.

Перед библиотекой шаги смолкли, и дверь широко распахнулась.

— Ты хотела поговорить со мной, Аннабель? — спросил знакомый голос.

— Да, — ответила я. — Войдите, пожалуйста, дядя Адам, и закройте дверь.

Он знал, что мы догадались. Его лицо побелело, но Адам пытался улыбаться.

— Рад видеть тебя на ногах, мой мальчик, — сказал он Стивену, опустившись в кресло.

Охваченная гневом, я бросила взгляд на Стивена. Вид у него был серьезный и решительный.

— Я просмотрел конторские книги, дядя Адам, — сказал он. — За последние десять лет вы похитили не менее сорока тысяч фунтов из доходов уэстонского поместья.

— О, Стивен! — удрученно и устало воскликнул Адам.

— Меня насторожило и то, что выяснилось после грозы, — продолжал Стивен. — Я обошел всех наших арендаторов, чтобы оценить понесенный ими ущерб. Он весьма значителен, дядя Адам. Кровля у Чарли Хатчинсона стала как решето, хотя если верить книгам, ее заменяли два года назад. Однако Чарли утверждает, что вот уже четыре года просит починить ему кровлю, а вы ему постоянно отказываете. Между тем в наши книги вписана весьма крупная сумма, якобы истраченная на это благое дело.

Адам уставился на турецкий ковер. С каждой минутой он, казалось, становился все старше и старше.

— Судя по книгам, Мартинам был вырыт новый колодец, а Торпам установлена новая изгородь, но ведь ни того, ни другого не сделали, верно, дядя Адам?

Адам поднял глаза:

— Ты сам это знаешь, мой мальчик.

— Никто так и не осушил затопленного двора Беннингтонов, однако сумма, якобы на это истраченная, внесена в книги.

— Не стоит перечислять все мои... ухищрения, Стивен, — сказал Адам. — Я ничего не отрицаю.

— Как вы могли, дядя Адам? — не выдержала я. — Мы все так доверяли вам, так на вас полагались! Как же вы могли нас предать?

Он поглядел на меня, и я впервые за это время заметила искру жизни в его серых глазах.

— Я очень нуждался в деньгах, Аннабель. Неужели, по-твоему, мне удалось бы оплатить патент на офицерский чин для Джаспера или вывезти Нелл в лондонский свет на то жалкое жалованье, которое я получал от Джералда и его отца?

— Но ведь вы как будто никогда не испытывали никакой нужды? — удивленно воскликнула я и тут же, покраснев, умолкла.

Стивен только что подробно объяснил, на какие деньги жил Адам.

Старик иронически улыбнулся:

— У меня была крыша над головой и хватало денег на еду и одежду. — Улыбка сбежала с его лица. — Но я не хотел, чтобы мои дети оказались в таком же жалком положении бедного родственника, зависящего от щедрости покровителя.

— Дядя Адам, — перебила я, крайне удрученная. — Никто никогда не относился к вам как к бедному родственнику.

— Ты, может, и нет, Аннабель, — с горечью возразил Адам, — а вот Джералд и его отец — да.

Я растерялась, ибо всегда считала Адама членом нашей семьи. Конечно же, он ошибается.

Неловкую паузу нарушил спокойный голос Стивена:

— У тети Фанни никогда не было богатого кузена, который оставил бы ей поместье в Нортгемптоншире. Это вы, дядя Адам — не правда ли, — купили его для Джаспера.

— Да.

Стивен безжалостно продолжил:

— Вы все время выписывали счета на материалы, никогда сюда и не поступавшие. Регулярно делали приписки к ценам на продукты для кухни и таким образом набивали себе карманы.

— Но ведь все домашние счета веду я, — возразила я. — Поэтому заметила бы подтасовки.

Адам криво усмехнулся.

— На все мои покупки я непременно представлял счета, Аннабель.

— С твоими книгами все в порядке, Аннабель, — успокоил меня Стивен. — Все затраты подтверждаются счетами, тщательно соблюдается баланс. — Он бросил взгляд на Адама. — Сомнения появляются, когда начинаешь проверять подлинность счетов. Я навел кое-какие справки в Брайтоне, дядя Адам, в тех магазинах, которые поставляют в Уэстон продукты. Вырученные ими суммы, судя по записям в их книгах, значительно отличаются от тех, что внесены в книги Аннабель.

— Сахар! — вдруг воскликнула я. — Меня всегда удивляло, почему у нас уходит так много сахара.

— Я обычно удваивал счета за сахар, — признался Адам. — Но все же никак не могу понять, Стивен, что внушило тебе подозрения. Когда ты взял мои книги, я понял: ты хочешь до чего-то докопаться. Так что побудило тебя к этому?

— Я уже сказал: гроза. Адам покачал головой:

— Сомнения появились у тебя еще до грозы, мой мальчик.

Взяв со стола серебряный нож для бумаги, Стивен зажал его между пальцами.

— Верно, — признался он.

— Но почему? — настаивал Адам. — Как ты говоришь, в книгах все было в порядке.

— Я насторожился, узнав, что Джералд назначил меня, а не вас опекуном Джайлза. Вот тут-то мне и пришло в голову, что брат заподозрил какие-то махинации в управлении поместьем.

Услышав смех Адама, я вздрогнула.

— Злая ирония судьбы! — воскликнул он. — Совсем как в греческих трагедиях. Неужели именно это насторожило тебя?

— Между мной и Джералдом, вы знаете, не было братской близости.

— О Боже! — Адам откинулся на спинку кресла. — Назначить управляющего опекуном своего сына! Да он и не помышлял о таком. Именно это и предопределило его решение.

Адам казался сейчас старым, измученным... и безнадежно отчаявшимся.

— Все это очень печально, дядя Адам, — проговорила я.

Мне и в самом деле было грустно от того, что он сделал, вернее, что ему пришлось это сделать. Но больше всего я жалела о том, что разоблачения Стивена навсегда подорвали доверие и симпатию к этому человеку. А ведь позади у нас было много хорошего!

Однако мошенничество дяди Адама оказалось не главным в этом тягостном деле. Вторым человек, приглашенный нами в библиотеку, представлял куда большую опасность, чем бедный старик. Тот, кого мы теперь ждали, был не вором, а убийцей.

— Как вы поступите со мной? — спросил Адам.

Дверь скрипнула.

— Подождите. Скоро узнаете, — сказал Стивен.

На пороге появился Джек. Он, конечно, не видел дядю Адама, скрытого высокой спинкой кресла.

— Аннабель! — весело проговорил Джек, входя в комнату.

— Какого черта ты сюда пришел? — рассердилась я.

Он в изумлении остановился у кресла дяди Адама.

— Простите, я не заметил вас, Адам. Мне хотелось поговорить с Аннабель о нашем новом конном заводе. — Джек бросил взгляд на меня:

— Я зайду позднее, ладно?

Он так и не закончил, увидев, что мы со Стивеном уставились на дверь.

— Входи, Джаспер. — Стивен жестом пригласил кузена сесть. — Нам надо поговорить.

Джек отошел и теперь стоял у стены, скрестив на груди руки и всем своим видом показывая, что не намерен удалиться.

— Джаспер, мой мальчик. — Дядя Адам ласково посмотрел на сына.

— У нас будет семейный совет? — с наигранной непринужденностью осведомился Джаспер и обвел нас настороженным взглядом.

— Мы собрались здесь для того, чтобы выяснить, кто покушается на жизнь Стивена, — объяснила я.

В комнате воцарилось напряженное молчание.

— Ты подозреваешь кого-то из нас? — спросил Адам.

— Да.

Адам оглядел всех поочередно и задержал взгляд на Джеке:

— Если один из присутствующих и замыслил дурное, Аннабель, то это, конечно, Джек. У него есть на то веская причина.

Джек хранил молчание.

— В случае смерти Стивена и Джайлза он наследовал бы титул, — продолжал Адам. — Это весьма серьезный мотив. Особенно для того, чьи карманы всегда пусты.

— Сомневаюсь, что объектом покушений был Джайлз. Они дважды коснулись и его, но лишь потому, что он был со мной.

— Я ничего не достиг бы, убив одного Стивена, — заметил Джек.

— Откуда ты знаешь, что покушались не на Джайлза? — вдруг спросил Джаспер. — Течь в лодке представляла опасность прежде всего для него. Ведь именно Джайлз рыбачил на озере все лето.

Стивен положил нож для бумаги на стол.

— Тот, кто стрелял в меня в лесу, промахнувшись, не последовал за мной, чтобы довершить начатое, ибо опасался, как бы его не увидел Джайлз.

Ведь ему тогда пришлось бы убить и мальчика. Вот почему я полагаю, что покушались не на Джайлза.

— Вероятно, стрелявший думал, что ты вооружен, — заметил Джаспер.

— Все хорошо знают, что я никогда не ношу с собой оружия, — возразил Стивен. Джаспер пожал плечами:

— Ты можешь назвать имя подозреваемого, Стивен? Интересно, располагаешь ли ты доказательствами того, что кто-то из присутствующих замыслил убийство? А что, если

стрелял браконьер? Случайно, по ошибке?

— У меня есть доказательства. Адам напрягся:

— И что же это за доказательства?

— Одно вещественное доказательство найдено Джемом там, где я упал с Ворона. Его обронули, ослабляя подругу. Джем показал мне эту вещь, и я тотчас узнал ее. Это была кавалерийская перчатка, Джаспер. Из тех, что ты обычно носишь.

Не успел Джаспер ответить, как Адам опередил его:

— Это я ослабил подругу, Стивен! Джаспер оставил перчатки в конюшне, и я сунул их в карман, чтобы вернуть ему при встрече. Одна из них, должно быть, и выпала.

— Замолчи, папа! — рявкнул Джаспер. Адам пристально посмотрел на сына:

— Ты уж прости, что я впутал тебя в это дело. Но видишь ли, Стивен узнал о моих махинациях с деньгами, и у меня не оставалось иного выхода.

Джаспер побледнел от ярости:

— Пожалуйста, замолчи, отец. Возле Ворона не могли найти кавалерийскую перчатку. Стивен берет тебя на пушку.

— Откуда тебе известно, что возле Ворона не было кавалерийской перчатки? — строго спросил Джек.

Джаспер ответил ему лишь мрачным взглядом.

— Ты ведь знаешь, что в тот день не надевал перчаток, верно?

— Что за чушь! — презрительно бросил Джаспер. — Чего бы я достиг, убив Стивена?

— Ты догадался о махинациях отца и, разумеется, не поверил сказке о богатом кузене твоей матери. Испугавшись, что я разоблачу Адама, ты попытался убить меня.

— Какая чушь! — повторил Джаспер и посмотрел на меня:

— Но ты-то, надеюсь, не веришь этим злобным бредням, Аннабель?

— Мне очень больно поверить в это, Джаспер, но кто-то, несомненно, пытался убить Стивена. Теперь же стало ясно, что убийца живет в нашем доме.

— Неужели ты решила, что это я? — В его голосе прозвучала невыразимая горечь.

— Ты тут ни при чем, Джаспер, — сказал Адам. — Во всем виноват я: понял, что мне грозит разорение, и постарался это предотвратить. — Он поглядел на Стивена:

— Ты уж прости, мой мальчик, но дело обстоит именно так.

— Простите меня и вы, дядя Адам.

— Ты отлично знаешь, что мой отец не покушался на твою жизнь, Стивен, — твердо проговорил Джаспер.

— Но он только что сознался в этом!

Джаспер взглянул на отца:

— Тебе не следовало поддаваться на эту уловку, папа. Стивен обманул тебя, сказав про кавалерийские перчатки. На самом же деле у него нет доказательств. — Он обратился к Стивену:

— Верно?

— Доказательств и в самом деле нет, — признался тот.

— Вся вина, конечно, на мне. — Джаспер понурился. — Как только ты начал копаться в книгах отца, я сразу же понял: игра проиграна.

— Не слушай его, Стивен... — вставил Адам.

— Хватит, папа! — бросил Джаспер, мрачный как туча.

Вглядевшись в дорогие, знакомые с детства лица, я начала осознавать реальность

происходящего.

Джаспер пытался убить Стивена!

— Как ты мог? — выдохнула я с ужасом. — Как ты мог даже помыслить об этом? — Передо мной сидел незнакомец с беспощадно жестоким выражением лица. «Такое лицо, вероятно, бывает у солдат, бросающихся в бой», — подумала я. Что ж, убивать для Джаспера — дело привычное.

— Признайся, ведь ты хотел не только выгородить отца, а, Джаспер?

— спросил Джек. Взгляды кузенов скрестились.

— Бедняга, ты совсем потерял голову! — К моему крайнему удивлению, голос Джека звучал совершенно искренне.

— Что ты несешь, Джек? — воскликнула я. — Ведь Джаспер хотел убить Стивена!

Стивен подошел ко мне, словно считая, что я в опасности.

Джек развел руками:

— Все очень просто, дорогая Аннабель. Устранив Стивена, Джаспер надеялся стать твоим мужем.

— С чего бы ему надеяться на это?

— Зная тебя, Аннабель, он не сомневался, что ты снова вступишь в брак. После смерти Джералда и Стивена мы с Джаспером остались бы единственными претендентами на твою руку. А так как у меня теперь другие планы, я ему не помеха.

— Но я могла бы выйти за кого-то еще.

Джек покачал головой:

— Нет, Аннабель. Только не ты.

Чуть поразмыслив, я поняла, что Джек прав. Если бы обстоятельства сложились именно так, Джаспер, вполне вероятно, стал бы моим мужем.

— Ты вступила бы в брак только с тем, кто напоминал бы тебе о Стивене, а бедняга Джаспер до конца жизни бесплодно боролся бы с тенью.

Меня возмущало сочувствие Джека Джасперу.

— Зато он завладел бы моими деньгами, — добавила я.

Джек лукаво улыбнулся:

— Аннабель, дорогая, уверяю тебя, никто из нас не интересуется твоими деньгами.

Стивен положил руку мне на плечо.

— Хватит, Джек.

Тот взял нож для бумаги. Свет, падавший из окна, придавал ему сверхъестественное сходство с моим покойным мужем.

— Ты знаешь, что Джералд любил ее, — сказал Джек, — но она даже не замечала этого. И вышла за него замуж только в пику тебе.

Вероятно, почувствовав, как напряглись мои плечи, Стивен повторил:

— Хватит, Джек. Нелепо обвинять Аннабель в том, что совершил Джаспер. Он сам отвечает за свои поступки.

Я не отрывала глаз от небольшой китайской вазы с белыми розами, стоявшей на столе, возле моего кресла.

— В хладнокровной жестокости Джаспера виновата война, а не Аннабель.

Услышав, что Стивен высказывает мысль, всего несколько мгновений назад пришедшую мне на ум, я подняла голову.

Джек вертел в руке нож.

— Это вполне убедительное объяснение.

— Вы передадите меня властям? — глухо спросил Джаспер.

— Скажи, это ты продырявил лодку? — невольно вырвалось у меня.

— Нет, однако это происшествие навело меня на мысль разделаться со Стивеном. Но я никогда не хотел причинить вред Джайлзу. Поверь, Аннабель, я говорю чистую правду. И запомни: во всем этом нет твоей вины. Я никогда не пошел бы на это ради своих интересов. Мне казалось необходимым спасти папу. Но вместе с тем я не желал утратить то, что было нажито его махинациями.

Адам издал возглас отчаяния, и мое сердце дрогнуло.

— Мы ведь не предадим это гласности? — спросила я Стивена.

— Нет.

Адам совсем поник под тяжестью вины.

— Мы с Аннабель предварительно все обсудили, — проговорил Стивен.

— Лучше всего, если вы, Адам, тетя Фанни и Нелл переселитесь в купленное вами нортгемптонширское поместье.

— Вы... вы оставите его мне? — Старик был ошеломлен.

— Таково желание Аннабель.

— Боже мой! Боже мой! — бормотал Адам.

— Боюсь, семья не слишком благородно обходилась с вами, дядя Адам,

— заметила я. — И мне не хотелось бы, чтобы тетя Фанни и Нелл оказались в трудном положении.

— А что... что будет с Джаспером? — с трудом вымолвил старик.

— От матери я унаследовал плантацию в Виргинии, — ответил ему Стивен. — И готов передать ее Джасперу. Он получит также и деньги, поэтому сможет начать новую жизнь в Америке. Войдя в права, — продолжал Стивен, — я сразу освободил всех рабов. Ты должен обещать мне, Джаспер, что для обработки плантации будешь использовать только наемных работников. Надеюсь, тебе повезет, и тогда другие плантаторы последуют твоему примеру.

— Значит, ты уверен, что я справлюсь? — изумился Джаспер.

— Вполне уверен.

Они молча посмотрели друг на друга.

— Я сделаю все, что в моих силах, — тихо сказал Джаспер и перевел взгляд на меня. Я увидела в его глазах мольбу о прощении, но он так и не вымолвил покаянных слов.

— Аннабель! — Его голос дрогнул.

Я вспомнила о счастливых днях детства, проведенных с ним, о своих письмах к нему в Испанию, о том, как молила Бога о его благополучном возвращении.

Серые глаза Джаспера умоляли меня о прощении.

А я думала только о том, что он покушался на жизнь Стивена.

— Не хочу больше видеть тебя. Никогда в жизни, — сказала я.

Покинув библиотеку, я поспешила сообщить Джайлзу, что мы нашли врага Стивена. «Мой сын, — думала я, — должен чувствовать себя в безопасности в своем маленьком мирке».

Ошеломленный мальчик спросил:

— Джаспер хотел убить и меня, мама?

— Нет, дорогой.

— А почему же лодка дала течь? И ведь в лесу он стрелял в меня.

— Лодка прохудилась случайно, Джайлз, — заверила я сына. — Джаспер сказал, что не имеет к этому никакого отношения. К тому же стрелял он именно в дядю Стивена и не выстрелил второй раз потому, что боялся попасть в тебя.

Джайлз замолчал, о чем-то размышляя.

— А где сейчас капитан Грэндвил? — осведомилась Юджиния.

— Джек отвезет его в Саутгемптон и купит ему билет на корабль, отправляющийся в Америку. Стивен передает ему свою виргинскую плантацию, унаследованную от матери. — Я вздохнула. — Это разумное решение. Джаспер покинет страну, что избавит его семью от скандала.

Юджиния кивнула.

Мы сидели за учебным столом Джайлза. Мое появление прервало урок.

Я взглянула на сына:

— Ты слышал, Джайлз? Дядя Стивен отсылает Джаспера в Америку, и он больше не причинит нам никакого вреда. Теперь ты можешь спокойно, ничего не боясь, гулять по уэстонскому парку.

— Я все слышал, мама, — ответил Джайлз, однако было заметно, что он так и не успокоился. — Джаспер сказал, почему хотел убить дядю Стивена?

Чтобы не подорвать доверия сына к членам семьи, я решила не говорить ему об Адаме.

— Он ревновал к дяде Стивену, Джайлз.

— Но почему он ревновал к дяде Стивену? — изумился мальчик. — Ведь Джаспер — солдат и сражался на войне.

Очевидно, в глазах Джайлза солдат имел несомненные преимущества перед Стивеном с его неопределенным будущим.

Я не знала, что ответить, не упоминая об Адаме.

— Может, Джаспер ревновал, потому что ты любишь Стивена больше, чем его?

Я все еще колебалась.

— Так оно и есть? — обрадовался Джайлз.

— Отчасти — да.

— Бедные мистер и миссис Грэндвил, — проговорила Юджиния. — Представляю себе, какой это удар для них!

Я ухватилась за подсказку:

— Да, они так потрясены, что решили покинуть Уэстон и поселиться в своем нортгемптонширском поместье.

— Я не хочу, чтобы Нелл уезжала, — возразил Джайлз. — Я люблю Нелл. Она всегда играет со мной.

— Нелл придется отправиться с родителями. Ведь теперь, после отъезда Джаспера, она особенно нужна им.

***

Позавтракав в детской с Юджинией и Джайлзом, я спустилась вниз, надеясь увидеть Стивена. Узнав от Ходжеса, что он ушел вместе с Адамом, я позвала собак и направилась к себе в кабинет. Через открытые стеклянные двери лился утренний свет, однако небо заволгло тучами и стало заметно прохладнее. Я закрыла стеклянные двери и, обернувшись, увидела тетю Фанни.

Никогда не забуду ее белого как полотно, осунувшегося лица.

«Вот такой она будет, когда умрет», — с ужасом подумала я.

Да и сейчас, когда она узнала всю правду о муже и сыне, что-то наверняка умерло в ней.

Я протянула к тете Фанни руки, желая заключить ее в объятия и утешить, но что-то остановило меня:

— Я знаю, что все было для вас таким же кошмаром, как и для меня, тетя Фанни. Поверьте, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам и Нелл.

Она ответила холодным, почти официальным тоном, совершенно необычным для нее:

— Благодарю вас, Аннабель. Я хотела спросить, могу ли взять с собой на время кое-какую мебель из Дауэр-Хауса, пока мы не обзаведемся собственной? По словам Адама, в Нортгемптоншире почти ничего нет.

— Возьмите и оставьте себе все, что нужно.

— Спасибо, вы очень добры.

— Тетя Фанни! — воскликнула я в изумлении. — Почему вы так держитесь со мной? Я же ни в чем не обвиняю вас. — Увидев, каким негодованием горят ее глаза, я умолкла.

— Еще бы! Ведь это я должна обвинять вас, Аннабель.

Я в изумлении уставилась на нее:

— Н-не понимаю.

— Джаспер никогда в жизни — слышите, никогда — не совершил бы ничего подобного, не будь он так отчаянно влюблен в вас!

Я онемела.

Приблизившись ко мне, тетя Фанни посмотрела на меня так устрашающе, что я начала оправдываться:

— У Джаспера не было оснований надеяться на взаимность. Я всегда видела в нем лишь доброго друга. Поймите же, тетя Фанни, мой муж умер всего шесть месяцев назад.

— Именно смерть Джералда и натолкнула Джаспера на мысль, что у него есть шанс завоевать ваше расположение. А тут вернулся Стивен.

Мне казалось, будто я говорю с незнакомкой.

— Тетя Фанни, по-моему, вы не вполне сознаете, что Джаспер дважды пытался убить Стивена.

— Вы и Стивен погубили жизнь обоих моих детей.

— Это не правда! — Ее слова поразили меня.

— Я допустила величайшую ошибку, позволив Адаму оставаться в Уэстоне все эти годы, — продолжала она. — Ни Джералд, ни его отец не ценили моего мужа. Никогда даже

не задумывались о том, что платят Адаму нищенское жалованье, на которое нельзя достойно содержать жену и двоих детей.

— Говорил ли когда-нибудь Адам с Джералдом или его отцом о повышении жалованья?

— Они вынудили его воровать, — словно не слыша меня, заключила тетя Фанни.

Не желая возражать ей, я ограничилась замечанием:

— В мои намерения не входит наказывать его.

— Как вы милосердны, дорогая! — насмешливо отозвалась тетя Фанни.

Почувствовав себя оскорбленной, я вспыхнула, однако дала гневу улечься.

— Мне очень жаль, что вы так настроены, тетя Фанни. Хотите еще что-нибудь сказать?

— Нет. — И она направилась к двери. Когда тетя Фанни взялась за ручку, я добавила:

— Если когда-нибудь простите меня, пожалуйста, приезжайте.

Она на миг остановилась в нерешительности, но лишь кивнула, не оборачиваясь, и вышла.

Я в полном изнеможении опустилась на диван. Видимо, почуяв, что мне плохо, спаниели прижались к моим ногам. Мерлин ткнулся носом в мое колено, и я, нагнувшись, погладила его. Это прикосновение немного успокоило меня. Из-за облаков показалось солнце: его лучи ласкали мою спину.

Я все еще сидела там, когда появился Стивен. Он сразу заметил, что мне не по себе.

— Ты так огорчена из-за Джаспера, или случилось что-то еще? — Он опустился на диван рядом со мной, и я рассказала ему о разговоре с тетей Фанни, — Как видишь, это совсем выбило меня из колеи. Больно осознать, что близкий, с детства знакомый человек совсем не любит тебя.

— Тетя Фанни любит тебя, Аннабель, — возразил Стивен. — Просто сейчас она мучительно страдает за мужа и сына. Знает, что они виноваты, но считает своим долгом защищать их. А единственный способ хоть как-то оправдать их — переложить вину на кого-то другого. Ответственными за то, что случилось с Адамом, она считает Джералда и моего отца, за то, что случилось с Джаспером, — тебя.

— Джек тоже считает, что это моя вина. Стивен приподнял мой подбородок и заставил посмотреть ему в глаза:

— Ты не несешь никакой ответственности за все происшедшее в Уэстоне.

Я покачала головой, убежденная, что он говорит не правду:

— По-моему, тетя Фанни ненавидит меня.

Мой голос задрожал.

Стивен стиснул меня в объятиях.

— Да нет же, любимая. Просто, как всякая мать, она больше любит своих детей. Как только Фанни примирится с отъездом Джаспера, она вернет тебе свою дружбу. Вот увидишь.

Я никогда не была на первом плане у моей матери, но это не задевало меня. Зато для Стивена составляла средоточие вселенной.

«Только ты и я, Аннабель. Только ты и я».

Это стало фундаментом моей жизни. Если бы рухнул фундамент, я погибла бы под его обломками.

Прижимаясь к Стивену, я с наслаждением чувствовала знакомый запах.

— А почему все-таки в ту ночь ты послал записку Джему, а не мне?

Мой вопрос поразил его. Он даже не уточнил, какую ночь я имела в виду.

— Когда ты узнала, что я посылал Джему записку?

— В тот день, когда ты упал с Ворона.

— Понятно. — Он прерывисто вздохнул. — Раз уж ты знаешь, что я посылая Джему записку, тебе известно и почему я так поступил.

— Стивен, я никогда не сомневалась, что ты не был связан с контрабандистами, а просто выгораживал Джема.

Что-то дрогнуло в его лице, но я безжалостно продолжала:

— Вот только мне не ясно, почему ты уехал на Ямайку, так и не предупредив меня ни словом.

Он нервным движением провел рукой по волосам.

— Они повесили бы его! — в отчаянии воскликнул Стивен. — Слишком многие контрабандисты занимались переправкой золота во Францию, а это привело в ярость правительство. Джема перемололи бы колеса чудовищной машины, называемой правосудием. Я не мог этого допустить.

— Понимаю, но ведь я спросила не об этом, Стивен. Меня интересовало, почему ты послал записку Джему, но ни слова не сообщил мне.

— О Боже! — Стивен закрыл лицо руками. — Мне пришлось это сделать. Лишь узнав, что ты вышла замуж за Джералда, я осознал, какую большую ошибку совершил. Мне почему-то казалось, что не следует видеться с тобой перед отъездом. Видишь ли, я плохо представлял себе ситуацию, но точно знал, что должен спасти Джема.

Я не представляла себе, что скажет Стивен в свое оправдание.

— Я предвидел, что ты попросишь не покидать тебя, и боялся сломаться. Мне оставалось одно — уехать, не повидавшись с тобой. — Он опустил руки, и я увидела, что лицо его искажено смертельной мукой. — Господи Иисусе! Мне и во сне не снилось, что ты можешь выйти замуж за кого-то другого!

Я смотрела на него с удивлением и недоверием, ибо всю жизнь полагала, что он никогда не свернет с пути, который подсказывает ему совесть.

— Я собирался написать тебе с Ямайки и рассказать о том, что случилось, — с болью продолжил он. — Как бы то ни было, нам все равно не позволили бы обвенчаться. Однако я надеялся, что если мы сохраним верность друг другу в течение года, они раскаются и дадут согласие на наш брак.

«Они», — повторила я про себя. Вот уже много лет я не слышала, чтобы это слово произносили с такой интонацией. Для Стивена «они» были все, кроме меня и него.

— Я вел себя как дурак, — с горечью признался он. — И не просто дурак, а отвратительный эгоистичный идиот.

— Все знают, что тебя не заставит свернуть с пути даже табун диких жеребцов.

— Насчет жеребцов, может, и верно, а вот с тобой дело обстоит совсем по-другому.

Я вдруг вспомнила себя в семнадцать лет.

— Вполне допускаю, что попросила бы тебя выдать Джема, — призналась я. Стивен кивнул:

— Но ведь я не подозревал о том, что у тебя будет ребенок. Хотя и следовало бы. Да, мне нельзя было уезжать, не поговорив с тобой. Ты справедливо упрекаешь меня, Аннабель. Я едва не погубил и твою и свою жизнь и пойму, если ты никогда не простишь меня.

Я встала и подошла к стеклянным дверям. Солнце опять скрылось за облаками. Глядя на потемневшее небо, я устало проговорила:

— Не обвиняй себя, Стивен. Я виновата куда больше, чем ты.

Он тоже поднялся. Вдали, над грядой холмов, проглядывала синева. Это означало, что распогодится.

— Мне надо было пойти к графу, признаться ему во всем и потребовать, чтобы он отправил меня на Ямайку.

— Так бы ты и поступила, Аннабель, если бы я так жестоко не обидел тебя.

Глядя на голубое небо над холмами, я вдруг поняла, какие противоречивые побуждения испытывала в ту пору.

— Джек прав. Я вышла замуж за Джералда только назло тебе.

— Ты имела все основания считать, что я предал тебя, Аннабель.

— Я была зла на тебя за то, что ты отдал предпочтение Джему.

Стивен приблизился ко мне, и я обернулась:

— Да, мать давила на меня и лгала, но замуж за Джералда я вышла не из послушания. Мне было известно, что контрабандный товар нес Джем, а ты взял его вину на себя. Я поступила несправедливо с Джералдом, поскольку вышла за него, любя другого. Я поступила несправедливо с тобой. Но хуже всех я обошлась с Джайлзом, лишив его настоящего отца.

Пробившись сквозь тучи, луч солнца упал на ковер.

— Ты для меня всегда была и будешь дороже всего на свете, Аннабель. Поэтому у меня и не хватило мужества поговорить с тобой перед отъездом.

Я бросилась в его объятия, чувствуя себя как странник, вернувшийся домой после долгих скитаний.

Казалось, мы никогда не разомкнем объятий.

Закрыв глаза, я пыталась представить себе, чем все обернулось бы, если бы мне удалось убедить Стивена не жертвовать собой и остаться дома.

— Может, все к лучшему, — тихо проговорила я, прижавшись губами к его шейному платку. — Случись что-нибудь с Джемом, ты никогда не простил бы себе этого.

Руки Стивена стиснули меня.

— Аннабель! — воскликнул он, и я подняла лицо, ожидая поцелуя.

— Вот ты где, мама! — услышала я звонкий детский голос.

Стивен мгновенно отпустил меня.

— Что ты делаешь внизу, Джайлз? — Мне не удалось подавить раздражения.

— Джени беседует с Джеком, вот я и решил пойти поискать тебя, — ответил мой сын, сияя, словно солнышко.

Видимо, пришло время сменить гувернантку.

— Ты целовалась с дядей Стивеном?

Я растерялась, и Стивен поспешил мне на выручку:

— Да, Джайлз. Мы с твоей мамой хотим пожениться.

— Вот хорошо! — обрадовался мальчик. — Люк будет так доволен.

— Люк? — удивился Стивен.

— Это лакей, — объяснила я, — приятель Джайлза.

— Он побился об заклад, что вы со Стивеном поженитесь в сентябре,

— продолжал Джайлз. — Все лакеи называли разные месяцы, а Люк — сентябрь.

— Боже мой! — ужаснулась я. Стивен захохотал.

— Значит, вы правда поженитесь в сентябре, мама?

— Ты не должна подводить Люка, — заметил Стивен. — Это было бы нехорошо с твоей стороны.

— Ладно. Я не подведу Люка. Сентябрь так сентябрь.

Эпилог

Шестой день рождения Джайлза отмечался еще более весело, чем предыдущий. На этот раз мы пригласили не только слуг, работников и арендаторов, но и кое-кого из именитых горожан и йоменов. В праздничный день в Уэстон-Холле собралось около пятисот человек, и всех нам предстояло кормить и развлекать.

Весь этот день я почему-то думала о дяде Адаме и его семье. В прежних праздниках они принимали такое деятельное участие, что сейчас остро чувствовалось их отсутствие.

Судя по сведениям, дошедшим до нас из Америки, Джаспер успешно управлял плантацией, быстро вошел в местное общество и уже успел обручиться с дочерью одного из богатейших плантаторов Виргинии. Эту последнюю новость сообщила мне тетя Фанни, ответив на мое приглашение приехать к нам всей семьей на праздник. Из ее письма я также узнала, что Нелл скоро выйдет замуж.

«Благодарю вас за доброту, дорогая, — писала тетя Фанни, — но полагаю, что нам не стоит возобновлять отношения, столь печально закончившиеся».

Однако тон письма был таким же, как в прежние времена, и у меня словно камень с души свалился. Поняв, что тетя Фанни права, я решила впредь не беспокоить ее письмами. Не все можно простить и забыть, и время не возвращается вспять.

Однако все прочие члены семьи были в сборе и приложили руку к тому, чтобы праздник удался на славу. Юджиния взялась подготовить игры для детей, что несколько тревожило меня, ибо она была уже на пятом месяце.

Джаспера у озера сменил Том Стедхэм, брат Юджинии.

Он вернулся с Ямайки в ноябре прошлого года, и Стивен назначил его вместо Адама управляющим уэстонским поместьем. Поселив Тома в Дауэр-Хаусе, он определил ему весьма приличное жалованье.

Они подружились еще на Ямайке, а сейчас уделяли много времени созданию общества, которому предстояло объединить людей, борющихся за отмену рабства.

Том хорошо плавал, поэтому я со спокойной совестью поручила ему следить за катанием на лодках.

В галерее хозяйничала мисс Мандерс, новая гувернантка Джайлза.

Моя мать и ее супруг сидели на террасе с многострадальным пастором, его женой, дядей Фрэнсисом и теми избранными бедолагами, которых герцогская чета сочла достойными своего общества. Среди дня, за обеденным столом, дядя Фрэнсис сообщил мне, что моя мать остро ощущает отсутствие своих именитых лондонских знакомых.

— Мы с пастором явно не удовлетворяем ее, — смеясь, заключил он.

— Извините, дядя Фрэнсис, но мне пришлось пригласить мать, только не понимаю, почему она приняла приглашение.

— Вы же знаете, Аннабель, — беззаботно отозвался он, — просто Регине приятно видеть, что вы уступаете ей как хозяйка.

Я посмотрела на его милое, доброе лицо. Глаза у дяди Фрэнсиса были точно такого же цвета, что и у Стивена.

— Никогда не подозревала этого, — ответила я. Темно-голубые глаза весело блеснули.

— Она приезжает сюда убедиться в том, что вам ее не затмить.

Я рассмеялась:

— Охотно уступаю ей пальму первенства, дядя Фрэнсис. С моей стороны не слишком

великодушно принести вас в жертву, но я просто не видела другого выхода. Простите меня.

— Не беспокойтесь. Надеюсь, Господь зачтет мне часы, проведенные с Региной и Сайе. Я спросил у пастора, оправданна ли эта моя надежда, и он сказал, что вполне.

Мы рассмеялись.

Я не видела Стивена вот уже несколько часов, ибо порознь занимали гостей. Добросовестно исполняя свою обязанность, я побеседовала уже с доброй сотней улыбающихся людей, но к шести часам вдруг почувствовала смертельную усталость, отправилась к себе и легла на диван.

Такое изнеможение я испытала лишь однажды в жизни и знала, что оно означает.

У меня будет ребенок.

Сложив руки на еще не округлившемся животе, я обрадовалась, что вскоре буду вновь держать на руках младенца, и даже прослезилась — такая глубокая нежность к этому существу вдруг охватила меня.

Это тоже подтверждало мое предположение. Ведь вообще-то я не плаксива.

Едва я подумала о том, как буду целовать пушок на голове младенца, по моим щекам заструились слезы счастья. Шмыгнув носом, я вытерла лицо.

Как обрадуется Стивен! Обстоятельства не позволили ему вкусить радость рождения первенца, но этот ребенок восполнит ему все с лихвой.

За истекший год Джайлз очень привязался к дяде Стивену. Я вспомнила, как в Рождество прошлого года они, весело пересмеиваясь, играли в снежки в уэстонском парке, и это вызвало новый поток слез. Затем я подумала о четырех новых лошадях, стоящих в конюшне, и успокоилась.

Что мне удастся сделать за оставшиеся месяцы? Необходимо приучить к охоте четырех чисток-ровок, ведь Джек так занят своей племенной фермой, что нельзя рассчитывать на его помощь. Стивен обещал помочь мне во время сезона охоты на лис, но выезжать новых лошадей, учить их брать преграды могу только я сама.

Погладив живот, я решила, что срок беременности еще невелик. Ничто не помешает мне охотиться вплоть до января.

Как бы там ни было, в январе нам все равно придется покинуть Уэстон, поскольку начинается работа парламента, а Стивен еще в прошлом году занял там место дяди Фрэнсиса. Поэтому я и купила всего четырех чистокровок. У меня оставалось мало времени, чтобы превратить их в охотничьих лошадей.

В прошлом году сэр Мэтью убеждал меня отпустить Стивена в Лондон одного, но я отказывалась. Дом в моем понимании — семья, и в этом январе я тоже поеду в Лондон.

Дверь открылась, и голос Стивена спросил:

— С тобой все в порядке, Аннабель?

— Да, просто я очень устала. Как ты меня нашел?

— Ходжес видел, как ты вошла сюда.

— Ох уж этот Ходжес, все-то он видит, все-то он знает.

Стивен подошел к дивану, и я подвинулась. Он сел и взял меня за руки:

— Ты же никогда не устаешь.

— Думаю, что имею на это такое же право, как и другие, — заметила я.

— Ты сильна и вынослива, как львица. Что-то не так?

— Все так.

— Почему же ты так осунулась, а глаза стали большими-большими? В чем дело,

Аннабель. Уж не ждешь ли ты ребенка?

— Что ты, черт побери, прицепился ко мне, Стивен? — Я приподнялась. — Если позволишь, я сама скажу тебе.

— Но ты же не говоришь. — Он усмехнулся.

— Я недавно заподозрила, что, возможно, у нас будет ребенок. — Я сунула под спину подушку. — Ты лишил меня возможности сделать тебе сюрприз.

— Прости, любимая, я не хотел этого. — Впрочем, он, видимо, ничуть не раскаивался. — Одно только предположение так взволновало меня, что я уже не мог удержаться.

Наши пальцы переплелись.

— Ты в самом деле взволнован, Стивен?

— Еще бы!

— Я думала о том, что лишила тебя возможности порадоваться первенцу, но уж этот ребенок будет твой, полностью твой.

Стивен обнял меня, а я прильнула к нему, черпая в нем силу.

— Знаешь, Аннабель, меня беспокоит, что юного лорда Уэстона не слишком осчастливит появление, так сказать, конкурента.

— Это будет полезно для Джайлза, — возразила я. — Он должен понять, что мир вращается не только вокруг него.

Мы рассмеялись.

— А что ты собираешься делать со своими новыми чистокровками? — вдруг спросил Стивен.

— Ничто не мешает мне охотиться до тех пор, пока мы не уедем в Лондон. Нося под сердцем Джайлза, я тоже охотилась.

Я почувствовала, как он напрягся.

— А что, если ты упадешь? — встревожился Стивен.

— Я буду осторожна.

— Боже мой, Аннабель, я так боюсь за тебя!

— Если у меня возникнут хоть малейшие сомнения, я не стану охотиться. Мне очень хочется иметь ребенка, поэтому я не сделаю ничего такого, что могло бы повредить ему.

— Надеюсь, но ведь опасность угрожает не только ребенку.

Я вспомнила, сколько раз придерживала язык, когда Стивен замышлял что-нибудь рискованное, и решила промолчать.

Постепенно он успокоился и глубоко вздохнул:

— Делай, как считаешь нужным, Аннабель. Я знаю, как ты гордишься своими охотничьими лошадьми, и не буду удерживать тебя дома.

Только тут успокоилась и я.

— Спасибо, Стивен.

Он грустно посмотрел на меня:

— Должен признаться, Аннабель, что не люблю нарушать привычный ход жизни.

Меня обрадовало наше единомыслие.

— Теперь ты оценил мое героическое поведение в последние годы? — пошутила я. Он ласково улыбнулся мне:

— Я всегда знал, что ты героиня.

Дверь открылась, и появился дворецкий.

— В чем дело, Ходжес? — осведомился Стивен.

— Гости собираются преподнести цветы мисс Аннабель. А вам, мистер Стивен, арендаторы тоже хотят сделать подарок.

Стивен, вздохнув, поднялся и протянул мне руку:

— Скажи, что мы сейчас придем, Ходжес.

И рука об руку мы направились к гостям.

Больше книг на сайте - Knigolub.net